

Иркутский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

На правах рукописи

Суслов Андрей Александрович

**ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ОТКАЗОВ В РОССИЙСКОМ
ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

Специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности

Научный руководитель:

кандидат юридических наук,

доцент

Белькова Елена Геннадьевна

Иркутск, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ОТКАЗА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ.....	15
§ 1. Понятие отказа и сфера его применения в гражданском праве.....	15
§ 2. Классификации отказов и их юридическое значение.....	50
ГЛАВА 2. ПРАВОМЕРНЫЙ ОТКАЗ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	79
§ 1. Отказ от субъективных гражданских прав.....	79
§ 2. Отказ от гражданской правоспособности и дееспособности.....	93
§ 3. Отказ от иных правовых возможностей и долженствований.....	116
ГЛАВА 3. НЕПРАВОМЕРНЫЙ ОТКАЗ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ .	142
§ 1. Понятие и правовые последствия неправомерных отказов	142
§ 2. Отдельные виды неправомерных отказов.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	185
БИБЛИОГРАФИЯ.....	191

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Актуальность темы диссертационного исследования объясняется несколькими факторами.

Отказ относится к одному из наименее разработанных в правовой науке понятий. В цивилистической доктрине отказ определяется противоречивым образом, не выработаны не только общепризнанные его определения, но и отсутствуют научно обоснованные подходы к пониманию термина отказ и выделению его признаков. Учеными отказ изучается либо как видовое понятие без попыток определить его принадлежность к определенному роду (отказ от договора, отказ от исполнения обязательств и др.), либо как цивилистическое явление, имеющее единые признаки и закономерности существования. Оба из указанных подходов не позволяют, с одной стороны, сформулировать общие признаки, характерные для всех отказов в гражданском праве, а, с другой стороны, выявить отличительные особенности, характерные для его отдельных видов. Одновременно с этим только Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ прямо упоминает об отказах 443 раза²; значительно увеличивается это число, если проанализировать специальные нормативно-правовые акты. Именно поэтому требуются научные усилия для устранения противоречий в подходах к исследованию такого правового явления как отказ во избежание неоднозначности в его понимании.

Отсутствуют в цивилистической науке и попытки провести классификации отказов. Наиболее последовательным и полным, по сравнению с иными видами отказов, следует признать вклад науки в анализ проблем отказа от субъективных гражданских прав. Однако данный вид отказа проанализирован

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

² Часть первая – 95 раз; Часть вторая – 237 раз; Часть третья – 52 раза, 4 часть четвертая – 59 раз.

исключительно через призму одной классификации субъективных прав – деления субъективных прав на вещные (отказ от права собственности) и обязательственные (отказ от договора). Иные классификации субъективных прав и особенности отказов от них вообще не исследуются в юридической литературе. Речь идет об особенностях отказа от: имущественных и неимущественных субъективных прав, охранительных и регулятивных субъективных прав, корпоративных прав, преимущественных прав и др.

Не нашла должного освещения в цивилистической науке и проблема отказа от иных объектов, помимо субъективных гражданских прав: от правоспособности и дееспособности и их реализации, от секундарных прав и их осуществления. Кроме этого, отсутствуют научные работы, посвященные характеристике неправомерных отказов и их правовым последствиям.

Незначительное внимание цивилистической доктрины к указанным проблемам привело к формированию двух негативных тенденций в правоприменительной практике.

Первая – это поддержка судами «доктрины ничтожности отказов», в соответствии с которой легитимными считаются лишь те отказы, право на совершение которых прямо зафиксировано в тексте законодательного акта. Некоторая тенденция к изменению ситуации наметилась в связи с принятием в 2015 году ст. 450.1 ГК РФ, закрепившей возможность отказа от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору. Вместе с тем, данное изменение касалось лишь отказов в рамках договорных отношений и существенно не повлияло на негативное отношение судов к возможности отказов, продолживших признавать их недействительными и не порождающими правовых последствий.

Вторая – это формирование противоречивой и непоследовательной судебной практики при признании совершенных отказов недействительными на основании отсутствия понимания в разграничении отказов от самих субъективных прав, их осуществления, а также отказов от правоспособности и ее реализации.

Указанные тенденции обуславливают необходимость подготовки соответствующих выводов и рекомендаций для правоприменительных органов, а также участников гражданского оборота.

Степень разработанности проблемы. Большинство специальных научных работ, связанных с исследованием понятия отказа, посвящены отказу от прав в рамках договорных правоотношений. Среди них следует выделить диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук М.А. Егоровой (2006) и Е.В. Облонковой (2009), первое из которых посвящено одностороннему отказу от исполнения договора, а второе – одностороннему отказу от исполнения обязательства.

Единственная кандидатская диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, в которой освещаются проблемы отказа от различных видов субъективных прав, подготовлена Ю. В. Сухановой и называется «Отказ от субъективных гражданских прав» (2009 г.).

В 2011 г. была защищена диссертация И.П. Гладышевой по теории государства и права «Юридический отказ (теория, практика, техника)», а в 2014 г. опубликована монография Ж.И. Седовой, Н.В. Зайцевой «Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации». Первая из указанных работ посвящена общетеоретическим проблемам понимания юридического отказа и не учитывает его отраслевую специфику, вторая – также анализирует проблемы отказа только от субъективных прав и в большей части основывается на компаративистском подходе.

Несмотря на повышение внимания цивилистов к проблеме отказа в последние годы (статьи К.К. Беляевой, Л.Ю. Василевской, А.В. Саркисяна, Д. А. Новосельнова) до настоящего времени отсутствует глубокое целостное цивилистическое исследование категории отказа в гражданском праве, посвященное не только отказу от субъективных гражданских прав.

Цель диссертационной работы заключается в выработке целостного научного представления о понятии и видовой характеристике отказов в российском гражданском праве. Для достижения указанной цели подлежат выполнению следующие **задачи**:

- выявить общие признаки отказов в гражданском праве и дать определение понятию отказа;
- выявить и сформулировать дополнительные признаки отказа как гражданско-правового термина с позиции различных цивилистических учений;
- предложить классификации отказов и сформулировать их значение для гражданского права;
- определить особенности отдельных видов правомерных отказов в зависимости от их объекта;
- предложить критерии разграничения отказов от субъективных прав, отказов от правоспособности и отказов от их осуществления (реализации);
- определить признаки отказов от отдельных видов субъективных прав;
- раскрыть особенности отказов от правовых возможностей, не являющихся субъективными правами;
- выявить признаки отказа в качестве неправомерного действия;
- оценить эффективность правоприменения в случае признания отказов ничтожными и предложить направления совершенствования гражданского законодательства в данной области общественных отношений.

Методология и методы диссертационного исследования. Методологию диссертационного исследования составляет общенаучный диалектический метод. При изучении отдельных вопросов используются такие общенаучные приемы познания, как анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, которые позволили определить общие признаки отказов в гражданском праве, а также дать его дефиниции в рамках конкретного цивилистического учения. Наряду с ними использовались и частнонаучные методы познания, а именно: формально-логический, системный, сравнительно-правовой, которые

легли в основу предложенных подходов к разграничению различных видов отказов и формулированию особенностей их правового регулирования.

Использование всех указанных методов позволило предложить целостное научное представление о понятии и видовой характеристике отказа в гражданском праве, определить недостатки правового регулирования и сформулировать предложения по совершенствованию гражданского законодательства.

Теоретической основой диссертационного исследования послужили работы представителей российской цивилистической науки, а также общей теории права. Теоретический фундамент исследования составили труды следующих ученых: Р.Н. Адельшина, С. С. Алексеева, А. Б. Бабаева, В.А. Белова, Т. С. Бойко, Е. В. Вавилина, Л. Ю. Василевской, Е.В. Васьковского, И. П. Гладышевой, М.А. Егоровой, Н. В. Зайцевой, А. Г. Карапетова, А. А. Кравченко, О. А. Красавчикова, Д. И. Мейера, Д. А. Новосельнова, Е.В. Облонковой, А. В. Саркисяна, Ж. И. Седовой, А. П. Сергеева, Ю. В. Сухановой, У. Б. Филатовой, Е.А. Флейшиц, Б. Б. Черепихина, Г. Ф. Шершеневича и др.

Нормативно-правовую и эмпирическую основу исследования составили положения Конституции РФ; международные правовые акты; Гражданский кодекс РФ; иные федеральные законы РФ и подзаконные акты РФ.

Для обоснования теоретических выводов использовались акты Конституционного Суда РФ (1), Верховного Суда РФ (16), арбитражных судов РФ (11), судов общей юрисдикции РФ (45), третейских судов (1).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что на основе анализа положений нормативных правовых актов, практики их применения и юридической доктрины впервые предложено целостное научное представление о понятии и видовой характеристике отказов в российском гражданском праве, внесен вклад в развитие цивилистического учения об отказе в качестве правовой возможности, обязанности, юридического факта гражданского права, а также способа защиты гражданских прав и правового средства. В рамках исследования диссертантом восполнены пробелы в доктринальном понимании отказа в гражданском праве; выявлены общие признаки

отказов в гражданском праве и обоснована многозначность понимания отказа с позиции различных цивилистических учений; предложены авторские классификации отказов в гражданском праве; определены признаки отказа от отдельных видов субъективных прав; предложены критерии разграничения отказа от субъективных прав и их осуществления, а также отказа от правоспособности и ее реализации; определены особенности отказа от вторичных прав и их осуществления, исполнения юридических и кредитных обязательств.

Обозначенная научная новизна исследования, ее отдельные элементы находят выражение и конкретизацию в следующих основных **положениях, выносимых на защиту:**

1. Отказ в гражданском праве определен как действие, направленное на прекращение правовых возможностей или сужение их границ для участников гражданско-правовых отношений.

Обосновано, что термин «отказ» является многозначным, поскольку может быть определен с позиций различных цивилистических учений (теорий): о механизме гражданско-правового регулирования, о правоотношении, об юридических фактах, о защите гражданских прав. Разграничение понимания отказа с позиции указанных теорий (учений) позволяет устранить противоречия в дефинициях отказа и выработать корректные критерии для проведения углубленного изучения предлагаемых в цивилистической литературе определений.

2. С позиции учения о гражданском правоотношении отказ предложено понимать как осуществление правовой возможности и исполнение юридической обязанности.

Право на отказ – это вторичное право, содержанием которого является правовая возможность совершения управомоченным лицом действий по распоряжению субъективными правами, элементами правоспособности, принадлежащими их обладателю. Реализация права на отказ может влиять на правовую сферу не только обладателя субъективного права (путем прекращения

субъективного права; путем самоограничения в осуществлении правомочий), но и на правовую сферу иных участников гражданских правоотношений (путем отказа в даче согласия).

Обязанность отказа – долженствование, сформулированное в виде негативного обязательства, принимаемое на себя стороной договорного правоотношения, содержанием которого является воздержание от осуществления отдельных элементов субъективных прав или реализации отдельных элементов правоспособности и дееспособности.

3. Доказано, что отказ как юридический факт гражданского права обладает следующими особенностями:

– это юридический факт, который влияет не только на динамику гражданского правоотношения (в частности, приводит к его прекращению), но и порождает иные значимые для гражданского права последствия (в частности, является основанием для констатации факта отсутствия (не возникновения) правоотношения);

– отказ может быть реализован не только односторонним волеизъявлением, но и в виде соглашения, направленного на самоограничение управомоченного лица в реализации отдельных правовых возможностей. В этом случае третьи лица приобретают право требовать воздержания от совершения определенных действий, а отказ от их совершения становится обязанностью должника.

4. Предложено подразделение отказа в гражданском праве по критерию направленности на внутренний и внешний отказ. Внутренний направлен на отказ от правовых возможностей самого их обладателя и не оказывающий влияния на правовую сферу третьих лиц. Внешний направлен на отказ в реализации правовых возможностей, принадлежащих иным лицам и вторгающийся в их правовую сферу.

Правовое значение данной классификации проявляется через учение о механизме гражданско-правового регулирования, в соответствии с которым отказ предложено понимать одновременно в качестве стимулирующего и

ограничивающего правового средства, которое может применяться не только с целью расширения сферы свободы участников частноправовых отношений (внутренний отказ), но и также с целью контроля за процессом реализации гражданских субъективных прав и интересов (внешний отказ).

5. Предложено выделение следующих видов внутреннего отказа по критерию его объекта: отказ от субъективных прав; отказ от осуществления субъективных прав; отказ от реализации правоспособности и дееспособности; отказ от секундарных прав; отказ от исполнения кредиторских обязанностей. Отказ от осуществления секундарных прав и отказ от исполнения юридических обязанностей следует относить к видам внешнего отказа.

Аргументировано, что в зависимости от объекта различается правовое регулирование отказа и последствия его реализации.

6. Проведено разграничение отказа от субъективного права и отказа от его осуществления: отказ от реализации отдельных правомочий, входящих в содержание субъективного права, необходимо квалифицировать как отказ от осуществления субъективного права (отказ от отдельных элементов); при отказе от субъективного права происходит отказ от осуществления всех возможностей, входящих в его содержание (отказ от права в целом).

7. Доказана необходимость разграничения отказа от гражданской правоспособности и отказа от ее реализации. Отказ от правоспособности не допустим ни при каких обстоятельствах. Отказ от реализации отдельных способностей, входящих в содержание правоспособности, возможен. Обосновано, что отказ стороны обязательственного правоотношения от заключения в будущем отдельных договоров может быть признан непоименованным способом обеспечения исполнения обязательства.

8. Предложена классификация отказа как гражданско-правового юридического факта в зависимости от позиции закона о его допустимости на разрешенный (правомерный) и запрещенный (неправомерный). В детализацию данного деления обосновано разграничение следующих видов отказов с

точки зрения его квалификации в качестве действительного или недействительного:

– отказы, запрещенные в сверхимперативных нормах и прямо признаваемые недействительными нормами гражданского законодательства («безусловно ничтожные»);

– отказы, запрет которых вытекает из императивных норм гражданского законодательства. Такие отказы можно признать ничтожными только при квалификации соответствующих норм в качестве императивных («условно ничтожные»).

– отказы, прямо разрешаемые нормами гражданского законодательства («безусловно действительные»).

– отказы, не запрещенные гражданским законодательством. Такие отказы нельзя признавать ничтожными, если они касаются правовых возможностей, закрепленных диспозитивными нормами гражданского права («условно действительные»).

9. С позиции учения о защите гражданских прав дополнительно аргументировано, что отказ представляет собой самостоятельный способ защиты в рамках не только мер оперативного воздействия, но и мер самозащиты. Их применение является реакцией на неправомерное поведение другой стороны и единственным примером допустимого отказа от исполнения юридических обязанностей.

10. Обоснована ошибочность судебной практики, признающей недействительным отказ от наследства при наличии заключенного соглашения, стимулирующего наследника к отказу от наследства. Данная практика искажает цель правовой нормы о запрете отказа от наследства под условием, сужает пределы принципа свободы договора, запрещая заключать соглашения, пусть и непоименованные, но и не противоречащие гражданскому законодательству, а также провоцирует участников наследственных правоотношений на недобросовестное поведение.

Теоретическая значимость исследования выражается в том, что сформулированные выводы и предложения выступают основой для формирования целостного научного представления о понимании и видовой характеристике отказа в российском гражданском праве, позволяют дополнить существующие научные воззрения в области учений (теорий) о юридических фактах, гражданском правоотношении, защите гражданских прав, а также механизма гражданско-правового регулирования, могут быть использованы для последующей разработки проблематики отказов в российской цивилистике применительно к отдельным подотраслям и институтам гражданского права. Материалы диссертации позволяют обратить внимание на перспективные направления научных исследований в области изучения отдельных видов отказа.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные автором выводы и выработанные рекомендации будут способствовать совершенствованию гражданского законодательства в сфере отказов, а также увеличивать эффективность их правового регулирования в частноправовой области.

Основные положения диссертационного исследования могут быть внедрены в практическую юридическую деятельность, а также использованы в образовательных и научных целях.

Практическую и теоретическую значимость проведенного исследования в отношении категории «отказ» признал Российский фонд фундаментальных исследований, поддержав заявку автора диссертационной работы по Конкурсу на лучшие проекты фундаментальных научных исследований, выполняемые молодыми учеными, обучающимися в аспирантуре («Аспиранты») в 2019 году.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Положения и выводы диссертационного исследования были обсуждены на кафедре гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста Рос-

сии). Основные исследовательские результаты нашли отражение в 23 публикациях, из которых 7 опубликованы в ведущих научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных результатов исследований соискателей ученых степеней по специальности 12.00.03.

Автор принял участие в тринадцати научно-практических конференциях и круглых столах международного, всероссийского и регионального уровня: V Международной научно-практической конференции «Современные проблемы законодательства России и зарубежных стран» (Иркутск, Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 16 сентября 2016 года); Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы правотворчества и правоприменения» в рамках Байкальского студенческого юридического форума-2017 (Иркутск, Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 24 марта 2017 года); VI Международной научно-практической конференции «Защита частных прав: проблемы теории и практики» в рамках Байкальского юридического форума (г. Иркутск, Байкальский государственный университет, 21-22 сентября 2017 года); Пермском конгрессе ученых-юристов (г. Пермь, Пермский государственный национально-исследовательский университет, 26-27 октября 2017 года); в Межвузовском круглом столе «Регулирование гражданско-правовых, финансовых и трудовых отношений» (Иркутск, ФГКОУ «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 09 июня 2017 года); в VI Международной научно-практической конференции «Современные проблемы законодательства России и зарубежных стран» (Иркутск, Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 8 декабря 2017 года); в Международной научно-практической конференции «Общество, право, личность: историко-правовые, философские и социологические предпосылки развития экономики шестого технологического уклада» (Минск, Междунар. ун-т «МИТСО, 18-20 апреля 2018 года); в VII Международной научно-практической конференции

«Современные проблемы законодательства России и зарубежных стран» (Иркутск, Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 5 октября 2018 года), в VIII Международной научно-практической конференции «Современные проблемы законодательства России и зарубежных стран» (Иркутск, Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 27 сентября 2019 года); в XII итоговой студенческой научной конференции Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 09 апреля 2020г.); в Национальной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 90-летию со дня рождения д.ю.н., профессора, академика Академии социальных наук РФ, заслуженного юриста Республики Башкортостан Марка Семёновича Орданского (г. Уфа, Башкирский государственный университет, 10-11 апреля 2020 года), в IX Международной научно-практической конференции «Современные проблемы законодательства России и зарубежных стран» (г. Иркутск, Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 16 октября 2020 года), в XVI Международной научно-практической конференции «Державинские чтения» (г. Казань, Казанский федеральный университет, Казанский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 24-26 мая 2021 года).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ОТКАЗА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

§ 1. Понятие отказа и сфера его применения в гражданском праве

Прежде чем непосредственно перейти к содержательному анализу понятия отказа, обратимся к основополагающим терминам лингвистической науки, на основе которых будет сформирован авторский подход к изучению темы диссертационного исследования.

Правовая наука живет в языке, т. е. знаковой системе, занимающей первичное и важнейшее место в социальных коммуникационных процессах¹ а точнее, – в его специфическом виде – языке науки, который, в свою очередь, живет в тексте² (в том числе, и в тексте закона).

Слово «отказ» значительно употребляется в текстах законодательных актов, его постоянно используют в доктрине и судебной практике. Однако, слово – это лишь набор знаков от пробела до пробела³, форма выражения существующих или мыслимых предметов или явлений. В лингвистической науке устоявшейся является позиция, согласно которой выделяются следующие уровни понимания значения слов:

¹ Сепир Э. Коммуникация / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. С. 210–215. с. 210–211; 66, Уфимцева А. А. Понятие языкового знака / А. А. Уфимцева // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука, 1970. С. 96–97.

² Асланян Н.П. Об отношении к категориям в цивилистической литературе и роли категорий в научном познании // Защита частных прав: проблемы теории и практики. материалы VI ежегодной международной научно-практической конференции в рамках Байкальского юридического форума. 2017. С. 6.

³ «В графическом аспекте слово определяется как последовательность знаков, ограниченная пробелами. Такое определение используется в некоторых видах прикладной лингвистики (автоматическая обработка текстов, статистика, отчасти лексикография)...» (Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В.Н.Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С.465). Именно с таким определением слова, по сути, согласны все лингвисты, когда речь заходит не о содержании, а о форме. В частности, А.Я. Шайкевич в разделе «Слово как объект современных исследований» отмечал, что определение слова как последовательности знаков от пробела до пробела в письменном тексте является по сути остенсивным (опирающимся только на зрительное восприятие формы). Тем не менее, оно универсально в том смысле, что с ним никто не спорит; по крайней мере, в языках с алфавитным типом письма оно истинно. Поэтому все лингвисты согласны: это единственное всеобщее определение слова, привязанное только к его форме. Разумеется, как только начинают исследовать значение, никакого единства нет и в помине (Амирова Т.А., Колшанский Г.В., Ольховиков Б.А., Шайкевич А.Я. Курс лекций по теоретическому и классическому языкознанию для аспирантов. МГПИИЯ им. М.Тореза, 1972. 96 с.)

1. Концепт – представление, знание, ассоциация, переживание, сопровождающее слово в сознании конкретного человека. Таким образом, концепт одного и того же слова у разных людей может приобретать различное значение.

2. Понятие – определение совокупности основных свойств предметов и вещей.

3. Термин – лексическая единица, используемая в отдельной области знаний и характеризующаяся максимально возможным уровнем детализации совокупности свойств предметов и вещей с целью разграничения их от схожих по написанию слов предметов и вещей.

В научной и в профессиональной деятельности при описании тех или иных предметов или вещей принято использовать понятия и термины, которые наиболее точно отражают содержание, чем концепт и, в связи с этим, более узкие по своему объему. Отличие понятия от термина обусловлено степенью детализации описания совокупности свойств предметов и вещей, и может соотноситься как общее к частному.

Соответственно, применительно к отказу нами, в том числе и в наименовании работы, будет использоваться слово «понятие» как более общее. Вместе с тем, слово «термин» при раскрытии признаков отказа также представляется уместным и допустимым.

«Отказ» с точки зрения лингвистической науки является перформативом¹, под которым понимается речевой акт, равноценный поступку (действию)². По мнению Е.Н. Лучинской и И.Б. Сизоненко, «понятие перформативности в последние годы приобретает все большее значение для культурологических и социальных дисциплин. Представители различных европейских

¹ Данный термин предложен Дж. Остином в его теории речевых актов, представленной в оксфордских лекциях, опубликованных посмертно в виде книги «How to Do Things with Words» в 1962 году (русский перевод вышел в 1986 под названием «Слово как действие»).

² Vanderveken D. Meanin and speech acts. Vol. 1/ Camdridge University Press, 1990. P. 214. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. М. Флинта : Наука, 2007. 507 с.

научных школ единодушно признают, что понятие перформативности учитывает различные дисциплинарные подходы к проблемам социальной действительности»¹. Суть перформативов заключается в том, что производство высказывания является осуществлением действия: в процессе говорения (по-латински *in locutio*) человек одновременно совершает еще и некоторое действие, имеющее какую-то внеязыковую цель: он спрашивает или отвечает, информирует, уверяет или предупреждает, назначает кого-то кем-то, критикует кого-то за что-то и т. п.². При этом очень важно, что перформативы базируются на принятой в обществе системе норм, которая определяет последствия для сделанного высказывания.

Соответственно, все отказы в гражданском праве – это всегда действия, которые с точки зрения сложившейся в обществе системе норм оцениваются и влекут наступление определенных правовых последствий. В качестве таких последствий выступают некие ограничения для участников гражданского оборота или умаления их прав. Причем абсолютно неважно, и это подтверждает и лингвистическая наука, говорим ли мы об отказе в институциональном дискурсе (когда отказ совершает государственный институт) или персональном дискурсе (когда отказ совершает отдельный участник отношений в отношении самого себя или третьих лиц). Последствиями отказа в гражданском праве всегда будут прекращение правовых возможностей или сужение их границ для участников гражданско-правовых отношений.

Таким образом, общими признаками, объединяющими любые отказы в гражданском праве, являются:

а) признак перформативности отказа (позволяющий квалифицировать любой отказ как действие или речевой акт, тождественный действию);

¹ Лучинская Е.Н., Сизоненко И.Б. Перформативность судебного дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 1. С. 142.

² Мироненко С. А. Определение понятий «Перформативность» и «Перформанс» в научно-исследовательском дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. №1 (134). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiy-performativnost-i-performans-v-nauchno-issledovatel'skom-diskurse> (дата обращения: 13.07.2021).

б) признак общих правовых последствий, выражающихся в прекращении правовых возможностей или сужение их границ для участников гражданско-правовых отношений.

Учитывая вышеизложенное, отказ в российском гражданском праве может быть определен как действие, направленное на прекращение правовых возможностей или сужение их границ для участников гражданско-правовых отношений.

Сформулированные общие признаки для любых отказов с точки зрения гражданского права, явно недостаточны для погружения в суть данного правового явления. Требуется более детальное изучение используемой законодателем, доктриной и судебной практикой терминологии, что позволит выявить и сформулировать дополнительные признаки отказа как гражданско-правового термина в зависимости от его дальнейшей видовой характеристики.

В завершении пояснения используемой терминологии также прокомментируем использование применительно к отказу в юридической литературе терминов «понятие» и «категория». Вопрос об их соотношении в доктрине является дискуссионным. Их разграничение проводится с позиции их фундаментальности: категории выступают в качестве наиболее глубоких понятий не только в целом в правоведении, но и в отдельных его областях¹. Правовые категории обладают «особенностями, связанными с фундаментальным характером теоретических правовых знаний. Именно в правовых категориях зафиксирован общий итог научного познания объективной сущности права как общественного явления»². Не оспаривая значимости указанной дискуссии, согласимся с утверждением А.М. Васильева о том, что правовые категории – научные понятия, которые выступают как инструмент научного мышления и служат для отображения объективной сути правовых явлений. Категории права –

¹ Мильков А. В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов : дисс. ... д-ра юрид. наук, М., 2015. С. 54.

² Там же.

компоненты правовой нормативной структуры, инструмент правового регулирования¹. Отказ пронизывает все элементы механизма правового регулирования и в этом смысле может быть отнесен к категории после соответствующего обоснования. Но поскольку, это требует самостоятельного доказывания и не является целью данного исследования отметим, что отказ в работе будет подлежать изучению и как научное понятие, и как компонент правовой нормативной структуры, поскольку существенные признаки отказа нашли отражение в законе.

Отметив наиболее важные для дальнейшего изложения терминологические аспекты и выделив общие признаки всех отказов в гражданском праве, перейдем непосредственно к анализу предлагаемых в юридической литературе дефиниций отказа.

По причине неполноты исследований понятия отказа в российской цивилистической науке, его определение встретить практически не удалось. Т. С. Бойко справедливо отмечает, что «проблема отказа от права является своеобразной *terra incognita* для российского права – никто до конца не понимает, что же представляет собой отказ от права, о каком праве идет речь и какова сфера действия данного института»². К сказанному следует добавить, что подобная характеристика возможна не только применительно к отказу от субъективных прав, но и в целом применима к отказу как правовой категории гражданского права.

Обращаясь к исследованиям теоретиков права, проанализируем дефиницию отказа, предложенную И.П. Гладышевой. «Юридический отказ – правомерный акт волеизъявления управомоченного субъекта путем принятия решения о прекращении либо недопущении правореализационного процесса в це-

¹Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. С. 90.

²Бойко Т.С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы // Закон. 2012. № 3. Доступ из СПС «Консультант Плюс»

лях полного либо частичного удовлетворения личных или общественных интересов вследствие отрицания их индивидуальной или социальной полезности, вызванного влиянием внутренних (субъективных) оценок, внешних факторов и правоприменительных воздействий, выражающийся в формах активного воспрепятствования, функционального бездействия либо информационной адресации»¹. Все указанные значения отказа были отражены автором не только в диссертационном исследовании, но и в одноименной коллективной монографии².

Следует обратить внимание, что ученым по тексту работы предлагаются различные характеристики юридического отказа. В частности, юридический отказ трактуется как «самостоятельная форма правореализации»³, как «самостоятельное, самобытное и одновременно с этим широко распространенное технико-юридическое средство»⁴, как один из методов правового регулирования⁵, как предусмотренное законом формально-определенное правомочие (права, обязанности, полномочия) конкретных субъектов совершать активные действия либо, напротив, игнорировать, бездействовать в определенных ситуациях⁶, как форма правомерного поведения⁷, как часть правосознания, поскольку «выступает осознанным и мотивированным актом волеизъявления...»⁸, как «способ волевого прекращения реализации права»⁹, как «мера позитивной (личной) и или негативной (принудительной) ответственности»¹⁰.

¹ Гладышева И.П. Юридический отказ : теория, практика, техника : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010. С. 9.

² В ней учеными дано практически идентичное определение, приведенное выше, за исключением указания на отдельные личные и общественные интересы, а также уточнения термина информационной адресации – оповещения управомоченного субъекта в отношении соответствующих адресатов» (См: Баранов В. М., Баранова М. В., Гладышева И. П. Юридический отказ (теория, практика, техника). Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011.С. 86.

³ Гладышева И.П. Указ. соч. С. 9.

⁴ Там же. С. 26

⁵ Там же. С. 28

⁶ Там же. С. 33, 36

⁷ Там же. С. 33

⁸ Гладышева И.П. Указ. соч. С. 35

⁹ Там же. С. 45.

¹⁰ Там же. С. 51.

Представляется абсолютно правильным то, что общетеоретическое исследование категории «отказ» направлено на его рассмотрение с различных позиций. Однако, в отношении итоговых выводов автора возникают несколько возражений.

Во-первых, в итоговом определении И. П. Гладышева выбрала лишь одну характеристику отказа как акта волеизъявления, отразив содержание этого акта (правомерный, сделанный управомоченным субъектом, в определенных целях и совершенный в определенных формах). Иные, самим же автором указанные характеристики отказа, не нашли своего отражения в итоговой дефиниции.

Во-вторых, согласимся со следующей оценкой приведенного определения: «...определение крайне громоздко, страдает словесной перегруженностью и неясностью. ... авторы попытались объять необъятное»¹.

Именно поэтому значимость данного определения для отраслевых наук нивелирована. Дело в том, что отказ как некое межотраслевое понятие обладает столь разным набором признаков и характеристик, что выработка единого определения, как представляется, изначально обречена на неудачу². Тем не менее, некоторые из указанных значений отказа будут обсуждаться нами в дальнейшем, другие же не будут затрагиваться по причине отсутствия в частом праве некоторых из заявленных характеристик отказа.

В цивилистической литературе определения отказа встречаются применительно к отдельным его разновидностям. Базовые признаки отказа от субъективного гражданского права предложила Ю.В. Суханова. В качестве таких были названы: а) отказ от права – это имманентно присущий субъективному праву элемент его содержания³; б) отказ от права выступает одним из

¹ Маляр М.Ю. Отказ в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2017. С. 31-32.

² В зарубежной доктрине, где отказ исследуется уже достаточно давно, даже применительно к частноправовым отраслям указывают, что не может быть универсальных критериев допустимости отказов для всех отраслей (См.: Беляева К.К. Институт отказа от права в сравнительно-правовом контексте // Вестник гражданского права. 2017. № 3. Консультант Плюс)

³ Суханова Ю.В. Отказ от субъективных гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 9.

способов распоряжения правом¹; в) отказ от права – это вид юридического факта, который можно охарактеризовать как вид действия, являющегося правомерным, волевым, активным и целевым, а также данный юридический факт может быть отнесен к правопрекращающим фактам². Применительно к последнему пониманию, автором дополнена характеристика отказа от права как вида юридического факта – такой отказ является безвозмездной, абстрактной и односторонней сделкой.

В отличие от И.П. Гладышевой, которая формулирует понятие юридического отказа достаточно широко, включая и понимание отказов публичных органов, наделенных властно-принудительными полномочиями, Ю.В. Суханова выделяет признаки отказа исключительно к субъективным гражданским правам.

Ж. И. Седова и Н. В. Зайцева на основе анализа зарубежной судебной практики и доктрины предложили выделить следующие признаки отказа. Одни из них акцентируют внимание на односторонний характер отказа, не предполагающий ответных действий стороны, в чью пользу он совершается. Другие признаки отражают защитный характер механизма отказа от права, который направлен на минимизацию неблагоприятных последствий, спровоцированных непоследовательным поведением отказывающегося от права субъекта³. Следует отметить, что указанные признаки отказа, выработанные зарубежной цивилистикой, касаются, главным образом, отказов от прав, возникающих из договорных отношений.

Обобщение ключевых дефиниций отказа произведено в работе А. А. Уразовой. Среди наиболее часто используемых, ученым выделено понимание отказа в качестве сделки, заявления лица, выражения воли, односторон-

¹ Суханова Ю.В. Указ соч. С. 9.

² Там же.

³ Седова Ж.И., Зайцева Н.В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. М.: Статут, 2014 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

него волеизъявления, договора, принципа, санкции, распоряжения, одностороннего акта, распорядительного акта, юридического действия, юридического акта, выражения желания, умышленной утраты, технико-юридического метода, меры оперативного воздействия¹ :

А.В. Саркисян, Д.А. Новосельнов со ссылкой на зарубежную доктрину отмечают, что необходимо различать отказ в узком смысле и широком смысле. В узком смысле под отказом понимается отказ от гражданских субъективных прав, а в широком смысле речь идет об отказе от любой юридически обеспеченной возможности (субъективного права, правомочия или иного правового явления). При этом исследователи в итоге формулируют понимание отказа от прав исключительно с позиции теории юридических фактов, понимая под отказом «одностороннюю распорядительную сделку, направленную непосредственно и исключительно на прекращение принадлежащего лицу субъективного гражданского права»².

М.Ю. Маляр, проведя специальное исследование отказа применительно к уголовному праву, отметил, что «отказ есть терминологическое средство законодательной техники, при помощи которого описываются криминообразующие признаки преступных деяний, основания для отмены отсрочки отбывания наказания, обстоятельство, исключаящее уголовную ответственность и дифференцирующее средство»³.

При этом, если не брать во внимание предлагаемые дефиниции отказа в отношении частных случаев отказа от прав (например, отказа от вещных прав и др.), других определений отказа в гражданском праве (или теории права) обнаружить не удалось. Однако согласиться с приведенными определениями и выделенными авторами признаками или критиковать их можно лишь после

¹ Уразова А. А. Юридическая природа категории «отказ» // Теорія і практика правознавства. 2013. № 2 (4). <http://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-kategorii-otkaz>

² Саркисян А.В., Новосельнов Д.А. Об отказе от права и его последствиях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 4. С. 93 - 131. (Консультант Плюс)

³ Маляр М.Ю. Указ. соч. С. 8.

того, как будет очерчена сфера отказа в гражданском праве и определено то правовое явление, формулировку которому следует дать.

Как уже было отмечено, в ГК РФ насчитывается 443 случая (1 часть – 95; вторая часть – 237; 3 часть – 52, 4 часть – 59) употребления терминов «отказ», «отказаться». Не ставя себе цель поименовать в работе все случаи отказа, сгруппируем их по наиболее типичным признакам и проиллюстрируем озвученное многообразие:

1. отказ публичных органов в совершении действий, влияющих на гражданско-правовые отношения (на возникновение правоспособности; на действительность сделки и др.): отказ в государственной регистрации прав на недвижимое имущество (ст. 8, 131 ГК РФ); отказ в регистрации юридического лица (ст. 51 ГК РФ); отказ органа ЗАГС в исправлении или изменении записи (ст. 47 ГК РФ);

2. отказ суда: отказ в защите права (ст. 10 ГК РФ); отказ в признании сделки недействительной (ст. 178 ГК РФ); отказ в удовлетворении требований о возмещении убытков (ст. 393 ГК РФ);

3. отказ от возможностей в рамках корпоративных отношений: отказ от создания коллегиального исполнительного органа (ст. 66.3 ГК РФ); отказ ликвидационной комиссии в удовлетворении требований кредитора (ст. 64 ГК РФ);

4. отказ от прав: отказ от договора (ст. 450.1 ГК РФ); отказ от права собственности (ст. 236 ГК РФ); отказ от прав из договора, принадлежащих третьему лицу (ст. 430 ГК РФ); отказ от наследства (ст. 1157 ГК РФ);

5. отказ от осуществления прав (ст. 9, ст. 67.2, 450.1 ГК РФ);

6. отказ от исполнения возложенных законом или договором обязанностей: отказ от выдачи расписки (ст. 408 ГК РФ); отказ от заключения публичного договора (ст. 426 ГК РФ)

7. отказ от приобретения прав: прав на безнадзорных животных (ст. 231 ГК РФ); отказ от преимущественного права покупки (ст. 250 ГК РФ);

8. отказ от прав, не принадлежащих их обладателям: отказ от принадлежащих подопечному прав (ст. 37 ГК РФ);
9. отказ от правоспособности и дееспособности (ст. 22 ГК РФ);
10. отказ от совершения фактических действий в отношении объектов гражданских прав (вещей) без привязки к правам на данные объекты: отказ от предмета залога (ст. 344 ГК РФ); отказ передать заложенное имущество (ст. 350.1 ГК РФ); отказ от проведения аукциона (ст. 448 ГК РФ).

Не вызывает сомнений, что такое многообразие отказов в гражданском праве требует их классификации и выделение особенностей, позволяющих отграничить одни виды отказов от других и выявить присущие им особые признаки. И подобная классификация будет произведена нами во втором параграфе данной главы. Вместе с тем, на данном этапе исследования будет произведен анализ тех значений, которые используются законодателем и доктриной для определения правовой природы отказа в гражданском праве.

Лексический анализ слова «отказ» и толкование текста нормативно-правовых актов логическим путем позволяет выделить несколько основных значений данного понятия. В первую очередь, отказ употребляется в значении возможности, предоставленной субъекту нормами гражданского права. Другими словами, речь должна идти о таком понятии как *право на отказ*. Во вторую очередь, отказ понимается как определенное действие или бездействие, которое порождает значимые для гражданского права правовые последствия, т.е. отказ трактуется в качестве юридического факта.

Указанное разделение понимания отказа нельзя считать новым в юридической науке. В частности, высказывая несогласие с отдельными положениями в работе М.А. Егоровой, ученые отмечают, что автор подменяет термин «право на отказ» термином «отказ». Однако субъективное право совершить

сделку и сама сделка как юридический факт – это не одно и то же»¹. Полностью разделяя данное утверждение, тем не менее отметим, что обнаружить подобное различие можно далеко не во всех исследованиях, а там где оно проводится, их обособленный анализ не осуществляется².

Еще одним значением отказа является его понимание через призму действий, направленных на защиту прав и интересов субъектов гражданского права. Отказы от договора, отказы от принятия ненадлежащего исполнения, отказы в допуске в объекты права собственности возможно рассматривать как конкретные меры самозащиты и меры оперативного воздействия, которые участник гражданских правоотношений может применить в случае нарушения или угрозы нарушения его субъективных прав и охраняемых законом интересов.

И, наконец, отказ является технико-юридическим средством, используя который, законодатель внедряет правовые установления и влияет на процессы, происходящие в сфере гражданского оборота. Такое понимание отказа значимо в контексте изучения не только взаимосвязи всех основных элементов механизма гражданско-правового регулирования, но и с точки зрения анализа юридических явлений и процессов, образующих вспомогательные элементы такого регулирования (правосознание, правовая культура, юридическая техника и др.).

Таким образом, полагаем, что столь разные признаки, которые закладывают исследователи в понятие отказа, вызваны тем, что определение отказа дается с точки зрения различных цивилистических учений. М.Н. Семякин справедливо указывает, что «при анализе того или иного положения авторы

¹ Баранов В. М., Баранова М.В., Першина И. В. Юридический отказ в договорном праве России. Рецензия на монографию М. А. Егоровой «Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора» (М., 2010. 528 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. №1 (14). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-otkaz-v-dogovornom-prave-rossii-retsenziya-na-monografiyu-m-a-egorovoy-odnostoronniy-otkaz-ot-ispolneniya-grazhdansko> (дата обращения: 16.05.2017).

² Суслов А.А. К вопросу о дефиниции отказа в цивилистической науке// Нотариус. 2017.№ 8. С. 17-20

нередко исходят из разных предпосылок, гносеологических и методологических оснований, используют различные методы и подходы, что обуславливает в конечном счете и разные исследовательские результаты»¹.

Отказ можно определить с позиции учения о правоотношении и тогда он может трактоваться как реализация определенной правовой возможности (например, субъективного права). С точки зрения теории юридических фактов отказ будет пониматься как действие, влекущее значимые для гражданского права последствия. С позиции учения о защите гражданских прав отказ можно отнести к мерам защиты, а анализ отказа в русле учения о механизме гражданско-правового регулирования позволит трактовать его как особый технико-юридический метод. Следовательно, отказ –многозначный термин и давать его характеристику возможно только при уточнении выбранного аспекта анализа. Раскроем более подробно основные из указанных значений.

Отказ с позиции учения о гражданском правоотношении. Отказ может быть рассмотрен через призму возможностей, которыми закон наделяет субъекта, то в этом смысле правовая возможность отказа должна рассматриваться как элемент содержания субъективного гражданского права. Данный тезис, в частности, выдвигает и обосновывает Ю.В. Суханова. Однако к данной формулировке есть некоторые содержательные уточнения.

Никем из цивилистов не оспаривается, что элементами субъективного права являются правомочия. Дискуссия в юридической литературе ведется в направлении их наименований и дальнейшего дробления. Так, классически в содержании субъективного права выделяют два правомочия: правомочие на собственные действия и правомочие требовать соответствующего поведения от обязанных лиц. Соответственно, владение, пользование и распоряжение как элементы содержания субъективного права собственности уже нельзя имено-

¹ Семякин М.Н. Проблемы современного понимания методологии цивилистического правоведения // Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016 (СПС Консультант Плюс)

вать правомочиями, а следует назвать субправомочиями (Е.А. Крашенинников). Если следовать данной логике, то дальнейшее дробление возможно бесконечно: возможность продать вещь тогда должна называться «субсубправомочие» и т.д. Представляется, что в подобном терминологическом решении большого содержательного смысла нет. Все понимают, что элемент – это часть целого, а понятие элемента – это терминология теории систем. Как известно, система – это набор взаимосвязанных и взаимозависимых частей, составленных в таком порядке, который позволяет воспроизвести целое. Под элементом принято понимать простейшую неделимую часть системы; элемент — предел членения системы с точки зрения решения конкретной задачи. Система может быть разделена на элементы не сразу, а последовательным расчленением на подсистемы¹.

Следуя теории систем и используя присущую ей терминологию, нужно четко понимать, что рассматривается нами в качестве системы и какую задачу мы перед собой ставим. Возможно рассматривать правоотношение как систему, тогда содержание правоотношения будет одним из его элементов. Если в качестве системы рассматривать содержание правоотношения, то тогда в качестве одного из его элементов можно рассматривать субъективное право. Если в качестве системы брать субъективное право, тогда элементом будет выступать правомочие. Можно говорить о том, что правоотношение – это целое, субъективное право и юридическая обязанность выступают в качестве подсистем, правомочия и долженствования – в виде их элементов и т.д. Подобное решение вполне возможно применительно к конкретной исследовательской задаче, но вряд ли изменит устоявшиеся в юриспруденции взгляды и терминологию и, тем более, каким-то образом повлияет на правоприменение.

В отношении общей характеристики субъективного права (без привязки к его виду) допустимо говорить о двух уже названных правомочиях², когда же

1 <https://allendy.ru/teoria-org/285-sistema-ponjatie.html>

2 Мы сейчас не развиваем дискуссию о включении в субъективное право правомочия на защиту. Данная точка зрения нами не поддерживается.

речь заходит о выделении элементов субъективных прав отдельных видов, в частности, вещных, допустимо использовать термин правомочие применительно к владению, пользованию и распоряжению. Права, детализирующие данные правомочия (например, право передать вещь, заключить договор, уничтожить вещь, отказаться от права и др.), являются более дробными возможностями, входящими в соответствующее правомочие. По отношению к ним можно использовать термины «элементы правомочий субъективных прав» или «возможности, входящие в правомочия субъективных прав».

Именно поэтому полагаем правильным утверждать, что право на отказ – это возможность. Однако, диссертационное исследование Ю.В. Сухановой посвящено исключительно отказу от субъективных гражданских прав, что предопределило узость подхода к формулировке отказа. Приведенный выше перечень легально закрепленных в основном источнике гражданского законодательства отказов, наглядно демонстрирует, что указанная правовая возможность (возможность отказа) не может рассматриваться исключительно как элемент субъективного права. Невозможно считать элементом субъективного права возможность отказа гражданина от правоспособности или дееспособности, когда это разрешено законом (ст. 22 ГК РФ), поскольку субъективных прав вообще еще не возникает. Аналогичный вывод допустим и в отношении возможности полного или частичного отказа от правосубъектности юридического лица (что не запрещено законом). Не выглядят однозначными и ответы на вопросы о возможности отнести права на отказ от акцепта или права отказать впустить в объект, принадлежащий на праве собственности, к субъективным гражданским правам.

Иллюстрировать подобное несоответствие можно и дальше. Однако постановка указанных вопросов дает основание для предположения, которое станет предметом обсуждения в следующем разделе работы (§ 2 гл. 1 диссертационного исследования). Возможности, от которых можно отказаться, различаются, поскольку отказ от правоспособности нельзя отождествлять с отказом от субъективного права, а отказ от осуществления права нельзя смешивать с

отказом от самого субъективного права. Соответственно, правовая возможность отказа включается в содержание не только субъективных прав, но и иных правовых форм¹. Данное понимание вызывает необходимость анализа проблемы объекта отказа и предложения выделения различных классификационных групп.

Кроме того, правовая возможность отказа обладает следующими чертами. Во-первых, данной правовой возможности противостоит состояние связанности (ожидания) других участников правоотношения (обязанность претерпевания); во-вторых, интерес обладателя данной правовой возможности удовлетворяется за счет собственных действий; в-третьих, объектом данной правовой возможности выступают юридические, а не фактические действия ее обладателя². Все эти черты характеризуют данную правовую возможность в качестве секундарного права. Научный интерес к секундарным правам в российской юридической науке существенно возрос в последние годы, о чем свидетельствуют защищенные кандидатские диссертации³, подготовленные научные монографии⁴ и многочисленные статьи в научных журналах⁵. Не вдаваясь в указанную научную дискуссию, лишь отметим, что перечисленные выше признаки секундарных прав разделяются большинством исследователей⁶.

В частности, А.А. Кравченко называет следующие признаки секундарных прав: является субъективным гражданским правом; осуществляется в отношении правоотношения; реализуется односторонним волеизъявлением

¹ Мы разделяем теорию правовых форм, родоначальником которой можно считать О.А. Красавчикова

² Суслов А.А. К вопросу о дефиниции отказа в цивилистической науке // Нотариус. 2017. № 8. С. 17-20

³ Кравченко А. А. Секундарные права в российском гражданском праве : автор. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 28 с.; Бабаев А. Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике: дис. ... канд. юрид. наук, М., 2006. 157 с.

⁴ Карнушин В.Е. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / Под ред. В.П. Камышанского. М.: Статут, 2016 // http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/karnushin_ve_sekundarnye_prava_v_grazhdanskom_prave_rossijskoj_federacii/

⁵ См., например, Глушкова Е.А. Преимущественные гражданские права и секундарные права: проблемы соотношения // Современное право. 2016. № 8. С. 47- 52; Кравченко А.А. К вопросу об определении правовой природы секундарных прав // Законодательство и экономика. 2015. № 2. С. 49-52; Южанин Н.В. Меры оперативного воздействия и секундарные права // Lex russica. 2016. № 8. С. 21-32.

⁶ См: Бабаев А.Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 5.

или собственным поведением управомоченного; содержит принудительное правовое последствие, наступающее с момента волеизъявления управомоченного или с момента совершения им действий, направленных на его реализацию; обеспечивается обязанностью претерпевания правовых последствий другим лицом¹. А.Б. Бабаев отмечает такие черты секундарных прав: представляют собой субъективное гражданское право (поскольку управомоченному субъекту принадлежит исключительная возможность удовлетворить свой интерес, которая может служить предметом судебной защиты и способна к передаче в порядке универсального правопреемства); включаются в группу относительных прав наряду с правами требования; интерес секундарно-управомоченного лица удовлетворяется за счет собственных действий².

Праву на отказ, действительно, не противостоит юридическая обязанность, третьи лица не могут повлиять на реализацию данной правовой возможности и находятся в состоянии связанности; объектом отказа выступают юридические действия, а интерес обладателя права на отказ удовлетворяется исключительно собственными действиями.

Разделяя точку зрения о том, что секундарные права обладают существенной спецификой и не могут рассматриваться как вид субъективных гражданских прав, а являются самостоятельной правовой формой, полагаем возможным вывод о том, что правовая возможность отказа – это не элемент субъективного права, а самостоятельное секундарное право.

Данный вывод не нов применительно к тем правовым исследованиям, в которых речь идет о характеристике отказа в рамках договорных правоотношений. В частности, он обоснован применительно к праву на односторонний отказ от исполнения обязательства в диссертационном исследовании

¹ Кравченко А.А. Секундарные права в российском гражданском праве. С. 10.

² Бабаев А.Б. Указ соч. С. 5.

Е. В. Оболонковой¹ или к праву на односторонний отказ от исполнения договора в работе М.А. Егоровой².

Вместе с тем, понимание отказа от любых субъективных прав или их осуществления, а также отказа от реализации правоспособности или дееспособности ранее в юридической литературе не предлагалось. Полагаем, что препятствий к такому доктринальному решению вопроса нет.

Так же следует сказать буквально несколько слов об отказе в рамках реализации публичных правомочий, поскольку такие отказы нередко оказывают существенное влияние на гражданские правоотношения. Подобное понимание отказа, на первый взгляд, является разновидностью его трактовки как правовой возможности. Основная специфическая черта такой возможности заключается в том, что право на отказ для публичного органа является одновременно и его правовой обязанностью. Именно поэтому при определении субъективного права применительно к публичной сфере, ученые единодушно отмечают, что под ним следует понимать меру разрешенного поведения, обеспечиваемого государством³. Акцент на разрешенное, а не возможное поведение, позволяет провести разницу между субъективными гражданскими правами и правами должностных лиц в рамках обращений граждан за реализацией установленных законом прав.

Гражданское право содержит достаточно большое количество норм, регулирующих участие публичных органов, наделенных властными полномочиями, в гражданских правоотношениях. Игнорировать их существование и влияние на гражданские правоотношения невозможно. Так, органы ЗАГСa реги-

¹ Оболонкова Е. В. Односторонний отказ от исполнения обязательства : дис.... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2009. С. 6.

² Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения договора по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

³ Например, Е.В. Вавилин указывает: «Субъективное право в административном, таможенном, налоговом, финансовом или уголовном праве (в публичном праве) можно определить как меру разрешенного поведения, обеспечиваемого государством, поскольку все действия управомоченного лица строго регламентированы соответствующим законодательством» (См.: Вавилин Е.В. Субъективное гражданское право // Современное право. 2007. № 4. С. 39)

стрируют акты гражданского состояния, которые подтверждают возникновение и прекращение гражданской правоспособности физических лиц, акты органа Росреестра являются юридическими фактами, на основании которых возникают, изменяются и прекращаются гражданские права и обязанности, а также создаются объекты гражданских прав (например, постановка на кадастровый учет)¹, налоговые органы фиксируют факты создания юридических лиц и появление у них правосубъектности.

Публичность данных отношений и их властный характер проявляется в том, что орган публичной власти наделен правом отказать в совершении запрашиваемых действий, если они не соответствуют закону². Необходимость поиска баланса индивидуальных и общественных интересов предопределяет вовлеченность публичных органов в процессы, значимые для частного права. Несмотря на усиление диспозитивности гражданско-правового регулирования, представить себе полное исчезновение участия публичных органов в частноправовых отношениях, как представляется, невозможно. Речь идет, как минимум, о государственном контроле за оборотом недвижимого имущества, а также созданием юридических лиц. В этом смысле для гражданского права значимо одно из пониманий отказа, предложенное И.П. Гладышевой. Автор оценил отказ с позиции юридической техники и предложил понимать под ним технико-юридический способ воздействия на направленность и ход правореализационного процесса, выражающийся в принятии мер по воспрепятствованию его начала либо дальнейшего продолжения³. Предоставляя публичным органам возможность отказать, создаются

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 года (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

² Обширнейшая судебная практика по проблемам признания незаконными подобных отказов регулярно анализируется в цивилистической доктрине (См., например, Василевская Л.Ю. Машино-место как объект недвижимости: особенности гражданско-правового режима по российскому и германскому законодательству // Юрист. 2018. № 1. С. 66-71)

³ Гладышева И.П. Указ. соч. С. 25.

условия для воздействия на направленность и процесс осуществления субъектами гражданского права принадлежащих им прав и обязанностей. Понимая, что подобное право (одновременно являющееся и обязанностью) имеет существенную специфику правовой природы в сравнении с правами в рамках частных правоотношений, тем не менее, полагаем, что данные отказы также требуют внимание цивилистической науки, поскольку порождают правовые последствия, значимые для гражданского права.

В таком же контексте необходимо рассматривать закрепленные в законодательстве особые, прямо оговоренные случаи для отказа или невозможности отказа субъектам гражданского права со стороны суда. Классическим примером первого является ст. 10 ГК РФ, закрепляющая обязанность суда отказать в защите права, если субъект им злоупотребляет. Примером второго может выступить ст. 393 ГК РФ, в которой указано, что «Суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности»¹.

Помимо того, что отказ может пониматься как правовая возможность, в гражданском праве возможны ситуации, в которых лицо возлагает на себя обязанность отказаться от принадлежащих ему правовых возможностей. Речь идет о допустимых законом случаях отказов от реализации отдельных элементов правоспособности или об отказе от осуществления уже принадлежащих субъекту субъективных прав. В этом случае необходимо вести речь об обязанности отказа, под которой предлагается понимать долженствование, сформулированное в виде негативного обязательства, принимаемое на себя стороной договорного правоотношения, содержанием которого является воздержание

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301

от осуществления отдельных элементов субъективных прав или реализации отдельных элементов правоспособности.

При этом, подчеркнем еще раз, что нами ни в коем случае не отождествляются понятия «отказ» и «право на отказ» или «обязанность отказа». Дав определение отказа как действия, которое порождает правовые последствия, отказ с позиции учения о гражданском правоотношении, а если быть более точным с позиции элемента данного учения – учения об осуществлении и защите гражданских прав – следует понимать как реализацию соответствующего секундарного права и исполнение юридической обязанности.

Отказ с позиции учения о юридических фактах. Понимание отказа в качестве юридического факта гражданского права является наиболее распространенным и исследованным в цивилистической литературе. Когда ученые в формулировках отказа употребляют такие термины как акт, распорядительный акт, юридическое действие, выражение желания, одностороннее волеизъявление, то это свидетельствует о том, что они характеризуют отказ в качестве факта реальной действительности, с которым закон связывает возникновение, изменение, прекращение гражданского правоотношения.

Однако, признать наличие устоявшейся и единообразной позиции о признаках отказа как юридического факта гражданского права нельзя, что предопределено различными аспектами его понимания в зависимости от объекта отказа. Наиболее детальная характеристика отказа от субъективного права изложена в работе Ю.В. Сухановой. Автор относит данный вид отказа к правопрекращающим юридическим фактам, отмечая его признаки в качестве юридического факта-действия – правомерность, волевой, активный и целевой характер действий управомоченного лица. Считая отказ сделкой, правовед дополняет сказанное указанием на то, что такая сделка является абстрактной и односторонней¹. Выделяя узкое понимание отказа от права, А. В. Саркисян, Д. А. Новосельнов формулируют следующее его определение как юридического

¹ Суханова Ю.В. Указ соч. С. 9.

факта – это односторонняя распорядительная сделка, направленная исключительно на прекращение принадлежащего лицу субъективного права без правопреемства¹. Некоторые ученые в качестве признака такой сделки называют ее безвозмездность².

Последний названный признак следует оценить критически. Так, безвозмездными или возмездными могут быть только договоры. Акты одностороннего волеизъявления априори не могут так характеризоваться, поскольку порождают правовые последствия актом одностороннего волеизъявления и встречное предоставление в них отсутствует в принципе.

Однако, некоторые положения действующего гражданского законодательства позволяют констатировать их неоднозначность в рассматриваемом ракурсе. Так, в п. 3 ст. 310 ГК РФ содержится указание на то, что право на односторонний отказ от исполнения обязательства при соблюдении определенных условий может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства. Подобные нормы потребовали разъяснений Верховного Суда РФ, который пояснил, что обязательство по оплате в этом случае возникает с момента осуществления такого отказа, повлекшего прекращение основного обязательства³. Следовательно, обязательство по оплате считается самостоятельным правоотношением, возникновение которого было обусловлено односторонними действиями по отказу.

Следовательно, данный частный феномен не меняет основного вывода о том, что при характеристике отказа от субъективного права в качестве односторонней сделки от указания на ее безвозмездность следует отказаться.

¹ Саркисян А.В., Новосельнов Д.А. Указ соч.

² В частности, Е.И. Буртова отмечает, что отказ – это односторонне-управомочивающая распорядительная безвозмездная сделка, направленная на прекращение права собственности (См.: Буртова Е.И. Прекращение права собственности по воле собственника в системе оснований и способов прекращения субъективного права собственности по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. 22 с.)

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

Вместе с тем, как уже отмечалось, отказ не может быть сведен исключительно к отказу от субъективных прав – объекты отказа могут быть различными. Действительно, отказываясь от права собственности или иного вещного права, совершается одностороннее волеизъявление, которое является абстрактной и распорядительной сделкой. Вместе с тем, например, отказ от осуществления субъективного права вполне может быть выражен в соглашении, заключаемом сторонами, в рамках которого участник берет на себя обязанность не осуществлять свое право. В этом случае, исполнение негативного обязательства путем отказа от совершения определенных действий не может рассматриваться как сделка, поскольку, отказываясь от совершения чего-либо и исполняя данную обязанность (бездействуя), участник правоотношения не прекращает тем самым свое обязательство¹. Никаких гражданских прав и обязанностей такое исполнение не порождает, ни изменяет и не прекращает. При этом, бездействие следует рассматривать как особый вид действия (воля направлена на воздержание от совершения, которое также можно наблюдать и фиксировать). Волевой характер бездействия позволяет относить его к правомерному юридическому факту гражданского права, наличие которого свидетельствует о надлежащем исполнении обязательства.

Соответственно, ограничиться указанием на то, что отказ является исключительно односторонней сделкой, было бы неправильно.

Помимо этого, требуется изучение вопроса об отнесении отказа к отдельным видам односторонних сделок². Предлагаемые классификации односторонних сделок в цивилистической литературе достаточно разнообразны. Одна из самых известных коррелируется с общеизвестным делением юридических фактов и предлагает сгруппировать все односторонние сделки на

¹ Такое обязательство может прекратиться истечением срока или по иным, виновным основаниям.

² Следует поддержать высказывание С.С. Алексеева о том, что «Односторонние сделки являются необходимым и притом специфическим элементом механизма гражданско-правового регулирования. Наряду с гражданско-правовым договором они позволяют в полной мере юридически обеспечить имущественно-распорядительную самостоятельность участников стоимостных имущественных отношений...» (Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Теоретические проблемы гражданского права: сборник ученых трудов Свердловского Юридического Института. Вып. 13. Свердловск, 1970. С. 63.)

правоустанавливающие, правоизменяющие, правопрекращающие. В отдельных случаях ученые дополняют данную классификацию указанием на односторонние сделки, порождающие правовые последствия нескольких видов¹. Вместе с тем многими авторами значение данной классификации применительно к односторонним сделкам подвергается критике в силу отсутствия серьезного научного и практического значения в подобного рода делении, имеющего, в первую очередь, познавательный и систематизирующий, но не содержательный смысл².

Соглашаясь с такой критикой, дополним ее некоторыми значимыми соображениями. Критерием такой классификации выступают те правовые последствия, которые вызваны данным юридическим фактом. Соответственно, получается, что односторонние сделки могут приводить или к возникновению, или к изменению, или к прекращению правоотношений (либо порождать смешанные последствия, но все равно ограничивающиеся данным перечислением). Однако, отказ – это акт волеизъявления, порождающий определенные последствия в гражданско-правовой сфере, но не всегда влияющий на динамику гражданского правоотношения. Например, отказ в регистрации сделки – не породит правоотношения, но вряд ли кто-то сомневается, что этот факт имеет значение для гражданского права. Отказ в даче согласия также является наглядным примером последствия, значимого для гражданского права, но не оказывающего непосредственного влияния на динамику гражданского правоотношения. Наоборот, отказ в даче согласия – факт, свидетельствующий о том, что правоотношение не возникает. Наличие отказа в этом случае расценивается как отсутствие юридического факта и не приводит к наступлению последствий, ожидаемых другими лицами. Отказ принимать наследство не приведет к возникновению субъективного права собственности, а отказ акцептовать

¹ Толстой В.С. Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 7.

² См: Суслов А.А. Категория «отказ» в гражданском праве: к вопросу классификации // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2.

оферту – к возникновению договорного правоотношения. Указанные примеры являются иллюстрацией аргументированных в науке выводов о том, что понимание юридического факта исключительно как обстоятельства, влияющего только на гражданское правоотношение, неправильно. Так, в частности, отмечается способность юридических фактов порождать гражданско-правовые последствия различного свойства¹, а также акцентируется внимание на то, что *«...существует целый ряд явлений реальной действительности, не охватываемых понятием факта в узком смысле, но тем не менее имеющих известное гражданско-правовое значение, между прочим, не исчерпывающееся влиянием на одни только гражданские правоотношения»*². Аналогичное обоснование видим у М. А. Рожковой, отметившей следующее: *«...к последствиям наступления юридического факта гражданского права следует относить не только движение гражданского правоотношения (его возникновение, изменение и прекращение), но и последствия реализации гражданской правосубъектности, а также последствия защиты нарушенных или оспоренных субъективных гражданских прав»*³.

Поскольку это не входит в предмет нашего исследования, мы не будем углубляться в данную полемику, однако укажем, что отказ с позиции его понимания в качестве юридического факта гражданского права является ярким примером обоснованности расширительного толкования понятия «юридический факт» в гражданском праве, а последствия совершения отказа не исчерпываются исключительно динамикой гражданского правоотношения.

Следовательно, отсутствует возможность отнести отказ как одностороннюю сделку в одну из групп проанализированной классификации.

¹ Белов В.А. Общая часть. Т II. Лица, блага, факты: учебник. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 463.

² Там же. С. 458.

³ Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С 11-12.

Проанализируем иные классификации односторонних сделок, предложенных в юридической литературе. Так, Б.Б. Черепахин делил в широком аспекте все односторонние сделки на односторонне обязывающие и односторонне управомочивающие¹. В качестве критерия указанной классификации следует признать характер влияния сделки на имущественную сферу пассивного субъекта. Очевидно, что отказ от договора, например, согласно такой классификации, должен быть отнесен к односторонне обязывающей сделке, поскольку «лишает права» в одностороннем порядке. Однако, в зависимости от того, идет ли речь об отказе от вещных или обязательственных прав, дальнейшее дробление приводит к разведению их в разные классификационные группы. Так, исследователь различал два подвида односторонне обязывающих сделок: возлагающие обязанности отрицательного содержания на всякого и каждого, которые не содержат непосредственного воздействия на правовую сферу определенных других лиц и односторонне обязывающие сделки с непосредственным воздействием на правовую сферу других лиц, которое проявляется в возложении на другое лицо определенной положительной обязанности ... или же в лишении его определенного права².

Вместе с тем и данная классификация не является бесспорной. В частности, А.Б. Бабаев считает ее достаточно сложной для восприятия и понимания. Исследователем предлагается собственное видение вопроса о систематизации односторонних сделок, базирующееся на наличии или отсутствии негативных последствий для пассивного субъекта. Соответственно в первую группу включаются односторонние сделки, порождающие такие последствия, а во вторую – сделки, таких последствий не порождающие³. Последняя группа сделок, в свою очередь, подразделяется автором на обязывающие, разрешающие (запрещающие) и лишающие сделки⁴.

¹См.: Черепахин Б.Б. Первоначальные способы приобретения собственности по действующему праву // Труды по гражданскому праву. М., 2001 (серия "Классика российской цивилистики"). С. 55.

²Черепахин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1962. С. 30.

³ например, наделение иного субъекта правом или сложение с него обязанности

⁴Бабаев А.Б. Односторонние сделки в системе юридических фактов. М. : Статут, 2008). Доступ из СПС КонсультантПлюс

Применительно к указанной классификации, отказ как односторонняя сделка также может быть представлен во всех классификационных группах. Отказ может не порождать никаких негативных последствий для пассивного субъекта (в, частности, отказ от вещного права), может быть отнесен к группе запрещающих односторонних сделок (например, отказ в даче согласия), а может лишать права пассивного субъекта (например, отказ от договора).

Проведенный анализ иллюстрирует, что отказ как односторонняя сделка:

может порождать различные правовые последствия, значимые для гражданского права, не ограничиваясь исключительно прекращением правоотношений;

может не только заблокировать наступление желаемых правовых последствий, но и быть направленным на лишение правовых возможностей¹.

Учитывая вышеизложенное, предлагается выделить отказы, направленные на правовые возможности, принадлежащие их обладателю (в значении «отказаться от чего-либо») и отказы, направленные на правовые возможности иных участников гражданских правоотношений (в значении – отказать кому-либо).

Еще одним важным вопросом, требующим обсуждения в разрезе исследования отказа в качестве юридического факта гражданского права, является вопрос об его элементах. Ю.В. Суханова в качестве элементов отказа (называя их необходимыми) предлагает рассматривать: 1). проявление субъектом воли (*animus*) и 2). совершение субъектом активных действий, свидетельствующих о намерении правомочного лица отказаться от права, не владеть правом в дальнейшем (*corpus*)². Не забывая о том, что автор выделяет такие элементы только применительно к отказу от субъективных прав, т.е. выделяет элементы в односторонней сделке, предложим иной взгляд на решение данного вопроса.

¹ См.: Сулов А.А. Категория «отказ» в гражданском праве: к вопросу классификации // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2.

² Суханова Ю.В. Указ. соч.

Аналогию, которую применил автор, используя термины римского права *animus* и *corpus*, нельзя признать удачной. Волевой (*animus*) и физический (*corpus*) моменты владения, выделяемые римскими юристами, во-первых, никогда не назывались «элементами» владения, а, во-вторых, о владении речь ведется в контексте господства над вещью, в учебной литературе – в разделе о вещном праве. Использовать понимание указанных терминов, характеризующих владение «...как юридическую ситуацию...»¹ к выделению элементов юридического факта (односторонней сделки) как основания для прекращения любых (а не только вещных) субъективных прав не корректно.

Безусловно, что волевой и формальный момент в сделке так же присутствует. Д.В. Дождев указывает: «...к реквизитам сделки – существенным элементам, определяющим ее действительность, относятся **субъект и его формализованная воля**»². Однако, попытки разложить юридический факт на определенные элементы и обосновать существование состава (структуры) юридического факта, не выглядят перспективными. Предпосылки или условия, которые «сопровождают» определенные обстоятельства реальной действительности сами по себе являются юридическими фактами. Если сделка – это действие (данное положение никем не оспаривается), а воля обнаруживается в действии субъекта (и этот тезис можно считать аксиоматичным), то какое значение имеет выделение воли и действий как самостоятельных элементов сделки? В этой связи не можем не согласиться с позицией В.А. Белова о том, что «...конструкция юридического состава юридического факта умножает сущности без необходимости, а потому не имеет права на существование»³.

Другое дело, что отказ как факт реальной действительности представляется не единичным действием обладателя соответствующего права. В ряде

¹ Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для ВУЗов / под общ. ред. Академика РАН, д.ю.н., проф. В.С. Несерсянца. 2-е изд., изм. и доп. М.: Издательства НОРМА, 2003. С. 361.

² Дождев Д.В. Указ соч. С. 139.

³ Белов В.А. Гражданское право: лица, блага, факты. Т II. С. 466.

случаев закон требует государственной регистрации прекращения права собственности на недвижимое имущество путем отказа от него (в частности, на земельные участки). Следовательно, для достижения правового результата требуется не только волеизъявление собственника, выраженное надлежащим образом, но и акт государственной регистрации, что свидетельствует о квалификации данных действий в качестве сложного фактического состава.

Таким образом, характеристика отказа в гражданском праве как юридического факта должна быть дополнена следующими содержательными моментами:

1. отказ в гражданском праве – это юридический факт, который влияет не только на динамику гражданского правоотношения (приводит к его прекращению), но и может порождать иные, значимые для гражданского права последствия (в частности, является основанием для констатации факта отсутствия (не возникновения) правоотношения);

2. отказ в гражданском праве может выступать не только в виде односторонней сделки, но и в виде соглашения, направленного на самоограничение управомоченного лица в реализации отдельных правовых возможностей. В этом случае третьи лица приобретают право требовать воздержания от совершения определенных действий, а отказ от совершения определенных действий становится обязанностью должника.

3. отказ в гражданском праве в определенных случаях может рассматриваться как элемент сложного юридического состава. Для возникновения правовых последствий требуется наступление всех фактических обстоятельств, каждое из которых по отдельности не приведет к ожидаемому правовому результату;

4. не требуется выделение элементов отказа как юридического факта. Действительность отказа предопределяется теми же условиями, которые предъявляются к действительности сделок: условия о содержании отказа; его форме; соответствия воли и волеизъявления; требований к субъектному составу. Конкретные действия, которые должно совершить управомоченное

лицо, могут быть рассмотрены как процедура, выполнение которой свидетельствует о надлежащей реализации правовой возможности и наступлении того юридического факта, который должен породить желаемые последствия.

Отказ с позиции учения о защите гражданских прав и интересов. На сегодняшний день, несмотря на огромные усилия научного сообщества, цивилистическое учение о защите гражданских прав и охраняемых законом интересов нельзя признать полностью сформированной системой. По справедливому утверждению Н. П. Аслаяна среди основных проблем разработки теории защиты гражданских прав следует выделить две основных – это проблема оснований теории и проблема содержания теории. Отсутствие решения данных проблем привело к тому, что в настоящее время «рассматриваемое учение – это массив высказанных по проблеме точек зрения, не являющийся концептуальной системой»¹.

Отказ, рассматриваемый через призму указанного учения, охарактеризован достаточно полно применительно к тем исследованиям, в которых правоведы обосновывают, что наряду с мерами самозащиты, существует самостоятельная классификационная группа мер защиты гражданских прав – меры оперативного воздействия. Последние, в свою очередь, подразделяются на три вида. К одной из таких групп, как раз и относят меры оперативного воздействия, связанные с отказом от совершения определенных действий в интересах неисправного контрагента (меры отказного характера): а) отказ от договора; б) отказ от принятия ненадлежащего исполнения; в) отказ во встречном удовлетворении по причине ненадлежащего исполнения обязательства².

Кроме того, полагаем, что ограничиться исключительно данным перечислением видов отказов как результата реагирования на неправомерные действия другой стороны договорного правоотношения, нельзя.

¹ Аслаян Н. П. Основные проблемы разработки современного учения о защите гражданских прав//Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 20-21 апреля 2012 г. Иркутск, 2012. С. 12.

² Суханов Е.А. Российское гражданское право. Т. 1. М., 2011.

Отказ может быть проанализирован также с точки зрения мер самозащиты как действий фактического порядка, применяемых самостоятельно участником гражданско-правовых отношений. В качестве примера можно привести отказ в допуске в объект, принадлежащий лицу на законных основаниях. В судебной практике представлено значительное число споров о квалификации таких отказов в качестве либо правомерных, либо, что чаще, неправомерных действий. Примером первой группы является дело, в котором Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ обратила внимание на довод заявителя о том, что нормы законодательства не обязывают беспрепятственно допускать сотрудников третьего лица к общедомовому имуществу в жилых домах в отсутствие решения об определении порядка пользования общим имуществом, принятого общим собранием собственников помещений¹. В качестве примеров второй группы споров можно привести дело о недопуске специалистов истца к щитовой жилого дома для выполнения согласованных технических условий по увеличению установленной мощности и единовременной нагрузки для электроснабжения принадлежащего истцу на праве собственности подвального помещения, в связи с чем истец был лишен возможности передать данное помещение в аренду третьему лицу в установленный в договоре аренды срок, что дало право требовать возмещение убытков² или удовлетворенный иск о нечинении препятствий в осуществлении служебной деятельности, связанной с прекращением поставки природного газа³.

Известно, что еще в римском праве зародились идеи о необходимости предоставления участникам частноправовых отношений возможности само-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 28.09.2016 № 305-КГ16-3100 по делу № А40-18305/2015 (документ опубликован не был) // СПС Консультант Плюс

² Постановление ФАС Московского округа от 23.07.2014 № Ф05-5605/14 по делу № А40-54997/13-30-488 (документ опубликован не был) // СПС Консультант Плюс

³ Между истцом и третьим лицом был заключен договор об оказании услуг, по условиям которого последний по заявке и за счет истца производит работы по прекращению подачи газа абонентам, имеющим задолженность по оплате газа. В соответствии с данным договором в заявку на отключение было включено жилое помещение ответчика, однако работы по приостановлению газоснабжения общество произвести не может, поскольку ответчик не допускает его представителей в дом: Апелляционное определение Ростовского областного суда от 22.12.2016 по делу № 33-22359/2016 (документ опубликован не был) // СПС Консультант Плюс

стоятельной защиты своих прав. В частности, К.Н. Анненков в работе «Система русского гражданского права», описывая становление законодательного регулирования по этому вопросу, обращался к уложению саксонском и писал: «Такъ, оно, во—1-хъ, хотя и въ виде исключені, но допускает вообще самовольное, т.е. внесудебное осуществление какого-либо права со стороны его обладателя, его собственной властью. Во 2-хъ, въ ...дозволяет собственнику недвижимимаго имінія, или его владельцу, или пользователю отбирать у вошедшего въ него противозаконно людей вещи...»¹.

Таким образом, отказ с позиции учения о защите гражданских прав следует понимать как фактические (самозащита) или юридические действия (меры оперативного воздействия), совершаемые самостоятельно участниками гражданских правоотношений в целях предупреждения нарушения их прав и интересов (в рамках регулятивных правоотношений), либо в случае устранения возникшего нарушения (в рамках охранительных правоотношений).

Отказ с позиции учения о механизме гражданско-правового регулирования. Не только в теории права, но и в отраслевых науках, включая гражданско-правовую науку, проведено обширнейшее исследование проблематики механизма правового регулирования. Отталкиваясь от известных работ С.С. Алексеева и других правоведов² по этому вопросу, современными учеными произведено изучение различных правовых явлений с позиции механизма правового регулирования перечислять которые бессмысленно в силу их многочисленности.

Если рассматривать основные элементы механизма гражданско-правового регулирования, к которым традиционно относят нормы права, юридические факты, правоотношения, акты реализации субъективных прав и обязанностей, а также охранительные правоприменительные акты, то отказ, как было

¹ Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Томъ I. Введение и общая часть. №-е изд. С-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. 620 с.

² Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.; Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования; науч. ред.: Алексеев С.С. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 128 с.

показано выше, представлен в каждой из указанных групп. Представляет несомненный теоретический и практический интерес изучение не только взаимосвязи всех основных элементов механизма правового регулирования в отношении отказа, но и анализ юридических явлений и процессов, образующих вспомогательные элементы такого регулирования (правосознание, правовая культура, юридическая техника и др.).

Специфика отказа как раз и проявляется в том, что он одновременно может быть рассмотрен в нескольких ипостасях с позиции механизма правового регулирования: выраженная в норме права правовая возможность по отказу, реализуясь, выступает в качестве юридического факта, порождающего определенные гражданско-правовые последствия.

Возможность отказа, закрепленная в норме права и рассмотренная с позиции теории правовых средств, т.е. юридических инструментов, с помощью которых обеспечивается достижение правовых целей¹, дает основание утверждать, что потенциал данного средства в гражданском обороте велик. С одной стороны, с помощью установления отказа возможно создавать препятствия для других участников гражданских правоотношений и прямым образом воздействовать на процесс правореализации. Это касается наделения правовой возможностью отказа не только публичных органов, но и равноправных участников гражданско-правовых отношений. С другой стороны, возможность отказа расширяет сферу свободы участников частноправовых отношений и решает одну из основных задач правовых средств в механизме правового регулирования – это удовлетворение интересов субъектов права.

Поэтому, отказ с позиции механизма гражданско-правового регулирования можно определить как одновременно стимулирующее и ограничивающее правовое средство (правовое явление, выражающееся в инструментах и действиях), применяемое с целью расширения свободы участников гражданско-

¹ Малько А. В. Механизм правового регулирования: Лекция // Правоведение. 1996. № 3. С. 54-62.

правовых отношений и контроля за процессом реализации субъективных прав и интересов.

Подводя итог первого параграфа, еще раз подтвердим высказанный тезис о том, что многоаспектность и многозначность понимания отказа дает возможность уточнить и детализировать термин отказ с позиции различных цивилистических учений. Проведя выше характеристику наиболее значимых для гражданского права пониманий отказа в гражданском праве, сформулируем основные его определения.

Отказ *с позиции теории гражданского правоотношения* предлагается понимать в качестве осуществления секундарного права и исполнения юридической обязанности. Содержанием первого (секундарного права) является правовая возможность совершения управомоченным лицом действий по распоряжению субъективными правами и элементами правоспособности, принадлежащими самому их обладателю. Содержанием второго (юридической обязанности) - долженствование, сформулированное в виде негативного обязательства, принимаемое на себя стороной договорного правоотношения, содержанием которого является воздержание от осуществления отдельных элементов субъективных прав или реализации отдельных элементов правоспособности и дееспособности.

Рассмотрение отказа как секундарного права является универсальным и не зависит ни от объекта отказа, ни от вида субъективного права, от которого отказывается лицо.

Реализация права на отказ может влиять на правовую сферу не только обладателя субъективного права (путем прекращения субъективного права; путем самоограничения в осуществлении правомочий), но и на правовую сферу иных участников гражданских правоотношений.

В случае реализации прав на самоограничение, отказ становится обязанностью, под которой предложено понимать долженствование, сформулированное в виде негативного обязательства, принимаемое на себя стороной договорного правоотношения, содержанием которого является воздержание от

осуществления отдельных элементов субъективных прав или реализации отдельных элементов правоспособности.

Отказ с позиции теории юридических фактов следует рассматривать как одностороннюю сделку применительно к такому виду отказа как отказ от субъективных прав. Отказ от реализации правоспособности и дееспособности, а также отказ от осуществления субъективных прав является правомерным юридическим фактом гражданского права в виде исполнения негативного обязательства.

Реализуя право на отказ, субъект правоотношений, может:

а) совершить одностороннее волеизъявление (отказ), приводящее к прекращению существования субъективного права у управомоченного лица;

б) заключить соглашение (отказаться от определенных возможностей), приводящее к самоограничению управомоченного лица в реализации отдельных возможностей (правомочий);

в) отказать в совершении определенных действий или даче согласия на их совершение, влияющих на динамику гражданского правоотношения (его возникновение, изменение или прекращение). Это может быть решение наделенного властными полномочиями органа власти (отказ Росреестра в государственной регистрации прав на недвижимое имущество, отказ в регистрации фактов, имеющих юридическое значение в органах ЗАГС, отказ суда в защите права), либо участника гражданского правоотношения. В случае отказа суда его можно квалифицировать как санкцию.

Отказ *с позиции учения о защите гражданских прав* следует понимать как фактические (самозащита) или юридические действия (меры оперативного воздействия), совершаемые самостоятельно участниками гражданских правоотношений в целях предупреждения нарушения их прав и интересов (в рамках регулятивных правоотношений), либо в случае устранения возникшего нарушения (в рамках охранительных правоотношений).

Отказ *с позиции механизма гражданско-правового регулирования* можно определить как одновременно стимулирующее и ограничивающее правовое средство, применяемое с целью расширения свободы участников гражданско-правовых отношений и контроля за процессом реализации субъективных прав и интересов.

Безусловно, что каждое из предложенных значений отказа представляется значимым для гражданского права, что предопределило их дальнейший, более детальный анализ в последующих главах диссертационного исследования.

§ 2. Классификации отказов и их юридическое значение

К вопросу классификации отказов необходимо подходить, учитывая различное понимание категории «отказ», предложенное в первом параграфе. Обнаруженные нами классификации отказов, во-первых, являются незначительными, а, во-вторых, преимущественно распространяются на сферу отказов от субъективных прав.

Так, в научной литературе по гражданскому праву следует выделить классификационные группы, предложенные в работе Ж.И. Седовой и Н. В. Зайцевой. Со ссылкой на зарубежную доктрину, в качестве фундаментальной классификации авторы называют подразделение отказов¹ на две группы: отказы от права путем выбора² и отказы от права путем эстоппеля³.

Так же авторы описывают классификацию отказов в зависимости от категории прав, от которых отказывается участник правоотношения. В качестве таких прав выделяют права на расторжение договора, права на различные привилегии в договоре, права на взыскание убытков, права на

1 waiver

2 waiver by election

3 waiver by estoppel

исполнение обязательств в натуре. Соответственно, разграничиваются и виды отказа от указанных прав: отказ от права расторгнуть договор, отказ от привилегии, отказ от права взыскивать убытки, отказ от требований исполнения обязательства в натуре и т.д.

Особое внимание уделяется обоснованию выделения отдельной группы отказа – отказа от процессуальных прав. Данная группа не является однородной и так же, в свою очередь, представлена различными отказами: отказами от рассмотрения дела в третейском суде, отказами от подачи иска, отказами от рассмотрения дела в государственном суде, отказами от права подачи определенной категории исков и др.

Используя устоявшиеся классификации субъективных прав, авторы предлагают разделить отказ на отказ от вещного и договорного права, отказ от права. Без пояснений упоминается комбинированный тип отказа¹.

Признавая значение выделенных классификационных групп, тем не менее, отметим узость авторского подхода, predetermined тематикой исследования. Поскольку монография посвящена проблемам эстоппеля и отказа в коммерческом обороте, то акцент был сделан на договорное регулирование, что привело к преобладанию в выделенных классификациях отказов от субъективных договорных прав. Кроме того, некоторые классификации вызывают вопросы с точки зрения их выделения на основе положений зарубежной доктрины.

Полноценная и детальная классификация отказов приведена в работе И.П. Гладышевой. Исследователь, как уже было отмечено, предложил разностороннюю характеристику отказа с позиции общей теории права, что позволило выделить многообразные классификационные группы. Приведем основные из них.

По критерию сферы правового регулирования отказ классифицирован на юридический отказ в частном праве и публичном праве. В зависимости от

¹Седова Ж.И., Зайцева Н.В. Указ. соч. СПС Консультант Плюс

наличия условий (оснований) предложено выделение безусловного и подусловного отказа. Используя критерий характера правомочия обоснована классификация отказа на дискреционный (по личному усмотрению) и императивный отказ. В зависимости от объема предмета отказ подразделен на полный и частичный. Форма внешнего проявления в качестве основания классификации позволила выделить юридический отказ в форме действия и в форме бездействия. Такие критерии как срок реализации, свобода воли и форма внешнего проявления привели к предложению о классификации отказов, соответственно, на срочные и бессрочные, добровольные и принудительные и формальные, вербальные, визуальные, физические. Также следует обратить внимание на классификацию в зависимости от роли, которую играет юридический отказ в правоотношении, в соответствии с которой юридический отказ подразделен на правомочный и правообязанный и в зависимости от целевой направленности отказа, что позволило выделить правопрекращающий и правозобновляющий юридический отказ¹.

Выше была высказана критика определения понятия «юридический отказ», предложенного И.П. Гладышевой, основанная, прежде всего, на том обстоятельстве, что автор предложил относить к отказу разнообразные явления частной и публичной природы, что не позволяет в полной мере адаптировать данное определение для исследования специфики отказа в гражданском праве. Вместе с тем, констатируем, что отдельные классификации отказов, предложенных данным ученым, представляют несомненный интерес для цивилистической науки.

Имеет значение для гражданского права классификация отказов на правомочный и правообязанный. Оно проявляется в обоснованном выше разграничении понимания отказов как правовых возможностей и как властных полномочий. Когда рассматривается отказ с точки зрения правовой

¹ Нами не приводятся все предлагаемые автором классификации. Более подробно см. Гладышева И.П. Указ. соч. С. 10-11.

возможности, являющейся элементом гражданско-правовых форм, то такой отказ необходимо охарактеризовать как правомочный. В том случае, если право на отказ выступает одновременно и в качестве обязанности, то перед нами правообязанный юридический отказ.

Следующая классификация, применимая в сфере гражданского права, как представляется, является частным случаем вышеприведенной. Речь идет о классификации отказа на дискреционный и императивный. Дискреционный отказ (т.е. совершаемый по личному усмотрению) основан на диспозитивном характере гражданско-правового регулирования и является преобладающим в сфере гражданского оборота. Императивный отказ (совершаемый в обязательном порядке) применим к гражданско-правовым отношениям с участием органов публичной власти, на которые возложены обязанности отказать в совершении определенных действий в случаях, установленных законом.

Подразделение отказов в зависимости от формы внешнего выражения и доведения до адресатов значимо при характеристике отказа как волеизъявления, проявляющегося во вне в определенной форме.

Особый интерес вызывает классификация отказов на отказ в виде активного поведения и отказ в виде воздержания от активного поведения (бездействие). Действие как юридический факт гражданского права исследовано в цивилистической науке достаточно подробно. Для квалификации действий лица в качестве отказа, гражданское законодательство преимущественно требует наличие явно выраженного волеизъявления лица. Так, например, в ст. 468 ГК РФ установлено, что товары, не соответствующие условию договора купли-продажи об ассортименте, считаются принятыми, если покупатель в разумный срок после их получения *не сообщит продавцу о своем отказе от товаров*. Судебная практика основывается на том, что при

возникновении спора сторона должна доказать факт наличия такого отказа¹: «надлежащих доказательств, подтверждающих, что при монтаже оборудования либо в разумный срок после этого покупатель заявлял поставщику требования об отказе от оборудования, на рассмотрение судов представлено не было, что послужило основанием для отказа в удовлетворении встречных исковых требований»².

Отказы в виде бездействия не являются типичными для гражданского оборота. О молчании ГК РФ упоминает три раза:

молчание не считается согласием на совершение сделки, за исключением случаев, установленных законом (ст. 157.1);

молчание признается выражением воли совершить сделку в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон (ст. 158);

молчание не является акцептом, если иное не вытекает из закона, соглашения сторон, обычая или из прежних деловых отношений сторон (ст. 438).

Соответственно, молчание не должно расцениваться как согласие. Однако молчание создает ситуацию неопределенности, поэтому возникает потребность в возможной квалификации молчания как отказа в даче согласия на совершение запрашиваемых действий. Судебная практика сформулировала правила для указанной квалификации применительно к публично-правовым образованиям. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 года № 25 прямо указано, что «если третье лицо или орган, действующий от имени публично-правового образования как участника гражданских правоотношений, не ответили на запрос стороны сделки в разумный срок, считается, что в даче согласия отказано» (п. 54)³.

¹См.: Суслов А.А. Категория «отказ» в гражданском праве: к вопросу классификации // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2.

²Определение ВАС РФ от 26.01.2011 № ВАС-18549/10 по делу № А06-5715/2009 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф. Аналогичная практика: Апелляционное определение Кировского областного суда от 18.03.2014 по делу № 33-890/2014. Решения судов, в которых отказ от товаров был доказан: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.12.2015 № Ф01-5027/2015 по делу № А43-29716/20142009 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

³Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

Применительно к форме отказов в гражданском праве, можно выделить отказы, к которым закон предъявляет требования о совершении в письменной форме, в форме электронного документа и отказы, без предъявления требования к форме его совершения. Примеры первой группы не значительны, если брать за основу только ГК РФ: ст. 592 ГК РФ в отношении отказа от выплаты ренты путем ее выкупа (такой должен быть заявлен плательщиком ренты *в письменной форме* не позднее чем за три месяца до прекращения выплаты ренты); ст. 859 ГК РФ применительно к отказу от договора банковского счета (при отсутствии в течение двух лет денежных средств на счете клиента и операций по этому счету банк вправе отказаться от исполнения договора банковского счета, предупредив *в письменной форме* об этом клиента); ст. 345 ГК РФ в отношении права залогодержателя отказаться от восстановления или замены предмета залога (залогодержатель вправе отказаться *в письменной форме* в срок, установленный договором залога, или, если такой срок не установлен, в разумный срок после получения уведомления от восстановления или замены предмета залога при условии, что прежний и новый предметы залога неравноценны).

Однако в других нормативно-правовых актах и кодифицированных актах частноправовой направленности, примеров предъявления требований к совершению отказов в письменной форме значительно больше. Так, в ЖК РФ установлено, что согласие или отказ в даче согласия на обмен оформляется наймодателем *в письменной форме* (ст. 74), а в ФЗ РФ от 05.04.2013 № 44-ФЗ¹ закреплено, что в случае отказа в принятии банковской гарантии заказчик ... информирует *в письменной форме* или *в форме электронного документа* об этом лицо, предоставившее банковскую гарантию, с указанием причин, послуживших основанием для отказа.

¹Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 08.04.2013

Дальнейшее приведение примеров закрепления в действующем законодательстве отказов, которые должны быть совершены в письменной форме, думается, нецелесообразно. Отметим лишь, что отсутствие в законодательстве требований к тому, в какой форме отказ должен быть совершен, вызывает некоторые сложности на практике при их совершении.

Приведем для иллюстрации судебную практику по договору комиссии. Согласно ст. 1002 ГК РФ комитент может отказаться от исполнения договора комиссии. Однако данная норма не регламентирует, в какой форме должен быть сделан отказ, а также не устанавливает, что должно содержаться в отказе. Суды квалифицируют действия комитента в качестве отказа в следующих типовых случаях: письмо комитента в совокупности с его поведением и требованием о возврате товара признается его отказом от договора комиссии и влечет отмену выданных поручений; требование комитента о возврате комиссионером имущества путем передачи третьим лицам признается отказом комитента от договора; письмо комитента о запрете продажи (отгрузки, перемещения) признается его отказом от комиссионного поручения¹.

Однако, как представляется, эти сложности вполне преодолимы, что и демонстрируют примеры из правоприменения, особенно в свете новой редакции ст. 450.1. ГК РФ, в которой установлено, что право на односторонний отказ от договора (его исполнения) может быть осуществлено путем уведомления другой стороны об отказе. Соответственно, такое уведомление может быть сделано в любой форме.

Перейдем к обоснованию выделения иных классификационных групп отказа в гражданском праве.

Используя понимание отказов как юридического факта гражданского права, предложенное в первом параграфе диссертационного исследования,

¹ Путеводитель по судебной практике. Комиссия. Подготовлен специалистами АО «Консультант Плюс» (12.12.2016)

предлагаем в зависимости от *направленности* подразделить отказы следующим образом:

- внутренний отказ (направлен на отказ от правовых возможностей самого их обладателя и не оказывающий прямого влияние на правовую сферу третьих лиц). Данные отказы всегда строятся по модели: «отказ от того, что принадлежит субъекту». Примером таких отказов являются отказы от права собственности.

- внешний отказ (направлен на отказ в реализации правовых возможностей, принадлежащих иным лицам и вторгающийся в их правовую сферу). Внешний отказ строится по модели «отказ кому-то в чем-то», такой отказ сужает границы правовых возможностей третьих лиц, либо приводит к их прекращению. Примерами внешних отказов являются отказы от дачи согласия.

Предлагаемое видовое деление акцентирует внимание на различиях в механизмах отказов. Когда отказ оказывает влияние на правовую сферу самого обладателя правовых возможностей, то при правовом регулировании такого отказа необходимо основываться на базовых принципах гражданского законодательства, прежде всего, о недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и о том, что физические и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Когда же отказ воздействует на правовые возможности других участников гражданских правоотношений, то в этом случае требуется вдумчивое обоснование наделения возможностями по осуществлению отказа, поскольку они являются действенным рычагом, способным напрямую повлиять на динамику гражданских правоотношений и их содержание. Подобные утверждения применимы не только о ситуациях отказов со стороны публичных органов власти (например, судебных органов или налоговых органов в регистрации юридического лица), поскольку отказ, воздействующий на правовые возможности третьих лиц, может исходить и от равноправных участников гражданских правоотношений. В частности, как это

имеет место при самозащите, и при применении мер оперативного воздействия, и при отказе в даче согласия¹. Таким образом, правовое значение данной классификации, основано на проиллюстрированном выше понимании отказа в качестве правового средства в механизме правового регулирования. Предоставление законодателем возможности по осуществлению внешнего отказа – всегда есть ограничивающее правовое средство, поскольку дает «правовую власть» одному участнику над другим, а предоставление возможности для внутреннего отказа – расширяет свободу участника гражданско-правовых отношений.

В свою очередь, говоря и о внешних, и о внутренних отказах, необходимо отметить, что несмотря на то, что исследователи достаточно часто обращают внимание на то, что отказаться можно от разнообразных правовых возможностей, в юридической литературе до настоящего времени не предложена классификация отказов *в зависимости от того, что выступает объектом отказа*.

Обратившись к приведенным выше примерам использования ГК РФ категории отказа, мы уже отметили, что сведение всего многообразия отказов исключительно к отказу от субъективных прав, существенно обедняет понимание данной категории. В качестве объекта отказа могут выступать не только правовые возможности, входящие в содержание субъективных прав.

Уточним применение термина «объект отказа». Общеизвестно, что понимание категории «объект» в гражданском праве неоднозначное. Самым часто упоминаемым примером является ст. 128 ГК РФ, в которой закреплены виды объектов гражданских прав. Объект с философской точки зрения обозначает вещь, явление или процесс, на которые направлена предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта. Используя философское понимание объекта (лат. *objectum* – предмет) представляется вполне допустимым

¹ См.: Сулов А.А. Категория «отказ» в гражданском праве: к вопросу классификации // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2.

его использование применительно к отказу. В этом смысле, объект отказа – это возможность, долженствование, вещь или действие, от которых (или от совершения которых) воздерживается их обладатель / носитель.

В юридической литературе можно встретить использование другого термина – «предмет отказа». Для примера можно привести следующее высказывание: «... необходимо выяснить понятие и содержание корпоративных прав участников... с целью дальнейшего установления предмета отказа, то есть от каких именно корпоративных прав можно отказаться¹. Допускается применение термина «предмет отказа» в работе И.П. Гладышевой. Автор отмечает, что «предмет отказа дает ответ на вопрос "от чего" производится отказ». В качестве такового автор называет: права и их реализацию, включающую в себя акты использования; обязанности и их исполнение, а также статусы и состояния.

В свете высказанных соображений, нам не представляется эта терминологическая дискуссия принципиальной. Полагаем, что возможно их синонимичное использование.

С точки зрения содержательной характеристики вопроса об объектах отказа обратимся к высказанным нами ранее предположениям. Поддерживая научные воззрения о том, что правовые формы в гражданском праве многообразны², не можем отнести все возможности – исключительно к субъективным правам, а все долженствования – к юридическим обязанностям. Поэтому, предлагаем выделить следующие виды отказа в зависимости от его объекта:

- отказ от субъективных прав и их осуществления;
- отказ от реализации правоспособности и дееспособности;

¹ Уразова А.А. Отказ от корпоративных прав // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1143-1148.

² Цельная концепция гражданско-правовых форм представлена автором в его учебниках: Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. I. Введение в гражданское право : учеб. М.: Издательство Юрайт, 2011. 521 с. (Магистр); Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты : учеб. М. : Издательство Юрайт, 2011. 1093 с. Серия : Магистр.; Белов В.А. Гражданское право. Т. III. Абсолютные гражданско-правовые формы : учеб. для бакалавров. М. : Издательство Юрайт, 2013. 1189 с. Серия : бакалавр. Углубленный курс. ; Белов В.А. Гражданское право. Т. IV. Относительные гражданско-правовые формы : учеб. для бакалавров. М. : Издательство Юрайт, 2013. 1085 с. Серия : бакалавр. Углубленный курс.

- отказ от вторичных прав;

Полагаем, что возможно также говорить об отказе от реализации вторичных прав, исполнения юридических обязательств, а также кредиторских обязательств¹.

Соответственно, по критерию объекта внутренний отказ подразделяется на: отказ от субъективных прав и их осуществления, отказ от реализации правоспособности и дееспособности, отказ от вторичных прав; а внешний отказ подразделяется на: отказ от реализации вторичных прав, исполнения юридических обязательств, а также кредиторских обязательств.

Значение данной классификации заключается в том, что вид объекта отказа предполагает различное правовое регулирование оснований, условий и процедуры таких отказов.

Субъективные права, как уже неоднократно отмечалось, являются одним из самых распространенных объектов отказа. Многочисленность уже самих субъективных прав позволяет говорить о подразделении на группы и отказов от них в зависимости от вида субъективного права. Наиболее полно в юридической литературе представлена характеристика отказов от вещных² и обязательственных прав³, хотя признать ее достаточной не представляется воз-

¹ См.: Суслов А.А. Отказ в гражданском праве: классификация по объекту // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : матер. V Межд. научн.-практ. конф (г. Иркутск, 16-17 сентября 2016 г.) : в 2 т. / отв. ред. С.И. Сулова, А.П. Ушакова. Т. 1. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016.

² См., например, работы по отказу от права собственности: Имекова М.П. Отказ лица от права собственности на земельный участок в системе оснований прекращения права собственности на землю // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11. С. 1423-1428; Ромадин М., Кошелев Я. Отказ от права на земельный участок и приобретательная давность: новый взгляд на старые проблемы // Хозяйство и право. 2004. № 2. С. 116-117 или работы по отказу от иных вещных прав: Ерш А.В. Некоторые проблемы отказа от права постоянного (бессрочного) пользования и права пожизненного наследуемого владения земельным участком // Хозяйство и право. 2006. № 10. С. 33.

См., например, Демкина А.В. Порядок и пределы реализации права на отказ от договора или от осуществления прав по договору: новые правила ГК РФ // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 11. С. 57- 65; Софонов И.Ю. Современный правоприменительный подход к квалификации отказа от права в договоре // Право и экономика. 2015. № 3. С. 18-23.

³ См., например, Адельшин Р.Н., Сорокина Ю.А. Особенности осуществления и отказ от права в высокотехнологичных стохастических обязательствах в сфере срочного рынка и информационных технологий в банковской сфере // Банковское право. 2019. № 6. С. 69–76; Демкина А.В. Порядок и пределы реализации права

можной. Лишь недавно стали появляться глубокие научные исследования, посвященные данной проблематике¹. Несомненно, что каждый из названных видов отказа даже в рамках одной классификационной группы, действительно, обладает своей спецификой и требует самостоятельного анализа².

Иные классификации субъективных прав, а соответственно, особенности и возможности отказов от них, практически не представлены в научных исследованиях. Представляется, что необходимо проанализировать особенности отказа применительно к иным классификациям субъективных прав: отказ от регулятивных и охранительных субъективных прав; отказ от имущественных и неимущественных (личных неимущественных) субъективных прав.

Остановимся на более детальном анализе отказов от различных видов субъективных прав, предварительно уточнив, что не считаем целесообразным в рамках данного диссертационного исследования останавливаться на детальной характеристике отказа от каждого из видов субъективных прав (что может стать темой самостоятельных научных исследований), поскольку изначально была обозначена задача выявления особенностей отдельных групп отказа, а не каждой из их разновидностей.

Отказы от абсолютных и относительных субъективных прав. Не вызывает сомнений, что указанная классификация субъективных прав является родовой по отношению к делению субъективных прав на вещные и обязательственные. Правоведами предлагаются различные по своему наименованию критерии, лежащие в основании данной классификации. Среди них следует отметить – критерий определенности пассивных субъектов³; критерий

на отказ от договора или от осуществления прав по договору: новые правила ГК РФ // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 11. С. 57- 65; Софонов И.Ю. Современный правоприменительный подход к квалификации отказа от права в договоре // Право и экономика. 2015. № 3. С. 18-23.

¹Василевская Л. Ю., Сулова С. И. Отказ от вещных прав на недвижимое имущество: проблемы толкования и правоприменения // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2019. № 3.

² В частности, интересными представляются научные исследования в сфере возможности отказа от доли в праве собственности. Безусловная возможность отказаться от права собственности совершенно не означает наличие возможности отказа от доли в праве собственности (См.: Филатова У.Б. Особенности правового регулирования общей долевой собственности в некоторых европейских правовых порядках // Гражданское право. 2013. № 5. С. 21-23.)

³ См., например, Тархов В.А. Гражданское правоотношение. Уфа, 1993. С. 53-56.

вида и способа обеспечения правомочия, реализация которого непосредственно ведет к удовлетворению интереса, составляющего цель субъективного права¹, а также критерий степени определенности субъектов правоотношений². Вместе с тем, принципиальное различие между этими правами давно стало аксиоматичным в юридической литературе. Неопределенный круг обязанных лиц противостоит обладателю абсолютного субъективного права, а его интерес удовлетворяется собственными активными действиями управомоченного лица; обладателю относительного права всегда противостоит строго определенное обязанное лицо, действиями которого только и может быть удовлетворен интерес обладателя данного права³.

Поэтому, полагаем важным выделить именно эту особенность отказов в зависимости от деления субъективных прав на абсолютные и относительные. Суть ее заключается в том, что при отказе от абсолютного субъективного права, во-первых, не требуется информирование неопределенного круга лиц о намерении отказаться от права, а, во-вторых, отсутствует надобность согласования собственных намерений по отказу от субъективного права. Это происходит потому, что в абсолютных правоотношениях для удовлетворения интереса управомоченного лица не нужны иные участники правоотношений, он (интерес) удовлетворяется собственными действиями. Соответственно, и принятием решения об отказе от абсолютных субъективных прав ничей интерес не может быть нарушен.

¹ См., Белов В.А. Гражданское право. Т. 1. С. 407.

² Гражданское право: Учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. 511 с.

³ По этому поводу В.Ф. Яковлев, давая характеристику метода гражданско-правового регулирования, справедливо писал: «Если свобода распоряжения правом собственности простирается до возможности прекращения самого правоотношения собственности на то или иное имущество, то отказ от субъективного права в рамках обязательственного правоотношения означает прекращение самого правоотношения лишь тогда, когда оно является односторонним, т. е. право принадлежит одной стороне. Поскольку обязательственные правоотношения в подавляющем большинстве случаев относятся к взаимным, то отказ одной стороны от права не может прекратить обязательства в целом, если вторая сторона не отказалась от своего права» (см.: Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. С. 89.)

Другая ситуация возникает применительно к относительным субъективным правам. При отказе от них, во-первых, предполагается потенциальная заинтересованность в существовании права с в другой стороны правоотношения, что должно влечь, как минимум, его персонифицированное уведомление об отказе, а, во-вторых, вид относительного права предопределяет наличие согласия обязанного лица или указание закона на возможность отказа от прав.

Данные особенности относительных и абсолютных субъективных прав, соответственно, должны являться ориентиром при законодательном регулировании отношений в сфере ограничений (или запретов) отказов. Отнесение субъективных прав к абсолютным означает, что отказы от них не должны ограничиваться законом: коль скоро затрагивается только частный интерес конкретного лица, то ему и принимать решение о существовании самого права и его осуществлении. Принадлежность субъективных прав к группе относительных предполагает более строгий законодательный контроль за отказами от них, поскольку этим могут быть ущемлены интересы обязанного лица, а в определенных случаях – и третьих лиц¹.

Отказы от имущественных и неимущественных субъективных прав. Подобное деление субъективных гражданских прав не только никем не оспаривается, но и в определенных случаях признается базовым для гражданского права². Вместе с тем, известная дискуссия о предмете гражданского права, включающего в себя личные неимущественные отношения, порождает дискуссию о значимости данной классификации.

Обширная полемика по данному вопросу о понимании личных неимущественных прав велась как в советский период³, так продолжается и до сих

¹См.: Суслов А.А. Особенности отказа от отдельных видов субъективных прав // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2017. № 3.

² См., например, Гражданское право: Учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 1. (глава 3). СПС Консультант Плюс

³ См., например, Агарков М.М. Право на имя // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М., 2005. С. 136-162; Иоффе О.С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // Советское государство и право. 1966. № 7. С. 51-60; Тагайназаров Ш.Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР / отв. ред. В.А. Ойгензихт. Душанбе, 1990. 216 с; Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук НКЮ

пор¹. Нам представляются убедительными суждения, например, С.С. Вабище-вич. Ученый справедливо отмечает преимущественно терминологический ха- рактер доктринальных разногласий по проблеме соотношения личных, неиму- щественных и личных неимущественных отношений². Поддерживаем пози- цию тех ученых, которые закладывают в основание классификации критерий объекта и разграничивают классификации субъективных прав по качеству ин- тереса, удовлетворению которого служат субъективные права на имуществен- ные и неимущественные. И одновременно с этим, выделяют по степени свя- занности с личностью строго личные и не являющиеся строго личными субъ- ективные права³.

Представляется бесспорным, что от строго личных прав никогда нельзя отказаться. Эти права неразрывно связаны с личностью своего обладателя, а потому сменить его не могут. Основным законодательным аргументом в пользу данного вывода являются ст. 2 и 150 ГК РФ, в которых закреплена не- отчуждаемость и непередаваемость нематериальных благ. Усиливает законо- датель это требование повторением данных признаков применительно к пра- вам авторства на различного рода объекты. В ст.ст. 1228, 1356, 1418, 1453 ГК РФ приведены схожие по юридической технике формулировки примени- тельно к отказу от права авторства, права на имя и иные личные неимуще- ственные права автора в целом и прав авторства на изобретения, полезной мо- дели или промышленного образца, права признаваться автором селекционного

СССР. Вып. 6. М., 1941. 207 с. Тагайназаров Ш.Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимуще- ственных прав граждан в СССР / отв. ред. В.А. Ойгензихт. Душанбе, 1990. 216 с.

¹ См., например, Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. Екате- ринбург, 1994. 435 с.; Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (Понятие, осуществление и защита): дис. ... докт. юрид. наук. М., 1997. 431 с.; Ровный В.В. Новейшее исследование предмета граждан- ского права: рецензия на монографию М.Н. Малеиной «Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита». М., 2000. 244 с. // Сибирский юридический вестник. 2000. № 3. С. 72-78.

² Вабищевич С.С. Проблема единства и пределов предмета гражданско-правового регулирования// Пролог: журнал о праве. 2016. № 4.

³ Белов В.А. Введение в гражданское право. Т. 1. С. 408-409.

достижения, права признаваться автором топологии, в частности. Законодатель констатирует непередаваемость и неотчуждаемость данных прав, одновременно подчеркивая, что отказ от них ничтожен¹.

Л.О. Красавчикова при характеристике признаков неотчуждаемости и непередаваемости подчеркивает, что «именно в силу этого юридически невозможно передать другому лицу право на **свое** имя, на неприкосновенность **своей** частной жизни, на **свою** личную неприкосновенность и др. В противном случае названные права утратили бы не только юридический, но и социальный смысл»².

Вместе с тем можно встретить позиции ученых, которые сомневаются в столь категоричном выводе. Так, М.Н. Малеина справедливо отмечает, что «неотчуждаемость и непередаваемость иным способом нематериального блага должны бы трактоваться как невозможность передачи по воле управомоченного за плату или безвозмездно во временное пользование или безвозвратно именно блага, а не субъективного права на него»³.

Соответственно, в отличие от самих нематериальных благ, которые неотчуждаемы и непередаваемы, субъективные права на них, по общему правилу, такими признаками не обладают. Хотя обратим внимание, что в отличие от ст. 150 ГК РФ, приведенные выше статьи из четвертой части ГК РФ как раз говорят о неотчуждаемости именно субъективного права, но не объекта. Это дает основание для вывода о том, что законодатель выделяет отдельно группу таких нематериальных объектов и запрещает отказы не только от самих этих благ (ст. 150 ГК РФ), но и от прав на них (ст. 1228 и др. ГК РФ).

¹ Например, ст. 1418 ГК РФ – право авторства, то есть право признаваться автором селекционного достижения, неотчуждаемо и непередаваемо, в том числе при передаче другому лицу или переходе к нему исключительного права на селекционное достижение и при предоставлении другому лицу права его использования. Отказ от этого права ничтожен.

² Гражданское право: В 2 т.: Учебник (том 1) / под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016 (автор главы – Л.О. Красавчикова).

³ Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 44.

В отношении нематериальных благ, которые следует считать таковыми в силу природных (биологических) качеств человека и обладающих свойствами индивидуализации самой личности, то в отношении них законодатель не регулирует отдельно вопросы отказа от прав на эти объекты, ограничиваясь лишь указанием, что неотчуждаемы сами эти блага. Не вызывает возражений утверждение о том, намерения человека по отказу от таких благ как жизнь, здоровье или частная жизнь противоречат его природе и, соответственно, такие намерения вообще должны отсутствовать. А.А. Ковалев по этому поводу отмечает, что «Непреходящий характер указанного принципа обусловлен естественным происхождением права, возникшего по существу из стремления человека сохранить, защитить свою жизнь, свои права и свободы»¹. Однако наличие неких естественных стремлений по сохранению определенных благ не является характеристикой исключительно неимущественных субъективных прав. Так, общеизвестная такая характеристика применительно к субъективным имущественным правам – собственник должен иметь естественное стремление сохранить объект своей собственности². Вместе с тем, не только гипотетическими, но и реально существующими на практике, являются примеры данных отказов: человек выставляет свою личную жизнь напоказ в социальных сетях, отказывается куда-либо переезжать, отказывается от медицинского вмешательства. Однако именно специфика рассматриваемых благ предопределяет характеристику указанных действий, поскольку распоряжение такими благами нельзя расценивать как осуществление в отношении них субъективных прав. Такие права как право на жизнь, здоровье, физическую неприкосновенность и т.д. с позиции теории оцениваются учеными двояко: или как воз-

¹ Ковалев А.А. Международная защита прав человека: учебное пособие. М., 2013. 591 с.

² «...человека, обладающего естественным стремлением сохранить и упрочить свою собственность и иное имущество в рамках семьи...» (Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. 280 с.); «Учитывая, социально-экономические привилегии, неизменно сопутствующие праву собственности на недвижимое имущество, естественным стремлением состоятельных землевладельцев является сохранение титула за будущими наследниками» (Тягай Е.Д. Участие иностранцев в сделках по недвижимости в США // Правовые вопросы недвижимости. 2011. № 2. С. 28-34.)

возможности, входящие в содержание правоспособности (отказ от которых по общему правилу не допустим), либо такие нематериальные блага отличаются тем, что охраняются правом непосредственно «...без их прикрепления к своим обладателям с помощью субъективных прав»¹.

И при поддержке первой, и при поддержке второй доктринальной позиции «права» на такие естественные свойства физических лиц не являются субъективными гражданскими правами, а потому, и отказ от них невозможен: в первом случае он прямо запрещен ст. 22 ГК РФ, во втором – нельзя отказаться от того, чего нет².

Отказы от охранительных и регулятивных субъективных прав. Все большую поддержку в цивилистической доктрине находит классификация субъективных прав на охранительные и регулятивные. И, несмотря на то, что многие учебные издания по гражданскому праву пока данное деление не приводят, игнорировать ее значимость и практическую востребованность не представляется правильным.

Полагаем, что регулятивные субъективные права не требуют отдельного исследования с позиции возможности отказа от них. Их характеристика в качестве прав, призванных опосредствовать нормальное развертывание имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, а также прав, в которых отсутствует способность к принудительной реализации³, не

¹ Белов В.А. Гражданское право. Т. 2. С. 373.

² В завершении общей характеристики вопроса об отказе от строго личных прав, затронем вопрос об использовании законодателем термина «права или обстоятельства, связанные с личностью или неразрывно связанные с личностью». Примером первых (обстоятельств, связанных с личностью) является ст. 205 ГК РФ, в которой к таким обстоятельствам отнесены тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность субъекта гражданского права. Примерами вторых (прав, неразрывно связанных с личностью) являются ст. 336, 383 и 1112 ГК РФ. В данных нормах к правам, неразрывно связанным с личностью отнесены требования об алиментных, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью. В отношении таких прав установлена невозможность их перехода к другому лицу, невозможность этих требований выступать предметом залога и недопустимость включения их в состав наследства. Вместе с тем невозможность отказа от данных прав нигде не закреплена, что дает основание утверждать, что отказаться от них возможно. Используя оборот «права, неразрывно связанные с личностью», законодатель еще больше запутывает дискуссию о понимании личных прав, личных неимущественных прав, личных прав, связанных с имущественными. Однако с позиции темы настоящего диссертационного исследования, указанные вопросы интереса не представляют. Так же подчеркнем, что специального анализа не требует и вопрос об отказе от прав, не являющихся строго личными, поскольку особенности таких отказов могут быть раскрыты в рамках иных классификационных групп.

³ Бабаев А.Б., Белов В.А. Учение о гражданском правоотношении // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2007. С. 258-263

позволяет выделить особенности отказов от них. Малоизученность и специфика охранительных субъективных прав дает основание для выдвижения противоположного предположения. Обратимся к характеристике охранительных субъективных прав и анализу правовых возможностей по отказу от них.

Становление теории охранительных правоотношений в России происходит уже не одно десятилетие. Данная теория неоднозначно оценивается представителями российской цивилистики, однако, получила значительное развитие и поддержку как в советский, так и в современный период¹. Важным представляется выделение базовых положений, которые нельзя считать бесспорными, но которые отражают специфику охранительных субъективных прав, составляющих содержание охранительных правоотношений:

охранительное субъективное право – есть право на защиту, обладающее способностью к принудительной реализации;

основаниями возникновения охранительных правоотношений являются не только правонарушения, но любые препятствия в реализации регулятивного субъективного права – его нарушение, оспаривание и т. д.²;

охранительное правоотношение направлено на обеспечение защиты (восстановления) субъективного гражданского права (либо правового положения);

охранительное правоотношение основано на равенстве сторон, автономии воли и имущественной самостоятельности;

¹ См., например, Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2009. С. 205-207, С. 350-351; Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990; Бутнев В.В. Несколько замечаний к теории охранительных правоотношений // Вопросы теории охранительных правоотношений. Ярославль, 1991. С. 7; Крашенинников Е.А. Регулятивные и охранительные субъективные гражданские права // Очерки по торговому праву: сб. научн. трудов / под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль, 2007. Вып. 14. С. 5-16; Яковлев В.Ф. Структура гражданских правоотношений // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сб. ст. М., 2001. С. 388-389; Асланян Н.П. Некоторые вопросы теории охранительных правоотношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики: матер. 3-й ежегод. межд. науч.-прак. конф. / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. 2014. Иркутск: Изд-во БГУ, 2014. С. 7-18; Кархалев Д. Концепция охранительного гражданского правоотношения: дис. д-ра юрид наук, Екатеринбург, 2010. 407 с. и мн. др.

² Асланян Н.П. Указ. соч. С. 11.

охранительное правоотношение является относительным правоотношением, правоотношением активного типа и односторонним¹.

Поскольку критический взгляд на теорию охранительного правоотношения не входит в предмет нашего исследования, обратимся к тем правомочиям, от которых может отказаться обладатель охранительного субъективного права.

Отказы невиновной стороны от субъективных прав, возникновение которых происходит в случае нарушения обязательств по договору, к сожалению, достаточно часто вообще судами не ассоциируются с категорией «отказ» на что уже обращалось внимание в специальных исследованиях².

Если считать, что охранительные субъективные права включают в себя право на совершение собственных односторонних действий, то большинство отказов по своей природе именно такими действиями и являются. В группе мер оперативного воздействия отдельно выделяются меры, связанные с отказом совершения определенных действий в интересах неисправного контрагента (меры отказного характера)³. В этой связи можно утверждать, что право на отказ – это содержание отдельных видов охранительных субъективных прав⁴.

Сложнее обстоит дело с правомочием притязания, с отказами от отдельных возможностей, включаемых в состав данного правомочия.

Общеизвестно, что ст. 3 ГПК РФ⁵ и ст. 4 АПК РФ⁶ содержат идентичное друг другу правило о том, что отказ от права на обращение в суд недействителен, что свидетельствует, что отказаться от принудительной реализации закрепленного законодательством права на защиту невозможно. Однако, это не

¹ Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений // Юрист. 2014. № 8. С. 29.

² Седова Ж.И., Зайцева Н.В. Указ соч. СПС Консультант Плюс

³ Гражданское право: в 2 т. Т. 1. / под общ. ред. Е.А. Суханова. С. 420.

⁴ См: Суслов А.А. Особенности отказа от отдельных видов субъективных прав // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2017. № 3.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. .2002. № 30. Ст. 3012

означает, что нельзя отказаться вообще от охранительного субъективного права, ведь право на защиту – это не только право на обращение в суд.

Проиллюстрируем ситуации отказов от охранительных субъективных прав.

а) субъекты гражданского права заключают договоры, в условиях которых изначально отказываются от каких-либо своих притязаний, которые могут возникнуть в будущем: от взыскания неустойки, пеней, процентов, в том числе установленных законом за просрочку исполнения сторонами обязательств по договору.

Основываясь на том, что право на такой вид отказа в действующем гражданском законодательстве отсутствует, российская судебная практика, во многих случаях считает недопустимыми заключения соглашений на таких условиях. Примером является ситуация, в которой апелляционная инстанция, отменяя определение суда первой инстанции, указала на то, что соглашение от 03.03.2014, предусматривающее отказ Ноготкова К.О. от права на получение процентов, является ничтожным отказом от права, сославшись на пункт 2 статьи 9 Гражданского кодекса Российской Федерации. Впоследствии ВС РФ отменил Постановление апелляционной инстанции, вообще отказав в квалификации данных действий в качестве отказа от права¹. Вместе с тем, некоторые положительные сдвиги в данном направлении присутствуют, что, безусловно, обнадеживает. Так, Верховный суд РФ не согласился с доводами нижестоящих судов и признал законным включение в договор права на отказ от удержания в случае ненадлежащего исполнения обязательств одной из сторон². Однако,

¹ См, например, Определение ВАС РФ от 15 мая 2012 г. № ВАС-5922/12 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия. Проф. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.08.2017 N Ф06-6806/2012 по делу № А65-19446/2011(документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия. Проф.; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.02.2018 № 306-ЭС14-6837 по делу № А65-19446/2011

² Соглашение сторон о том, что подрядчик не будет иметь прав, предусмотренных ст. 712 ГК РФ, не противоречит ст. 9 ГК РФ в силу диспозитивности ст. 359, 712 ГК РФ (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 2016 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016) // Консультант Плюс. Версия Проф.)

свежие примеры из судебной практики опять демонстрируют противоположный подход. В 2020 году, Верховный Суд пришел к выводу о необходимости признания ничтожным условия о полном исключении ответственности заказчика за просрочку оплаты оказанных ему услуг (в соответствии с пунктом договора, в случае несвоевременной оплаты выполненных работ исполнитель не вправе предъявлять заказчику штрафные санкции), либо допустил толкование такого условия ограничительно в системной взаимосвязи с положениями пункта 4 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации как не подлежащее применению к случаям умышленного нарушения заказчиком своих обязательств¹.

Другими словами, в настоящее время суды, основываясь на отсутствии доктринального обоснования, не готовы поддержать идею о том, что содержание охранительных правоотношений можно определить соглашением сторон еще до момента его возникновения. Представляется, что никаких причин для запрета подобного рода условий нет. Почему отсутствуют возражения о допустимости определения содержания регулятивного правоотношения (например, договорного), когда стороны согласуют свои будущие права и обязанности, тогда как договорное правоотношение возникнет только после наступления юридического факта – заключения договора. Другими словами, установить ответственность – можно, а отказаться заранее от взыскания – нельзя². Поддержать указанную позицию судебных органов не представляется возможным.

б) участники гражданских правоотношений заключают соглашения уже после возникновения охранительного правоотношения, в которых изменяют различные аспекты своих притязаний: по размеру, срокам и т.д. В юридической литературе активно обосновывается возможность таких соглашений. Так,

¹ Определение Верховного Суда РФ от 15.12.2020 № 376-ПЭК20 по делу № А65-11516/2019 // Консультант Плюс. Версия Проф.

² См: Суслов А.А. Особенности отказа от отдельных видов субъективных прав // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2017. № 3.

Д. Н. Кархалев отмечает, что такие соглашения могут быть заключены между потерпевшим и правонарушителем и быть направлены на изменение размера ответственности сторон, условий, при которых она наступает, на изменение обеспечительных мер, на перемену лиц в возникшем охранительном правоотношении и др. Достоинства таких соглашений исследователь видит в том, что они должны сократить число судебных споров с одновременным способствованием развитию гражданского оборота¹. Однако, далее по тексту работы, проводя углубленную характеристику данных соглашений правовед, по сути, сводит свое исследование к разработанным в цивилистической науке конструкциям прощения долга, новации, отступному и т.д. Новым является лишь то, что «заключаются такие соглашения между сторонами возникшего из неправомерного действия охранительного правоотношения и то, что оно влечет возникновение регулятивного правоотношения в динамике охранительной правовой связи². Вместе с тем, иллюстрация правоприменительной практики в сфере заключения и исполнения таких соглашений, а также особенностей их правового регулирования путем сравнения со схожими соглашениями, заключаемыми в отсутствие правонарушения (при существовании регулятивного права), в работе не анализируется. Не приводится в работе и ответ на вопрос о том, в чем выражается специфика рассматриваемых автором соглашений с точки зрения момента его заключения: до или после правонарушения.

в) потерпевшее лицо принимает решение отказаться от притязаний и не требует от другой стороны ничего или предъявляет требования в меньшем размере, чем установлено законом или соглашением.

В этом случае никто не возражает тезису о том, что в приведенном примере для участника гражданских правоотношений это является свободой выбора и полностью соответствует основополагающим принципам гражданского права. Вместе с тем, в нормах как частной, так и публично-правовой природы

¹ Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений // Юрист. 2014. № 8. С. 31.

² Кархалев Д.Н. Охранительные соглашения в гражданском праве // Юрист. 2015. № 19. С. 12-16.

можно обнаружить примеры того, что отказ от взыскания не может рассматриваться исключительно как воля свободного участника гражданских правоотношений. В частности, в одном из постановлений Правительства¹ был установлен порядок предоставления отсрочки уплаты неустоек (штрафов, пеней) и (или) списание начисленных сумм неустоек (штрафов, пеней), в соответствии с которым, если общая сумма неуплаченных неустоек (штрафов, пеней) не превышает 5 процентов цены контракта, заказчик обязан осуществить списание неуплаченных сумм неустоек (штрафов, пеней), что свидетельствует об обязанности заказчика отказаться от своих притязаний.

Демонстрацией определенного «понуждения» к обращению в суд могут быть рассмотрены и требования Налогового кодекса РФ².

Проведенный анализ отказов от охранительных субъективных прав свидетельствует о непоследовательности и противоречивости положений доктрины и правоприменения в данной области общественных отношений. Сложно признать наличие логики в том, что в настоящее время правопорядок поддерживает следующее положение вещей: участник гражданских правоотношений может держать должника в состоянии ожидания весь срок исковой давности, отказавшись от защиты своих прав после нарушения, но одновременно с этим, стороны не могут договориться об отказе от этих прав до момента их возникновения и четко определить содержание данных прав (даже тех, которые установлены диспозитивно). Несмотря на то, что исследователи

¹ Постановление Правительства РФ от 14.03.2016 № 190 «О случаях и порядке предоставления заказчиком в 2016 году отсрочки уплаты неустоек (штрафов, пеней) и (или) осуществления списания начисленных сумм неустоек (штрафов, пеней)» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 12. Ст. 1669 (документ утратил силу в связи с истечением срока действия)

² На основании ст. 317 при определении внереализационных доходов в виде штрафов, пеней или иных санкций за нарушение договорных обязательств, а также сумм возмещения убытков или ущерба налогоплательщика, определяющие доходы по методу начисления, отражают причитающиеся суммы в соответствии с условиями договора. При взыскании долга в судебном порядке обязанность по начислению этого внереализационного дохода у налогоплательщика возникает на основании решения суда, вступившего в законную силу. Другим словами, если участник правоотношений использует метод начисления и в договоре предусмотрены штрафы, пени и иные санкции, то он обязан начислить внереализационный доход, даже не получив указанных платежей или отказавшихся от них добровольно. Для того, чтобы избежать данного начисления, необходимо обратиться в суд за взысканием указанных платежей: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340. (статья 317)

обосновывают эффективность и допустимость заключения таких соглашений, их судьба при квалификации в суде вызывает серьезные вопросы.

Показательны и судебные решения, в которых суды оценивают действия сторон с точки зрения их действий в качестве отказов от охранительных субъективных прав. Приведем пример. Условиями договора было закреплено, что одно юридическое лицо принимает на себя обязанность оплаты в двойном размере другому юридическому лицу стоимости приборов, которые будут недопоставлены. Покупатель, недополучив приборы, потребовал оплаты их стоимости в одинарном размере. Требования были удовлетворены. После получения денежных средств, покупатель предъявляет новое требование об оплате приборов в размере их стоимости. Высшая судебная инстанция посчитала, что такое поведение кредитора (покупателя) не шло в разрез с условиями договора и не свидетельствует о том, что покупатель, выставив счет в однократном размере, отказался от своего права¹. Считаем справедливым критику такого решения, высказанную в юридической литературе. Ведь сторона изъявила свою волю на однократную оплату стоимости товара, сделав свой выбор и не применив штрафную санкцию. Своим поведением кредитор ввел в заблуждение должника, обоснованно посчитавшего, что такие его действия свидетельствуют о том, что он не будет требовать взыскания штрафных санкций и отказался от взыскания². Вместе с тем, нельзя не отметить, что сам по себе факт выставления требований об оплате должен быть оценен в совокупности с другими доказательствами, например, перепиской сторон, в которой, возможно, кредитор и не отказывался от своих дальнейших притязаний и не вводил должника в заблуждение. Другими словами, для квалификации действий кредитора

¹ Решение по делу № А51-11493/2006-14-227: пример приведен из работы Седова Ж.И., Зайцева Н.В. Указ. соч.

² В английском праве – продолжают авторы – такая ситуация привела бы к потере права на вторичное требование о доплате стоимости деталей, поскольку, зная о факте недостачи, сторона была свободна в выборе средств и методов защиты, предоставленных ей договором, и, выбрав оплату только фактической стоимости деталей, она утратила право на взыскание дополнительных санкций. Однако судебные органы в данном случае встают на сторону субъекта, который, по сути, совершал действия, направленные на отказ от права, и распространяет на такие отношения действия п. 2 ст. 9 ГК РФ, нарушая в таких случаях принцип добросовестности (Там же).

в качестве отказа от права у суда должны быть достаточные и веские основания.

В российской судебной практике присутствуют и обратные примеры. Известное решение Высшего арбитражного суда, в соответствии с которым не обоснованными были признаны притязания кредитора по уплате процентов, поскольку до этого было заявлено требование только об уплате основного долга и заключено мировое соглашение. Условия последнего дали основания суду утверждать, что должник был уверен, что кредитор не будет взыскивать проценты (отказался от их взыскания). Таким образом, судебные инстанции квалифицировали действия кредитора как недобросовестное поведение и отказали в защите права, применив правило эстоппель¹.

Таким образом, следует резюмировать, что в настоящее время правоприменение допускает правомерность лишь группы охранительных субъективных прав, которая включает в себя отказные действия в случае ненадлежащего исполнения контрагентом своих обязательств. Другие отказы от охранительных субъективных прав (особенно, если отказ от такой возможности обсуждается и оговаривается до момента возникновения охранительного правоотношения) редко находят поддержку в судебной практике. Сложившийся подход, как представляется, нельзя поддержать, поскольку это противоречит базовым принципам гражданского права².

Перейдем к обоснованию выделения еще одной группы отказов. Для этого обратимся к положениям ГК РФ и акцентируем внимание на различия в юридической технике при формулировании норм, направленных на регулирование отношений в сфере отказов. В одних ситуациях нормы гражданского законодательства прямо разрешают отказ, в том числе достаточно подробно рас-

¹ Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ №13903/10; Определение коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 01.12.2015 № 305-ЭС15-9906

² См: Суслов А.А. Особенности отказа от отдельных видов субъективных прав // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2017. № 3.

писывают его процедуру. Примерами использования такой юридической техники являются положения ст. 226 ГК РФ, в соответствии с которой фиксируется возможность и порядок отказа от движимых вещей, положения ст. 236 и 225 ГК РФ, в которых расписывается процедура отказа от права собственности на недвижимые вещи или ст. 450.1 ГК РФ, посвященная отказу от договора.

В других же нормах гражданского законодательства можно обнаружить закрепление очевидного отрицательного, негативного отношения к возможности совершения отказа. Это выражается, как правило, в виде установления положений о ничтожности самого отказа или соглашений, в которых подобный отказ установлен.

Третья группа отказов с анализируемых позиций представлена примерами использования законодательной техники, в соответствии с которой указывается на недопустимость отказа, однако, не предусматриваются последствия его совершения. Иллюстрацией такого вида отказа является ст. 310 ГК РФ, в которой лишь сформулировано правило о недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства. Недопустимость отказа может быть установлена и односторонним волеизъявлением. Так, отказаться от обещания вправе лицо, объявившее публично о выплате награды, если только из объявления прямо не следует или не вытекает, что это недопустимо (ст. 1056 ГК РФ). Примеров недопустимых, по мнению законодателя, отказов, сопровождающихся их ничтожностью значительно больше: ст.ст. 22, 188, 334, 592, 1228 ГК РФ и многие другие. Более подробно проблема ничтожности отказов будет рассмотрена позднее (§ 1 гл. 3 диссертационного исследования), однако применительно к вопросу о классификации, предлагаем в зависимости от позиции закона (законодателя) выделить следующие группы отказов: разрешенный (правомерный) и запрещенный (неправомерный) отказ.

Прямо разрешенный гражданским законодательством отказ, безусловно, порождает наступление тех правовых последствий, которые предусмотрены нормами права и участниками гражданских правоотношений. Изучение и ана-

лиз правомерных отказов имеет доктринальное и практическое значение исключительно в русле совершенствования его процедуры, выявления новых видов разрешенных отказов, выяснения вопроса о соотношении различных видов отказа.

Запрещенный отказ практически не подвергается исследованию в юридической литературе. Достаточно многочисленные случаи ничтожности отказов в гражданском праве и некоторые ошибочные трактовки, базирующиеся на неверном толковании правовых норм, привели, к сожалению, к выводам ученых о превалировании в российском правовом порядке «доктрины ничтожности отказов»¹. Суть ее очень проста: отказ от права ничтожен, если он прямо не разрешен законом. Как минимум, спорность данной позиции будет обоснована ниже.

Кроме того, не вызывает сомнений факт того, что прямо разрешенными и прямо запрещенными отказами все многообразие отказов не ограничивается. Это связано с тем, что в большинстве случаев законодатель не высказывает своего отношения к отказу и его последствиям: отсутствует и прямое дозволение на его совершение, и прямой запрет, подкрепленный негативными последствиями совершения такого отказа.

Забегая вперед, отметим, что вопрос о возможности совершения таких отказов не находит четкого разрешения в юридической литературе. Продолжает преобладать точка зрения, корреспондирующая «общей доктрине недопустимости отказов»²: если нет прямого разрешения на отказ, значит он не мо-

¹ «Однако прописать в договоре подобного рода гарантии в формальном плане довольно сложно (хотя бы потому, что многие позиции столь деликатного соглашения сильно бы напоминали пресловутый отказ от прав, который по нашей правовой доктрине ничтожен)» (См: Осипенко О.В. Акционерное общество. Корпоративные процедуры. Общее собрание акционеров и совет директоров. Книга 1. М.: Статут, 2009. СПС Консультант Плюс)

² Отметим, что, используя словосочетание «доктрина ничтожности или недопустимости отказов», мы помещаем его в кавычки, имея в виду то, что сформировавшаяся по этому вопросу судебная практика привела к ситуации преобладания среди ученых утверждений о легитимности отказов в российском правовом порядке только в случае, если законодатель прямо разрешил совершение отказа. Обоснование данной позиции в работах цивилистов отсутствуют, как и опровержение ее несостоятельности. Сам термин «доктрина ничтожности отказов» в этом смысле не является сформированной научной позицией и, тем более, самостоятельным научным учением. Данным термином объединены все высказывания ученых, сформулированных в рамках общей

жет быть совершен. В частности, следующее высказывание ученого сформулировано именно в русле данной доктрины: «Представляется, что с учетом действующего законодательства, в частности положений ст. 9 ГК РФ, допустим лишь отказ от осуществления принадлежащего лицу исключительного права на использование результата интеллектуальной деятельности. Такой отказ не влечет прекращения этого права (поскольку законом такое последствие отказа от осуществления исключительного права не предусмотрено - в положениях части четвертой Кодекса об исключительном праве отсутствует норма, аналогичная по своему содержанию норме ст. 226)»¹.

Предложив указанные группы отказов в гражданском праве, заметим, что наибольшую значимость для гражданского права имеет первая группа отказов по критерию направленности, которая в свою очередь, подразделяется на правомерные и неправомерные отказы. В таком аспекте отказы в гражданском праве никогда не подвергались научному анализу. В дальнейшем диссертационное исследование будет строиться по указанной логике – сначала будут проанализированы разрешенные отказы, направленные на правовые возможности, принадлежащие их обладателю в зависимости от объекта отказа, а затем исследованы вопросы запрещенных (неправомерных) отказов. Допускаем, что более детальный анализ указанных видов отказов приведет к их дальнейшему, более дробному, видовому делению.

идеи о том, что прямо неразрешенные отказы являются ничтожными. Сам термин использован в работе О.В. Осипенко.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69 – 71 / под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2014. СПС Консультант Плюс

ГЛАВА 2. ПРАВОМЕРНЫЙ ОТКАЗ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

§ 1. Отказ от субъективных гражданских прав

Одним из основных объектов отказа являются *субъективные права*. Именно правовое регулирование отказа от субъективных прав наиболее полно представлено в ГК РФ и исследовано в юридической литературе. Выше были проанализированы особенности отказов от отдельных видов субъективных прав. Вместе с тем требуется обращение к вопросу о соотношении таких видов отказа как отказ от субъективных прав и отказ от осуществления субъективных прав.

Проблема, связанная с категорией «осуществление прав», многогранна и глубоко исследована в юридической литературе как общетеоретической, так и цивилистической направленности. Считая излишним обращение к данным вопросам в рамках заявленной темы диссертационного исследования, отметим лишь несколько моментов, связанных с данным вопросом и представляющих интерес для дальнейших выводов.

Н.И. Матузов справедливо указывал, что субъективное право предоставляет управомоченному лицу возможность выбора определенного правомерного поведения с целью достижения желаемого результата (блага), т.е. «возможность потенциальную, лишь предоставленную, зафиксированную в законе»¹. Продолжить этот общепризнанный тезис можно выводом В.П. Грибанова: «соотношение между возможным поведением, составляющим содержание субъективного права, и поведением, составляющим содержание осуществления права, представляется в первую очередь как соотношение между потенциальной возможностью и действительностью»².

Важно при этом понимать, что осуществление права – это не только процесс динамики гражданских правоотношений, но и статики. Используя блага,

¹ Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 127-128.

² См.: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. С. 44-45.

принадлежащие на вещном праве, также происходит осуществление субъективного права. Такой тезис, как представляется, абсолютно справедливо, обосновывает Е.В. Вавилин¹.

Возвращаясь непосредственно к проблеме отказов от осуществления прав, укажем, что несколько лет назад исследователи справедливо обращали внимание на неоднозначность подходов судов к вопросу о разграничении таких категорий как отказ от права и отказ от осуществления права. Хотя, как представляется, ст. 9 ГК РФ никаких сомнений в необходимости их обособления не вызывает. В юридической литературе стран постсоветского пространства предлагались более жесткие подходы. Ю.Г. Басин, задавался следующим вопросом применительно к обсуждаемой теме: если при исполнении договора подряда одна сторона не стала требовать от должника неуплаченной части договорной цены, то что перед нами: отказ от осуществления права или отказ от права?² Итогом отсутствия ответа на данный вопрос было предложение о необходимости исключения из Гражданского кодекса Республики Казахстан³ статьи, идентичной по своему наименованию и содержанию ст. 9 ГК РФ.

Практическая значимость в разграничении отказа от права и отказа от осуществления права в отдельном обосновании не нуждается. Практически в каждой работе, где исследуется проблематика отказа, этот вопрос обязательно обсуждается. Вместе с тем, критерии разграничения данных видов отказа, предлагаемые в юридической литературе, требуют более детального изучения.

Одни ученые видят разницу между отказом от осуществления права и отказом от права в контексте теории юридических фактов. При этом отказ от

¹ Исследователь, в частности, пишет: «Общий вывод таков: осуществление субъективного гражданского права складывается из двух форм выражения, базовых составляющих, а именно: не только из процесса (динамики) - действия или совокупности действий, направленных на достижение заложенного в праве желаемого, необходимого для субъекта результата (реализации гражданского права лица в его узком значении), но и (условно) из состояния (статики) отношений (например, право собственности хозяйствующего субъекта, право авторства на произведения науки, литературы или искусств» // Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Волтерс Клувер, 2009. Доступ из СПС «Консультант Плюс»

² Басин Ю.Г. О необходимости концептуальных изменений в ГК РК // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика: Избранное / Под ред. А. Диденко. Алматы, 2008. Т. 2. С. 135-136. СПС Консультант Плюс

³ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года // <http://online.zakon.kz>

права, полагает автор, это односторонняя сделка, а отказ от осуществления права происходит на основе соглашения, по которому одна сторона обязуется воздерживаться от осуществления определенных прав в обмен на какое-либо встречное предоставление. Добавляется также аргумент о том, что отказ от права прекращает право окончательно, тогда как отказ от осуществления, как правило, ограничен во времени¹.

Другие исследователи обосновывают различие отказа от права и отказа от осуществления права по таким критериям как объект, механизм их совершения и наступающим последствиям². Однако далее никаких пояснений подобного рода критериям не приводится. Единственным уточнением является указание на то, что субъективное право может осуществляться путем бездействия и это не приведет к его прекращению, тогда как отказ от права влечет такое прекращение.

Также следует отметить выводы А.Г. Диденко о синонимичности понятий «отказ от осуществления права» и «неосуществление права» и предложении ученого не использовать термин «отказ от осуществления права» в нормах гражданского законодательства. Итогом рассуждений правоведа стало утверждение о том, что «понятие отказа может быть привязано только к праву, но не к его осуществлению»³.

Представляется, что возможно иное теоретическое обоснование обозначенного вопроса.

Сложно спорить с утверждением о том, что нельзя отказаться от права, не отказавшись от его осуществления⁴. Следовательно, неизбежным послед-

¹ Бойко Т.С. Указ. соч. СПС Консультант Плюс

² Суханова Ю. В. Указ. соч. С. 6, 24-27.

³ Диденко А.Г. Основные проблемы частного права. Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. 575 с.

⁴ Следует присоединиться к высказыванию, согласно которому «... способность к осуществлению – это характеристика и внутренняя черта самого субъективного права. ... как не существует субъективного права без обязанности, так и не существует права без его способности к реализации. Право только тогда есть право, когда оно осуществимо. Неосуществимых прав, прав, не способных к реализации и распоряжению, – нет

ствием отказа от права будет и отказ от его осуществления. Вместе с тем, принципиально уточнить используемую терминологию. Когда нормы гражданского права употребляют термин «права», то это не значит, что речь идет о понятии «субъективные права» в доктрине. Законодатель говорит об отказе не только применительно к праву «целиком», но, что более часто встречается, регулирует вопросы отказа от права и осуществления его отдельных «частей». Указанное дает основание утверждать, что термин «отказ от права» допустимо использовать применительно к отказу от всего субъективного права, тогда как в случае отказа от отдельных возможностей, включаемых в содержание субъективного права, речь идет об отказе от их осуществления.

Такой подход полностью корреспондирует с устоявшимися воззрениями в рамках цивилистических учений. Нельзя отказаться от отдельных правомочий в содержании субъективного права, поскольку это приведет к изменению структуры такого субъективного права (целого) и это уже будет не то субъективное право, которое возникло изначально. В то же время для признания допустимости отказа от осуществления отдельных правомочий, входящих в состав данного субъективного права, никаких препятствий не существует. Аналогичные рассуждения используют ученые в случае, когда обсуждается проблема передачи собственником отдельных правомочий по различным гражданско-правовым договорам (в частности, ссуды, аренды и т.д.). Так, Д.М. Генкин указывал, что в этом случае правомочия остаются в содержании права собственности, они из него не исключаются, а лишь отсутствует свобода в их реализации¹. Такая же аргументация допустима и к сфере отказа от возможности по осуществлению права (подчеркнем – правомочий) на основании положений договора или закона.

Указанное позволяет резюмировать, что в основе правильной интерпретации ст. 9 ГК РФ лежит разграничение таких понятий как субъективное право

(иначе это все что угодно, только не права)» (См.: Сулова С.И. Правовые формы жилищных отношений: дис. д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 248.)

¹ Генкин Д.М. Право собственности в СССР. М., 1961. С. 49.

и правомочие субъективного права. Если участник гражданского правоотношения отказывается от отдельных правомочий, то перед нами отказ от осуществления права; если же происходит отказ от всех правомочий, то следует вести речь об отказе от субъективного права в целом¹.

Далее следует более детально обсудить вопрос о способах отказа от осуществления отдельных правомочий. Одним из таких способов является заключение соглашения с третьими лицами, заинтересованными в том, чтобы отдельные правомочия не осуществлялись.

В российской юридической литературе, к сожалению, анализ данного вопроса смещен ни в сторону его содержательной характеристики, а сконцентрирован на преодолении «доктрины ничтожности отказа». В частности, Т. С. Бойко аргументирует допустимость данных соглашений и отсутствие в этом случае оснований для признания их не соответствующими нормам гражданского законодательства. Позиция правоведа полностью разделяется нами. В ее обоснование следует сослаться на п. 2 ст. 1 ГК РФ, согласно которому граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей. Нельзя не отметить и наличие прямо допускаемых ГК РФ ситуаций по возможности закрепления данных самоограничений². Ведь еще дореволюционные юристы отмечали возможность сужения собственных возможностей собственника путем заключения соглашений, указывая, что «... следует признать, что собственник имущества вправе отказываться и от других, установленных исключительно в его пользу, прав участия частного, дозволяя, напр., соседу пристройку печи к своей стене, обращение ската кровли в сторону своего двора и т.д. (76/260)»³.

¹ Уточним, что в случае отказа от осуществления даже всех правомочий на определенное время (например, отказ от взыскания неустойки на 3 месяца или отказ от осуществления всех правомочий собственника вещи на 1 год), безусловно, не могут квалифицироваться как отказы от права. Наличие временных рамок само по себе свидетельствует об этом.

² Речь идет, в первую очередь, о нормах, теперь нашедших прямое закрепление в ГК РФ о возможности ограничения прав при заключении корпоративных соглашений (ст. 67.2 ГК РФ)

³ Васильковский Е.В. Учебник гражданского права; науч. ред.: Ем В.С. М.: Статут, 2003. С. 172-173.

Следует признать, что дореволюционные юристы вообще не видели в этом никакой проблемы и категорично указывали: «Мы знаем, что гражданские субъективные права предоставлены членам государственного общежития в их собственных личных интересах; поэтому субъект гражданского права волен пользоваться или не пользоваться своим правом, смотря по желанию; он может и совсем отказаться от своего права»¹.

В настоящее время, практика заключения подобных соглашений значительна, однако, отношение к ним российских судов негативное. Суды не защищают интересы стороны, пострадавшей от невыполнения условий таких соглашений, как правило, признавая их недействительными на основании того, что они ограничивают правоспособность. Так, собственник взял на себя обязательство в рамках мирового соглашения, которое было утверждено судом, не осуществлять правомочия распоряжения помещением на определенный срок (не производить продажу дома до его сноса и получения жилой площади в связи со сносом), нарушил данное соглашение (продал домовладение) и вышние инстанции посчитали, что собственник «...в том числе при наличии мирового соглашения, не может быть лишен гарантированного Конституцией Российской Федерации права собственности и правомочий собственника по отчуждению своей доли в имуществе»².

Полагаем, что суды не провели разницу между понятием «отказа от права собственности» и «отказа от осуществления отдельных правомочий собственника». В первом случае это, действительно невозможно без волеизъявления собственника, а вот во втором случае такое вполне допустимо, поскольку собственник по собственному желанию сужает свои возможности по осуществлению отдельных правомочий.

¹ Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. По изданию 1911 г. // Allpravo.Ru 2003.

² О прекращении права пользования жилым помещением, выселении и снятии с регистрационного учета из жилого помещения : апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 16 июня 2015 г. по делу № 33-10050/2015 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

Кроме того, ссылки судов на ст. 22 ГК РФ свидетельствуют о смешении таких понятий, как отказ от правоспособности и отказ от осуществления субъективного права. О необходимости их разграничения давно говорится в научных исследованиях¹. Необходимо проводить разграничение между возможностями и их реализацией уже в рамках конкретных субъективных прав, принадлежащих субъектам, и теми гипотетическими (абстрактными) возможностями, которые заложены в содержании правоспособности.

В основе таких неверных выводов лежит настороженное отношение, в том числе и представителей цивилистической доктрины, к негативному обязательству. Так, в советской науке гражданского права ученые в основном не признавали самостоятельность обязательств с отрицательным содержанием². Следующим шагом стало распространение поддержки в допустимости их существования с одновременным указанием на сложности в понуждении к их исполнению. Легальное определение обязательства, сформулированное в ст. 307 ГК РФ, снимает все дискуссии на этот счет, поскольку в нем прямо закреплено, что содержанием обязательства является не только совершение кредитором активных действий, но и воздержание от совершения определенных действий. Заметим, что, разграничивая понятия отказ от права и отказ от осуществления права, нами разделяются те научные воззрения, согласно которым необходимо различать отказ от права и негативное обязательство³. С помощью закрепления негативного обязательства участник правоотношений принимает на себя обязанность не совершать определенных действий (отказывается их осуществлять), при этом сами правовые возможности остаются в содержании субъективного права.

¹Так, В.А. Хохлов справедливо утверждал, что обязанность не разглашать сведения об используемой партнером технологии не ведет к ограничению правоспособности, так как здесь лишь добровольно устанавливается порядок ведения дел. (См.: Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах : учеб. пособие. М. : Статут, 2015. СПС Консультант Плюс.)

²См. : Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 28; Агарков М.М. Обязательства по советскому гражданскому праву. Ч. 1. М., 2002. С. 28.

³Саркисян А.В., Новосельнов Д.А. Об отказе от права и его последствиях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 4. С. 93 – 131; Частное право и финансовый рынок: Сборник статей / отв. ред. М.Л. Башкатов. М.: Статут, 2011. Вып. 1. 367 с.

Затрудняет обоснование допустимости таких соглашений, как это не парадоксально, наличие закрепленных ГК РФ ситуаций, в которых заключение таких соглашений прямо разрешено применительно к отдельным частным случаям. Примером сказанного является ст. 67.2. ГК РФ, в которой зафиксированы положения о содержании корпоративного договора, в рамках которого сторона может принять на себя обязательство воздерживаться (отказаться) от осуществления принадлежащих им прав. До появления указанных норм, в юридической литературе отмечалось, что отсутствие таких прямых норм препятствовало появлению соответствующих положений в корпоративном договоре, поскольку стороны опасались за действительность подобных условий¹. Появление указанного правового регулирования, с одной стороны, исключило двоякое толкование данной ситуации и сняло риски, связанные с недействительностью указанных соглашений, которые были у участников. Однако, с другой стороны, наличие таких отдельных примеров, допускающих включение в соглашения условий, направленных на ограничение существующих правомочий, могут быть интерпретированы таким образом, что в остальных случаях установление самоограничений не допускается.

Представляется, что наличие прямо поименованных в законе случаев разрешенных отказов от осуществления субъективных прав, не должно являться основанием для отрицания возможности заключения указанных соглашений в иных ситуациях, поскольку право на заключение данных договоров вытекает из общих принципов гражданско-правового регулирования.

¹ «допустимость существования соглашений с такими условиями до нормативной институционализации такой модели вызывала у участников определенные сомнения в связи с риском признания таких договоров ничтожными» (См.: Плеханов В. Договоры участников общества с ограниченной ответственностью // Корпоративный юрист. 2009. № 6. С. 53-57.)

С позиции характеристики такого соглашения в качестве возмездного или безвозмездного, не согласимся с утверждением Т. С. Бойко о том, что отказ от осуществления возможен исключительно в обмен на какое-либо встречное предоставление другой стороны. Такой тезис применим исключительно в предпринимательских отношениях, в которых отказ от осуществления правомочий вряд ли будет безвозмездным. Однако применительно к отношениям с участием граждан это вполне допустимо. В любом случае, при характеристике данного соглашения с точки зрения возмездности/безвозмездности необходимо исходить из общей презумпции, установленной в ст. 423 ГК РФ о возмездности гражданско-правовых договоров. В качестве примера существования на практике безвозмездных соглашений об отказе от осуществления отдельных правомочий можно привести судебный спор, в котором было заключено соглашение об определении порядка пользования имуществом, находящимся в долевой собственности, в рамках которого сособственник отказался от возможности пользоваться вещью, сохраняя лишь правомочие распоряжения¹.

Возвращаясь к способам отказа от осуществления права, полагаем, что к ним можно отнести ситуации неосуществления отдельных правомочий по собственному усмотрению. Субъект может не осуществлять отдельные правомочия по собственному усмотрению, что базируется на принципах свободы и автономии воли участников частных отношений. Как справедливо отмечал М.М. Агарков, «...в тех случаях, когда закон предоставляет субъекту воспользоваться правом, неиспользование права также будет его осуществлением»². Аналогичная позиция высказывается и в работах современных исследователей³.

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Иркутска. Дело № 2-775/2011.

² Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Вестник АН СССР. 1946. № 6. С. 425.

³ «Осуществление может выражаться как в использовании, так и в неиспользовании своего права...» (см. : Дерюгина Т.В. Принципы осуществления гражданских прав : монография. М. : Книгодел, 2010. С. 58).

Однако нельзя забывать о ст. 9 ГК РФ, в которой сформулировано правило о том, что в случаях, установленных законом, отказ от осуществления права будет свидетельствовать об отказе от данных прав. При этом в указанном аспекте в нормах права можно найти примеры того, что не только отказ от осуществления всего субъективного права, но и отдельных его правомочий, может быть расценен как основание для признания факта отказа от субъективного права. Наиболее наглядные примеры можно привести из анализа норм жилищного законодательства. В ЖК РФ закреплены нормы о специализированном жилищном фонде для беженцев. В детализацию данных норм принято Постановление Правительства¹, в соответствии с которым закреплено, что в случае, если беженец без уважительных причин отсутствует (не использует предоставленное жилое помещение) свыше 6 месяцев, то на основании решения комиссии договор найма с ним расторгается досрочно².

Применительно к другим субъективным правам на жилое помещение, российское законодательство пока не решается закрепить аналогичное правило, хотя в юридической литературе неоднократно это предлагалось. Так, еще в 2003 году применительно к праву собственности на жилое помещение Е. В. Богданов предлагал ужесточить законодательство в отношении лиц, не использующих свое жилище и допустить изъятие такой собственности³.

В законодательстве стран постсоветского пространства подобные правила применяются более активно, чем в России. Так, А. Г. Диденко приводит примеры отрицательных последствий (прекращение прав) для нанимателей в

¹ Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 275 «О фонде жилья для временного поселения лиц, признанных беженцами, и его использовании» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 16. Ст. 1604.

² Следует заметить, что аналогичное основание для досрочного расторжения договора существовало в Постановлении Правительства РФ от 8 ноября 2000 г. № 845 «Об утверждении Положения о жилищном обустройстве вынужденных переселенцев в Российской Федерации», однако было исключено в новом документе, принятом в замен отмененного. Речь идет о Постановлении Правительства РФ от 15.11.2016 № 1194 «О предоставлении вынужденным переселенцам и членам их семей жилых помещений фонда для временного поселения вынужденных переселенцев» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 47. Ст. 6670

³ Так, правовед указал, что «если в течение определенного срока жилище будет пустовать, то Исполком местных Советов должен получить право после соответствующего предупреждения обратиться в суд с иском об изъятии неиспользованного жилища с выплатой денежной компенсации в размере инвентаризационной стоимости жилья» (см.: Богданов Е.В. Правовые проблемы удовлетворения жилищных потребностей граждан в условиях перехода к рынку : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1993. С. 22.)

частном и государственном жилищных фондах, неиспользующих жилое помещение в течение шести месяцев в Республике Казахстан¹.

Бездействие субъекта не дает возможности выявить его волю на осуществление права или отказа от его осуществления. Другими словами, когда субъект не осуществляет лишь отдельные правомочия, то по реализации других возможностей или исполнения обязанностей можно понять, что в целом право осуществляется (не живет сам, но вселяет в жилое помещение иных лиц; не использует гараж, но оплачивает обязательные платежи и т.д.). В ситуации, когда ни одно из правомочий обладателя права не осуществляется, а закон не содержит оснований для прекращения такого субъективного права, возникает неопределенность для участников гражданских правоотношений. В этой связи, возможно было бы согласиться с позицией Ю. В. Сухановой об установлении предельных сроков для неосуществления права в целях удовлетворения публичных интересов и интересов отдельных лиц. Другое дело, что высказанное предложение автора не является конкретизированным ни применительно к субъективным правам, в отношении которых дереликция возможна², ни в отношении сроков неосуществления права, ни в отношении вида «оставленного» объекта.

При этом наблюдаются некоторые противоречия, связанные с характеристикой природы подобных сроков. Ю.В. Суханова связывает состояние дереликции с наступлением преклюзивных (пресекательных) сроков. Автором приводятся примеры неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения: «... в действующем законодательстве существуют в некоторых случаях указания на погашающее субъективное гражданское право действие времени»³.

¹ Диденко А.Г. Указ. соч. СПС Консультант Плюс

² по содержанию диссертационного исследования можно предположить, что речь идет исключительно о вещных правах, хотя положение седьмое, выносимое на защиту, носит общий характер.

³ Суханова Ю.В. Указ соч. С. 108.

С пресекательными сроками связывает свои рассуждения и А. Г. Диденко, когда отмечает, что неосуществление права часто связано с истечением пресекательных сроков. Далее автор указывает на их отличие от сроков существования права: цель пресекательных – погасить определенные права; цель сроков существования – определить период времени, в течение которого сохраняются субъективные права (факт осуществления или неосуществления прав в рамках этого периода времени не влияет на существование права)¹.

Вместе с тем и пресекательные сроки и сроки существования права являются разновидностью сроков осуществления гражданских прав², а пресекательные сроки, в свою очередь, устанавливают пределы существования гражданских прав. Тогда закономерным выглядит следующий вопрос: срок неосуществления (неиспользования) права, установленный в законодательстве – это срок осуществления гражданских прав или срок их существования?

Двойственная природа пресекательных сроков, как представляется, лежит на поверхности. Такие сроки не только выполняют роль сроков осуществления гражданских прав, которые являются условиями допустимости (законности) совершения определенных действий³, но и являются сроками существования гражданских прав, истечение которых влечет правопрекращающее последствие. Пример с пресекательными сроками наглядно демонстрирует внутренние противоречия и непоследовательность классификаций сроков, применяемых в цивилистической доктрине. Коль скоро срок существования права (вид) относят к сроку осуществления права (род), то это должно означать, что любой срок существования права должен быть одновременно наде-

¹ Диденко А.Г. Указ, соч. СПС Консультант Плюс

² Такая точка зрения является общепризнанной и изложена в любом учебнике по гражданскому праву. См., например, Гражданское право: в 2 т. Том. 1: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство БЕК, 2000. С. 466.

³ Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 2. Лица, блага, факты. С. 1004.

лен некими общими признаками со сроком осуществления права, хотя, очевидно, что эти виды сроков должны находиться в разных классификационных группах¹.

Делая вывод в отношении сроков неосуществления права, которые могут приводить к прекращению его существования, выразим несогласие с необходимостью их безусловного распространения в частном праве. Конечно, баланс частных и публичных интересов должен соблюдаться, а неопределенность в праве желательно устранять. Однако, подобными многочисленными исключениями и принуждением к осуществлению субъективного права нарушается один из базовых принципов гражданского права. Если неосуществление права наносит участникам гражданских правоотношений или публичным интересам какой-то вред, то не нужно для этого изобретать многочисленные пресекательные сроки, которые должны постоянно отличаться в зависимости от субъективного права, вида объекта и т.п. Думается, что подобное неосуществление права, причиняющее вред публичным интересам или отдельным лицам вполне может рассматриваться через призму злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Последствием такого злоупотребления является возможность требовать возмещения причиненных этим убытков. Кроме того, никто не отменял нормы о понуждении к исполнению обязанности содержать вещь, поскольку, как правило, при бездействии собственника (или обладателя иного субъективного права) объект становится непригодным, что и доставляет неудобства иным участникам гражданских правоотношений и способно причинить вред².

Кроме того, в судебной практике наметилась тенденция к тому, чтобы неосуществление права считать добровольным отказом от данного права. Для примера можно привести Определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2016

¹ Подобные разные критерии классификации сроков предлагает, в частности, В.А. Белов. Гражданское право. Общая часть. Т 2. Лица, блага, факты. М. : Издательство Юрайт, 2011. С. 1004-1005.

² См, например, решение Некрасовского районного суда Ярославской области по делу № 2-265/12 от 27 июля 2012 года об обязанности надлежащим образом содержать жилое помещение путем постоянного отапливания своей квартиры в осенне-зимней период времени года // Росправосудие.

г. № 35-ГК16-14, в котором суд изменяет устоявшуюся практику о сохранении права члена семьи собственника на проживание в жилом помещении при смене собственника в том случае, если он участвовал в приватизации, но отказался от своей доли. Известно, что правоприменение давно определилось с тем, что такие члены семьи не прекращают права проживания. Однако вопрос о том, как поступать в том случае, если члены семьи начинают предъявлять свои претензии к новым собственникам через 5-10 лет после приватизации; или если такие члены семьи давно выехали из жилого помещения и не претендовали ранее на проживание. Впервые с 2005 года Верховный Суд РФ указал, что «сам по себе факт наличия у ответчика права пользования жилым помещением на момент его приватизации *при последующем его добровольном отказе* (выделено мною – А.С.) от этого права не может служить безусловным основанием для вывода о сохранении за ним права пользования жилым помещением бессрочно»¹. При этом наличие такого добровольного отказа подтверждается лишь фактом добровольного выезда из жилого помещения и неоплатой обязательных платежей (т.е. неосуществлением права).

К третьему способу отказа от осуществления права можно относить случаи, в которых реализация отдельных правомочий передается третьим лицам на основании гражданско-правовых договоров, например, аренды, найма или ссуды. Данный аспект отказа подробно исследуются учеными применительно к характеристике отдельных гражданско-правовых договоров и не требует отдельного рассмотрения в рамках данной работы.

Сформулируем основные выводы по итогам исследования проблемы соотношения отказов от субъективных прав и отказов от осуществления субъективных прав:

- предложен критерий разграничения отказов от осуществления права и отказов от права (если происходит отказ от всех правомочий – это отказ от

¹ Определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2016 г. № 35-ГК16-14 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».

права, если происходит отказ от отдельных правомочий – это отказ от осуществления права);

- обоснована необходимость разграничения понятий отказ от права и неосуществление права. Предложено отказаться от попыток законодательного установления сроков неосуществления права, которые могут приводить к прекращению его существования, поскольку это противоречит основным началам гражданского законодательства;

- приведены аргументы в пользу допустимости соглашений, в рамках которых участник гражданских правоотношений принимает на себя обязательства по отказу от осуществления субъективных прав не только в случаях, когда закон прямо разрешает их заключение.

§ 2. Отказ от гражданской правоспособности и дееспособности

Ученые, исследующие вопросы гражданской правоспособности и дееспособности, как правило, лишь цитируют общеизвестное положение ст. 22 ГК РФ в части недопустимости отказа от них и признания таких действий ничтожными сделками без дальнейшей его оценки.

Однако, такой запрет не является, во-первых, безусловным, поскольку в случаях, установленных законом, отказ от правоспособности и дееспособности граждан допускается. Кроме того, во-вторых, правоспособность и дееспособность – это правовые явления, которые применимы не только в отношении граждан, как субъектов гражданского права. В нормах гражданского законодательства отсутствуют запреты на отказ от правоспособности и дееспособности юридических лиц. Указанное свидетельствует о том, что требуется более детальный анализ проблематики отказа от правоспособности и дееспособности, который позволит определить признаки, особенности и сферы применения данного вида отказа и восполнит пробелы в данном вопросе, имеющиеся в науке гражданского права.

Отказ от правоспособности следует признать действиями, которые направлены на самоограничение субъекта гражданского права и в этом контексте такая характеристика совпадает с характеристикой отказа от осуществления субъективных прав. В силу определенных причин субъект гражданского права желает отказаться от правовых способностей, предоставленных ему законом, если закон ему это разрешает¹. Негативное отношение к подобной возможности базируется на аксиоматичном и не подвергающимся сомнению постулате о том, что наделение всех без исключения физических лиц правоспособностью, а значит и статусом субъекта гражданских правоотношений, является достоянием поэтапного и культурного развития человечества².

В юридической литературе, рассуждения ученых о возможном отказе от правоспособности сведены к утверждениям о придании категории правоспособности статуса объективного юридического закона наравне с законами физическими³. Не оспаривая тезиса о том, что без наделения лица правоспособностью, не существует и субъекта гражданского права, согласимся с тем, что отказаться от всех способностей, включаемых в ее содержание, невозможно и это, действительно, приведет к тем последствиям, о которых пишет исследователь. Именно поэтому разделяем вывод Е.Г. Бельковой о том, что правоспособность обладает свойствами неотъемлемости, непередаваемости, неотчуждаемости и гражданин «может не реализовывать предоставленной законом возможности, но не отказаться от этого права»⁴.

¹ Суслов А.А. Отказ от правоспособности в гражданском праве России // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2017. № 1.

² В.А. Белов, как представляется, с определенной долей справедливой иронии отмечает: «...описав несколькими красочными штрихами ужасы варварской рабовладельческой и феодальной общественной жизни, авторы противопоставляют им современный statusregum» как пример высокообразованной и нравственной цивилизации». (См.: Белов В.А. Гражданское право. Том II. Лица, блага, факты. С. 47)

³ Правоспособность – это не та юридическая конструкция, от которой можно отказаться, передать, совершить в отношении ее сделку, модифицировать или приспособить под складывающиеся жизненные обстоятельства. В противном случае мы должны будем прийти к единственному выводу, что отказ от правоспособности или ее ограничение – это прямая потеря человеком качества субъекта гражданского права, потеря им черты юридической личности, наступление так называемой гражданской смерти. Потеря (ограничение) правоспособности – это превращение человека в бесправное существо, раба, объект оборота (товар), человека «вне закона». См.: Мыскин А.В. Два очерка из области цивилистики. М.: Статут, 2015. СПС Консультант Плюс

⁴ Белькова Е.Г. Понятие и сущность правоспособности // Известия БГУ. 2006. № 5. С. 56.

Однако, разделение понятий отказ от прав и отказ от осуществления права, вполне может быть применен и к правоспособности, что дает основание для выделения таких понятий как отказ от правоспособности и отказ от ее реализации. Недопустимость отказа от правоспособности основана на необходимости защиты «граждан от неправомерных или мошеннических действий иных лиц, которые могут принуждать граждан каким-либо образом ограничивать себя в правоспособности...»¹. Однако, как представляется, отказ от реализации отдельных способностей в составе правоспособности вполне возможен, если это разрешено законом.

Другое дело, что проиллюстрировать примерами законодательно разрешенные ситуации отказа от правоспособности не получается. Обратимся к незначительным исследованиям цивилистов по данному вопросу.

Так, в ст. 1007 ГК РФ закреплено правило, в соответствие с которым агентским договором может быть предусмотрено обязательство принципала не заключать аналогичных агентских договоров с другими агентами, действующими на определенной в договоре территории, либо воздерживаться от осуществления на этой территории самостоятельной деятельности, аналогичной деятельности, составляющей предмет агентского договора. Так же учеными приводится ссылка на ст. 67.2. ГК РФ об акционерном соглашении. Общераспространенным является и обращение к позиции Президиума ВАС РФ в отношении квалификации действий заемщика в кредитном договоре, взявшего на себя, в том числе, обязанности отказаться от заключения договоров поручительства, по которым он выступал бы поручителем по обязательствам третьих лиц².

¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) (Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н., Гришина Я.С., Закиров Р.Ю., Кожевников О.А., Копьев А.В., Кухаренко Т.А., Морозов А.П., Морозов С.Ю., Серебренников М.М., Шадрин Е.Г., Юдина А.Б.). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2014.

² а также не предоставлять свое имущество в залог как по своим обязательствам, так и по обязательствам третьих лиц. Суд не посчитал это отказом от правоспособности, отметив, что «при этом действия, которые обязался не совершать заемщик, в достаточной степени конкретизированы, а обязанность не совершать их - ограничена временными рамками. Кроме того, принятие заемщиком на себя такого рода обязанностей было связано с получением им имущественного блага - кредита, причем без предоставления какого-либо обеспече-

Данные ситуации во многом похожи: речь идет о заключении договора, в рамках которого субъект отказывается от определенных возможностей, которые выражаются в отказе от заключения определенных договоров или совершения конкретных действий, которые есть у иных участников аналогичных правоотношений.

Обратим внимание, что ст. 1007 ГК РФ наиболее часто цитируется учеными в качестве примера добровольного ограничения правоспособности, допускаемого законом. В частности, в монографии под редакцией А.В. Габова, О.В. Гутникова, С.А. Сеницына прямо указывается, что «примером добровольного ограничения правоспособности является условие агентского договора, согласно которому юридическое лицо - агент обязалось не заключать с другими принципалами аналогичных агентских договоров, которые должны исполняться на территории, полностью или частично совпадающей с территорией, указанной в договоре»¹. При этом появление указанных норм в российском правовом порядке, является отображением общей тенденции общемировой практики, в соответствии с которой «Договоры международного экономического посредничества предполагают включение в них ограничительных оговорок, касающихся договорной территории, условий о неконкуренции и т.п., которые в целом способствуют эффективности осуществления деятельности экономического посредника на закрепленной за ним территории и взаимовыгодных отношений с экономическим принципалом»². Другими словами, допустимость установления подобных ограничений продиктована исключительно экономическими соображениями и направлена на защиту интересов обеих сторон договора при необходимости соблюдения общих требований антимонопольного законодательства.

ния»: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре // СПС Консультант Плюс

¹ Юридические лица в российском гражданском праве. Том 1. Общие положения о юридических лицах: монография / Ответственные редакторы А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын // СПС «Консультант Плюс»

² Стригунова Д.П. Перспективы унификации нормативного регулирования договоров международного экономического посредничества в Евразийском экономическом союзе: монография // СПС «Консультант Плюс»

Также в качестве ситуаций ограничения правоспособности лица в юридической литературе приводятся примеры из гражданского права (безотзывная доверенность¹, завещание под условием²), из семейного права (отказ суррогатной матери от права на прерывание беременности, на ведение ею половой жизни, употребление спиртных напитков, курение, а также употребление в пищу некоторых продуктов питания и т.п.³). Примеры недопустимых отказов от правоспособности называются и специалистами в области трудового права. Так, признаются недействительными такие основания для увольнения, которые связаны с дискриминирующими ту или иную сторону обстоятельствами общегражданского характера. В качестве примеров приводится недопустимость связывания сохранения трудового правоотношения с членством в определенной партии, общественной организации (или отказом от такого членства), ограничением избирательных прав⁴.

Обратимся к наиболее часто приводимым примерам отказа от правоспособности. Следует четко разграничивать две правовые ситуации. В одних случаях субъективные права уже возникли и субъект отказывается от осуществления отдельных правомочий (пример с акционерным соглашением). В других речь идет о принятии на себя обязанности «что-то не делать», бездействовать (не заключать конкретных договоров, не совершать определенных фактических действий). Такие действия, как правило, направлены на обеспечение исполнения основного обязательства перед кредитором. При этом содержание таких негативных обязанностей в

¹ Харитонов Ю.С. Безотзывная доверенность в предпринимательской деятельности // Юрист. 2014. № 20. С. 42-46.

² Так, например, Т.П. Великоклад со ссылкой на ст. 22 ГК РФ полагает, что «указание в завещании условий, которые могут повлечь ограничения прав и свобод граждан, , таких, как необходимость для наследника по завещанию заключить или расторгнуть брак, поступить в институт, получить имущество по прошествии нескольких лет после смерти наследодателя, трудоустроиться и т.п., недопустимо» // Великоклад Т.П. Правомочия завещателя на включение условий в завещание // Наследственное право. 2013. № 2. С. 16-20.

³ Чашкова С.Ю. Свобода формирования условий договора о суррогатном материнстве как нетипичной договорной конструкции // Законы России: опыт, анализ, практика 2016. № 2. С. 58-64.

⁴ Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е издание, пересмотренное / под ред. А.М. Куренного, С.П. Маврина, В.А. Сафонова, Е.Б. Хохлова. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. СПС Консультант Плюс

достаточной степени конкретизировано: не происходит отказа от возможности заключения всех возможных договоров. В противном случае такие условия должны расцениваться как отказ от базового элемента правоспособности, в содержание которой, согласно ст. 18 ГК РФ, входит совершение любых не противоречащих закону сделок и участие в обязательствах. Вместе с тем, отказ от заключения отдельных видов договоров, на определенный срок, связанный со сроком действия этого договора, уже не является отказом от абстрактных возможностей, принадлежащих всем и каждому¹.

К сожалению, отсутствие доктринальных исследований по вопросу о разграничении отказа от правоспособности и отказа от осуществления субъективного права приводит к формированию противоречивой судебной практики. Выше был приведен пример того, как суд признал отказом от правоспособности положение утвержденного другим судом мирового соглашения, по условиям которого собственник взял на себя обязательства не осуществлять правомочие распоряжения своей собственностью в течение определенного времени².

Аналогичные аргументы использовали судебные инстанции и в ситуации, когда наследник квартиры взял на себя обязательство перед отказополучателем, проживающим в данном помещении, не вселять никого в квартиру без согласия последнего и нарушил его через несколько лет (вселил членов семьи). Суды проигнорировали наличие соглашения, сославшись на то, что право собственника жилого помещения на вселение в него членов своей

¹ Применительно к случаю, ставшему предметом рассмотрения Президиума ВАС, нельзя не добавить, что речь шла об индивидуальном предпринимателе, к чьей деятельности применяются правила ГК РФ, которые регулируют деятельность юридических лиц. Ст. 49 ГК РФ ни слова не говорит о невозможности отказа юридического лица от своей правосубъектности (правоспособности и дееспособности), а лишь указывает, что юридическое лицо может быть ограничено в правах лишь в случаях и в порядке, предусмотренных законом. Но ограничение прав и отказ от правоспособности или ее элементов – это две самостоятельные правовые категории.

² Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 16.06.2015 по делу № 33-10050/2015 «О прекращении права пользования жилым помещением, выселении и снятии с регистрационного учета из жилого помещения» (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

семьи предусмотрено ст. 30 ЖК РФ и не ограничивает права отказополучателя пользоваться этим же жилым помещением по завещательному отказу¹.

Смещение данных понятий можно иллюстрировать судебными решениями и дальше, поскольку они не являются единичными. Например, в споре об использовании банковской карты суд одно и то же действие квалифицировал и как отказ от правоспособности, и как отказ от субъективных прав, что не представляется допустимым².

Приведенные примеры и высказанные аргументы дают основание для следующих выводов.

В случаях наличия гражданского правоотношения (неважно, вещного или обязательственного), нельзя вести речь об отказе от правоспособности, поскольку она уже была реализована на момент возникновения данного правоотношения. Соответственно, в этом случае существует лишь одна возможная квалификация объекта отказа – им является отказ от осуществления права.

Бесспорен данный тезис в том случае, если суд констатировал возникновение субъективного права, а его обладатель принимает решение ограничить осуществление своих отдельных правомочий путем отказа от них. Квалификация таких действий как отказ от правоспособности является неправильной. Иначе можно говорить о том, что передача вещи в пользование третьим лицам по договору тоже является отказом от правоспособности, поскольку собственник за плату или даже безвозмездно отказывается от отдельных возможностей, включаемых в содержание его субъективного права.

¹ Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Хабаровского краевого суда по делу № 33-8930. от 12 марта 2012 года. URL: <http://rospravosudie.com/court-xabarovskij-kraevoj-sud-xabarovskij-kraj-s/act-103855069/>

² В договоры с использованием банковской карты на должника была возложена обязанность по отказу от осуществления операций, связанных с предпринимательской деятельностью. Мотивируя решение о недопустимости такого отказа, суд одновременно сослался на две статьи ГК РФ – ст. 22 и ст. 858, сделав вывод о том, что данное условие ограничивает правоспособность потребителя и его право на распоряжение денежными средствами (Постановление ФАС Северо-Западного округа от 30.08.2011 г. по делу № А66-8547/2010 (документ опубликован не был) // СПС КонсультантПлюс.)

Схожие аргументы должны использоваться и в том случае, если речь идет о договорах, в условиях которых содержится обязанность не заключать иных договоров или совершать какие-то определенные действия. Однако следует обратить внимание на наличие в данном случае некоторой доктринальной проблемы. Суть ее заключается в том, что вопрос о принятии на себя обязанности по отказу решается в момент согласования условий договора, соответственно, отсутствуют субъективные права, поскольку правоотношение еще не возникло. Соответственно, квалифицировать отказ в данном случае как отказ от осуществления субъективных прав нет достаточных оснований – нельзя осуществить то, чего еще не возникло.

Вместе с тем, при оценке данной ситуации возможны и иные аргументы. Ведь, способность к определению условий конкретного соглашения, со строго определенным контрагентом в целях установления содержания конкретного договорного обязательства уже лишается абстрактности как основного признака правоспособности. Участник будущего правоотношения, реализуя предоставленную законом правоспособность, уже наделяется комплексом персональных правовых возможностей, которые не могут расцениваться, как принадлежащие всем и каждому. М.М. Агарков предложил называть такую ситуацию состоянием динамической правоспособности¹. Именно элементы динамической, а не статической правоспособности ограничиваются в данном случае путем отказа от них². Нельзя не отметить, что на наличие и допустимость данных отказов обращали внимание и дореволюционные исследователи³. В частности, Д.И. Мейером указывалось, что «встречается иногда такой прием: для обеспечения верителя в счет совершения действия, составляющего предмет договора, должник тем же самым договором

¹Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Ученые труды ВИЮН. Вып. 3. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с.; Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Том II. С. 58-60.

²Примером таких ситуаций можно считать и отказы от переговоров по заключению договора (См., более подробно, например, Адельшин Р.Н., Сорокина Ю. А. Переговоры о заключении договора и отказ от права // Хозяйство и право. 2018. № 11 (502). С. 103-108.

³Суслов А.А. Отказ от правоспособности в гражданском праве России // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2017. № 1.

обязывается воздерживаться от других действий, которые могут быть несовместимыми с действиями – предметом права верителя. Например, А заключает договор займа и в обеспечение своего верителя одновременно обязывается не заключать других займов»¹.

В свете сказанного, полагаем, что судебная практика должна сформировать позитивный подход к возможности принятия участником гражданских правоотношений обязательств не заключать определенные договоры. Усиливается данная убежденность в связи с тем, что принятие таких обязательств, как правило, сопровождается предоставлением данному лицу определенных выгод и преференций, а для кредитора выступает гарантией исполнения обязательства. Уместно в этой связи процитировать Е. А. Флейшиц, которая справедливо отметила, что под недопустимым ограничением правоспособности согласно ст. 22 ГК РФ следует понимать такие ограничения гражданской правоспособности, которые выходят за пределы обычных в обороте сделок этого рода и не временно суживают пользование тем или иным элементом правоспособности, а подрывают такой элемент в целом².

Однако, данная дискуссия имеет еще один, практически значимый аспект. Заключение договоров, в которых содержится условие о самоограничении, затрагивает не только интересы самих сторон договора, но и третьих лиц, с которыми впоследствии, в нарушение договоренностей, будут заключены данные договоры. У контрагента, заключившего договор с дееспособным гражданином, не возникает сомнений в том, что способность на заключение договора у него присутствует, поскольку он основывается на императивном положении гражданского законодательства о недопустимости отказа от правоспособности и незыблемости ее содержания, за исключением случаев прямого законодательного дозволения. Соответственно, ст. 22 ГК РФ

¹ Мейер Д.И. Русское гражданское право. в 2 ч. Ч. 2. По испр. и доп. 8 изд. 1902. М.: Статут, 1997. С. 181.

² Флейшиц Е.А. Торгово-промышленное предприятие в праве западноевропейском и РСФСР // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 151-224.

в части запрета отказа от правоспособности не только преследует цель защиты субъекта, но и третьего лица, у которого нет оснований усомниться в действительности заключаемого договора.

Соответственно, вопрос о легитимности соглашений, заключенных с нарушением установленных иным договором требований о самоограничении, не вызывает никаких сложностей для ответа на него. Судебная практика, сформировавшаяся, в частности, в отношении применения принципа эстоппель (п. 3 ст. 432 ГК РФ), позволяет безапелляционно утверждать, что такие договоры действительны. Самоограничения, установленные стороной договора в отношении недопустимости совершения собственных действий, применимы только в отношении участников данного относительного правоотношения. Сторона, которая не исполнила принятые на себя обязанности по отказу от заключения конкретных соглашений, будет нести ответственность перед своим контрагентом в рамках соответствующих договорных обязательств. Такое нарушение может влечь негативные последствия в виде возможности для досрочного одностороннего расторжения договора или взыскания неустойки¹. В этом смысле мы разделяем вторую часть утверждения А.Г. Карапетова о том, что «большинство ограничительных ковенантов следует, соответственно, рассматривать не как основания для лишения должника каких-либо прав или блокирования возможности по их использованию, а как его обязательства эти права не осуществлять под страхом применения мер ответственности и иных универсальных и предусмотренных в договоре последствий его нарушения»². Данные доктринальные положения начали получать свое подтверждение и в судебной практике: положения указанной нормы ГК РФ (ст. 9) устанавливают, что (по общему правилу) даже если в соответствии с условиями заключенного

¹ Суслов А.А. Отказ от правоспособности в гражданском праве России // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2017. № 1.

² Частное право и финансовый рынок: Сборник статей / отв. ред. М.Л. Башкатов. М.: Статут, 2011. Вып. 1. // Консультант Плюс

договора сторона обязалась воздерживаться от совершения определенных действий, то она в принципе не может быть лишена права на совершение соответствующих действий. Однако положения пункта 2 статьи 9 ГК РФ не означают, что совершение соответствующих действий не может быть квалифицировано как правонарушение в отношениях между лицом, обязавшимся воздерживаться от совершения действий, и его контрагентом¹.

Таким образом, у судов нет оснований для признания таких договоров (договоров, заключенных вопреки принятому на себя обязательству отказаться от их заключения) ничтожными. Однако и игнорировать противоправный характер действий должника в данном случае будет неправильным. Таким образом, следует рекомендовать стороне, пострадавшей от действий такого должника не подавать иски о недействительности договоров (которые не будут удовлетворены), а привлекать к ответственности должника за нарушение установленных в договоре обязанностей. А поскольку специальные негативные последствия неисполнения обязанности по воздержанию от определенных действий в нормах гражданского законодательства отсутствуют, то требуется их фиксация в тексте заключаемого договора. Следует обратить внимание, что в судебной практике в части применения ст. 1007 ГК РФ уже давно было указано, что даже в случае прямого законодательного закрепления возможности отказа от реализации правоспособности², «неисполнение принципалом указанных ограничений влечет ответственность, но только в том случае, когда соответствующая форма ответственности прямо предусмотрена и детально урегулирована агентским договором³.

Одновременно с этим, обратим внимание, что суды, правомерно отказывая в удовлетворении исков о признании недействительными

¹ Решение МКАС при ТПП РФ от 01.08.2017 по делу N 244/2016 // Консультант Плюс. Версия Проф.

² например, о возможном запрете для принципала на заключение аналогичных агентских договоров с другими агентами, действующими на определенной в договоре территории, либо в агентский договор может быть включено условие, по которому он должен воздерживаться от осуществления на этой территории самостоятельной деятельности, аналогичной деятельности, составляющей предмет агентского договора других лиц

³ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 19.04.2005 № Ф08-1395/2005 // СПС Консультант Плюс.

договоров, заключенных вопреки положениям о самоограничении, продолжают мотивировать свои решения невозможностью заключения подобных соглашений, что, как уже было отмечено выше, должно быть изменено.

Иллюстрацией сказанного может служить следующее дело. Был заключен договор о сотрудничестве. По условиям договора стороны взяли на себя обязательства по отказу от заключения любых договоров в отношении предмета договора о сотрудничестве без письменного согласия всех участников. В нарушение условий договора, два участника без согласия третьего, продали принадлежащие им земельные участки. Был заявлен иск от лица, не дававшего согласия на заключение договора купли-продажи о признании такого договора недействительным.

Суд отказал в удовлетворении заявленного требования. Мотивировал суд свое решение ссылками на ст. 22 и 209 ГК РФ, указав на недопустимость ограничения собственника в праве распоряжения своим имуществом условиями договора. Суд посчитал, что поскольку в законе не предусмотрено получение согласия на распоряжение своим имуществом, то включать в соглашение о сотрудничестве условие об отказе от заключения договоров было нельзя¹.

Ошибочность обоснования итогового вывода приведена нами выше. Еще раз подчеркнем, что и договор о сотрудничестве, предусматривающий подобного рода условия по принятию обязанности по отказу, и договор купли-продажи, заключенный вопреки данному условию – действительны. Другое дело, что пострадавшая сторона должна была заявить о привлечении к гражданско-правовой ответственности субъектов, ненадлежащим образом выполнивших свои обязательства.

¹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 12 августа 2013 г. по делу № 33-2464/2013 (документ опубликован не был) // СПС Консультант Плюс

Сформулируем основные выводы по результатам исследования вопроса об отказе от правоспособности:

- в случае состоявшегося юридического факта, который привел к возникновению гражданского правоотношения, отказ от правовых возможностей не может квалифицироваться как отказ от правоспособности. Обоснование недопустимости таких отказов через призму ст. 22 ГК РФ представляет собой грубое нарушение норм материального права;

- в случае, если принятие на себя обязанности по отказу предшествует возникновению договорного обязательства, то в этом случае предлагаем основываться на следующих доктринальных положениях.

Во-первых, подобный отказ следует отнести к особым способам обеспечения исполнения обязательств. Аргументация ученых в обоснование существования непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств выглядит достаточно убедительно и не подвергается особой критике¹. Авторы справедливо указывают, что «в силу своей природы общественные связи имеют динамичный характер. Осуществление деятельности хозяйствующими субъектами приводит последних к необходимости ведения постоянного поиска наиболее эффективных вариантов своего поведения, использования неизвестных ранее гражданско-правовых конструкций, новых способов обеспечения»².

При включении в соглашение условий, в соответствии с которыми должник обязуется не заключать определенных договоров, реализуется суть, функциональная направленность мер по обеспечению исполнения обязательств – необходимо выработать условия, которые бы приводили к исполнению обязательств надлежащим образом. При этом данные меры не просто стимулируют

¹ Как отмечал еще С. В. Пахман, «повсюду ранее или позже изобретаются те или другие средства, которые... служат или побуждением к исполнению их, или даже полной гарантией исполнения» (См.: Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические науки. Т. 1. СПб.: Тип. 2 отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1877. С. 77-78.)

² Сятчихин А.В. Российское законодательство о поименованных и непоименованных способах обеспечения обязательств: исторический экскурс // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. С. 156-163.

должника, но и предусматривают имущественные последствия, которые могут использоваться кредитором в качестве меры реагирования на нарушение основного обязательства¹.

Учитывая то обстоятельство, что включение в договор условий о возложении обязанности отказа по заключению строго определенных договоров направлены на гарантирование интересов кредитора и предусматривают негативные последствия для должника, то предлагается такой отказ признать непоименованным способом обеспечения исполнения обязательства.

Во-вторых, поскольку анализируемый вид отказа затрагивает возможности, принадлежащие строго определенному лицу, который заключает договор на приемлемых для себя условиях, то эти возможности не принадлежат всем и каждому, а, соответственно, лишены абстрактности. При этом требуется, чтобы перечень тех действий, от которых происходит отказ, был четко и однозначно определен и зафиксирован в тексте договора².

В-третьих, основываясь на неисчерпаемости как свойстве правоспособности и соглашаясь с тем, что она сохраняется в неизменном виде, несмотря на сколь угодно частые акты ее реализации³, предлагаем рассматривать указанные ситуации с позиции различных объектов отказа: в данном случае происходит не отказ от правоспособности (которую считаем недопустимой), а как отказ от реализации отдельных возможностей в содержании правоспособности на определенный период времени.

Предложенное видение ранее применительно к отказу не обосновывалось. Представляется, что если доктрина давно разделяет понятия «правоспособность» и «реализация правоспособности», то допустимость

¹ См., более подробно, Торкин Д.А. Непоименованные способы обеспечения обязательств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Тюмень, 2005. 182 с.

² Так, в юридической литературе отмечается, что «по умолчанию ограничительные условия следует относить к обычным обязанностям с отрицательным содержанием, если существует определенность действий, от которых должна воздерживаться сторона договора. Цит по: Иванов О.М., Щербакова М.А. Комментарий к Федеральному закону «О потребительском кредите (займе)»: научно-практический (постатейный). М.: Статут, 2014. СПС Консультант Плюс

³ Белов В.А. Гражданское право. Т. II. С. 57.

практического применения конструкции «отказ от реализации правоспособности» сомнений не вызывает.

Таким образом, отказом от правоспособности следует считать те ситуации, когда участник гражданских правоотношений отказывается одновременно от совокупности способностей, обладающих признаками абстрактности, поскольку принадлежат всем и каждому. Такой отказ является неприемлемым и устанавливать исключения из этого правила нельзя. Однако, отказ от реализации отдельных способностей представляется допустимым. Закон в данном случае должен устанавливать частные случаи недействительности для такого отказа, в целом признав его возможность.

Такое предложение основывается на реализации потенциала частного права, смысл которого не сводится к установлению запретов. Для предотвращения злоупотреблений и устранения негативных последствий для потенциально слабой стороны гражданского правоотношения и установлен в действующем законодательстве общий запрет на отказ от правоспособности граждан. Однако, проведенный анализ судебной практики демонстрирует, что ст. 22 ГК РФ применяется в любых ситуациях, где речь идет об отказе, что свидетельствует о неоправданно широкой сфере ее применения: суды видят ограничение правоспособности там, где ее не существует.

Гражданское законодательство должно минимизировать случаи тотального запрета, а если он установлен, то его границы должны быть определены, а действия, которые нельзя совершать – четко зафиксированы. В противном случае, участник гражданского оборота не может быть лишен возможности сужать реализацию собственных правовых способностей, тем более, когда это сопровождается приобретением для него дополнительных имущественных благ.

Указанное свидетельствует о том, что законодатель излишне пытается защитить участников гражданского оборота. Почему нужно считать ничтожными и нарушающими права лица условия соглашения, по которым он принял обязательство не заниматься бизнесом в сфере торговли в течение

определенного срока за соответствующее вознаграждение? Или не заключать договоров аренды земельных участков в определенном населенном пункте, получив в этом случае кредит на выгодных условиях? Или не становится собственником недвижимого имущества в течение одного года в обмен на любые другие имущественные выгоды?

Представляется, что никаких нарушений и злоупотреблений в данном случае нет, отказ от правоспособности отсутствует. Есть самоограничение, принимаемое на себя участником частноправовых отношений и выражающееся в отказе по собственной воле от реализации конкретных способностей, сформулированное в виде негативного обязательства. Именно конкретность обязательства является гарантией ненарушения прав лица, принимающего на себя обязанность не совершать определенные действия.

Более того, поскольку отказа от правоспособности не происходит, то и действия, совершаемые в нарушение взятого на себя обязательства, не являются дефектными. Лицо может начать заниматься бизнесом в сфере торговли, заключить договор аренды или купить себе недвижимое имущество – подобные возможности сохранились и присутствуют в содержании его правоспособности. Вместе с тем он будет нести негативные последствия за неисполнение указанного обязательства (кредитор может потребовать досрочного исполнения обязательства, возврата ранее уплаченных сумм и др.)¹.

Учитывая вышесказанное, применительно к правоспособности предлагается следующая формулировка п. 3 ст. 22 ГК РФ: Отказ гражданина от правоспособности не допускается. Отказ от реализации способности иметь права, допускается, если он не признается ничтожным в соответствии с требованиями закона. Действия, от совершения которых воздерживается гражданин (от заключения конкретных видов сделок, от приобретения

¹ Суслов А.А. Отказ от правоспособности в гражданском праве России // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. 2017. № 1.

определенного имущества и аналогичные) должны быть четко определены соглашением сторон и носить временный характер.

Завершая исследование данного вопроса, нельзя полностью обойти молчанием вопрос об отказе от правоспособности юридических лиц. Как уже обращалось внимание, ст. 49 ГК РФ, содержащая нормы о правоспособности юридических лиц, не закрепляет положений об отказе от правоспособности, а устанавливает правила в отношении ограничений юридических лиц в правах, разрешая последнее лишь в том случае, если это предусмотрено законом.

Не погружаясь в вопрос о понимании правоспособности юридических лиц, поскольку это является самостоятельной темой для исследования, сформулируем несколько значимых для данной диссертационной работы моментов.

1. Правоспособность юридического лица определяется его учредительными документами (содержание которых предопределено целями деятельности и требованиями закона).

2. Внесение изменений в учредительные документы юридического лица и сужение тех прав и обязанностей, которые может иметь и нести юридическое лицо, следует рассматривать в качестве примера сознательного отказа юридического лица от определенных способностей в содержании своей правоспособности. Такой отказ, безусловно, возможен, и не требует анализа и оценки.

3. Отсутствие запрета на отказ от правоспособности юридического лица в ст. 49 ГК РФ, позволяет использовать все ранее сделанные выводы по отношению к данному явлению, применительно к физическим лицам. Юридическое лицо может принять на себя негативное обязательство воздерживаться от заключения определенных договоров, от приобретения имущества, от занятия своей деятельностью на определенной территории и др. по собственному усмотрению. Никаких правовых оснований для признания данных действий не отвечающими требованиям гражданского законодательства не существует.

4. Ограничения в правах и отказ от прав – совершенно разные правовые категории. Ограничения – это сужение возможностей, накладываемое со стороны третьих лиц, тогда как отказ – это самоограничение, происходящее по воле обладателя этих правовых возможностей. Именно поэтому вопросы ограничений правоспособности физических и юридических лиц, не обсуждаются в данной работе напрямую, хотя и могут затрагиваться в контексте их сравнительной характеристики.

Обратимся к проблеме отказа от дееспособности. Вероятно, не было бы никакой надобности даже в постановке данного вопроса, если бы не положения, сформулированные в ст. 22 ГК РФ, согласно которым гражданское законодательство допускает, в случаях, установленных законом, не только отказ от правоспособности, но и от дееспособности. Отсутствуют и нормы, в которых был бы установлен запрет на отказ от дееспособности в отношении юридических лиц.

Сначала обратимся к вопросу об отказе от дееспособности граждан.

Правовая природа дееспособности противоречива и исследователями предлагаются разные ее характеристики¹. При этом, не вдаваясь в существующие дискуссии, заметим, что практически все исследователи, характеризуя дееспособность: а) отмечают ее взаимосвязь с правоспособностью; б) указывают на ее динамичный характер; в) подчеркивают личный, волевой, активный, самостоятельный характер осуществления тех действий, которые составляют содержание дееспособности². В частности, в работе Е.В. Васьковского указывается, что

¹ Как указывает Ю.Ф. Беспалов «Дееспособность можно рассматривать в различных значениях как субъективное право, как правовой прием, как элемент субъектоспособности» // Частное право: проблемы теории и практики / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016. СПС Консультант Плюс

² Так, О.Б. Орлова, исследуя позиции дореволюционных цивилистов о понятии дееспособности, отмечает, что «исследователи последовательно обозначили основные черты, присущие правоспособности (как родоначальнице) и дееспособности (последовательнице), но ни та ни другая не могут существовать бессвязно и не взаимодействуя» (См.: Орлова О.Б. Российское дореволюционное законодательство и цивилистика о дееспособности физических лиц // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 152.

«дееспособность выражается в личном осуществлении правоспособности. Они относятся друг к другу, как действительность к возможности»¹.

В современной юридической литературе делается акцент на то, что дееспособность юридически обеспечивает *активное* участие личности в гражданском обороте², дееспособность включает возможности приобретать гражданские права и создавать для себя гражданские обязанности *своими действиями*, возможность совершать эти действия *самостоятельно*³, *лично*⁴. Кроме того, при характеристике дееспособности обращается внимание, что если лицо не желает приобретать права, то оно может не вступать в соответствующие правоотношения, и это будет означать, что лицо не осуществляет (не реализует) свою дееспособность⁵. Анализируя вопросы дееспособности, исследователи также обращают внимание на то, что нормы о ней носят исключительно императивный характер и не могут быть изменены по соглашению сторон. Ввиду этого участники любых гражданско-правовых договоров не могут регулировать по своему соглашению вопросы собственной дееспособности и тем более каким-либо образом ограничивать или исключать ее⁶.

Запрет отказа от дееспособности граждан продиктован, как представляется, не только заботой о гражданах в плане защиты от лишения их определенных прав, но и противоположными, применительно к правоспособности, обстоятельствами. Это связано, в первую очередь, с неразрывным единством не только в осуществлении прав, но и в исполнении

¹ Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. Выпуск 1. Введение и общая часть. С-Петербург, 1894. С. 46.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 - 5 / под ред. Л.В. Саниковой. М.: Статут, 2015. СПС Консультант Плюс)

³ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова [и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. СПС Консультант Плюс

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 - 5 / под ред. Л.В. Саниковой. М.: Статут, 2015. СПС Консультант Плюс

⁵ Так, А.М. Нечаева указывает, что «от дееспособности, как и правоспособности, нельзя отказаться. Но дееспособность можно не использовать» (Нечаева А.М. Дееспособность физических лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 5. С. 74.)

⁶ См.: Мыскин А.В. Рамочный договор в системе российского частного права. М.: Статут, 2012. Доступ из СПС «Консультант Плюс»

обязанностей. Отказ от дееспособности может породить желание избежать ответственности, уклониться от исполнения обязанностей. Именно в этом смысле отказ от дееспособности не допустим¹.

Применительно к анализу дееспособности через призму отказа от самостоятельного осуществления прав, можно смоделировать ситуацию передачи собственных возможностей и способностей представителю. В случае наделения представителя возможностями по приобретению прав и исполнению обязанностей, подобные действия (приобретение, исполнение) теперь совершаются лицом не собственными действиями, не самостоятельно, не лично. Однако, бесспорно и то, что такая передача полномочий представителю, не лишает возможностей гражданина по совершению этих действий самостоятельно. Это свидетельствует, что отказа от дееспособности в данном случае не происходит, а другое лицо приобретает возможность реализовать правоспособность, принадлежащую другому лицу.

Можно привести и еще один пример, демонстрирующий допустимость договорного сужения способностей по самостоятельному их осуществлению. Речь идет о правовом регулировании отношений сторон в рамках договора простого товарищества. Согласно ст. 1044 ГК РФ договором простого товарищества может быть установлено, что заключение договоров происходит лишь одним из участников товарищества. Соответственно, включая в условия договора данное положение, участник простого товарищества сознательно отказывается от самостоятельного осуществления своих способностей по ведению дел товарищества (в том числе, например, по заключению договоров).

Феномен дееспособности заключается в том, что способность самому осуществлять права и исполнять обязанности – это безусловный элемент

¹ Суслов А.А. Некоторые вопросы правовой регламентации отказа от дееспособности // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : матер. VI Межд. научн.-практ. конф (г. Иркутск, 8 декабря 2018 г.) : в 2 т. / отв. ред. С.И. Сулова. Т. 1. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018.

правоспособности, однако, требующий самостоятельной характеристики именно в том случае, когда такая способность по тем или иным причинам осуществляется иными лицами.

Когда такое неосуществление происходит без принятия на себя обязанностей или в силу закона – вопрос об отказе от дееспособности не может быть поставлен. В том же случае, если лицо принимает на себя обязанность перед другими лицами не осуществлять данную способность самостоятельно, то данный отказ следует квалифицировать как отказ от реализации дееспособности.

Уточним, что понимаем некоторую лингвистическую неточность в используемой терминологии: коль скоро дееспособность – это средство реализации правоспособности, то получается, что отказ от реализации дееспособности – это отказ от реализации «реализации правоспособности». Вместе с тем, полагаем, что с юридической точки зрения такое словоупотребление вполне допустимо по следующим причинам.

Во-первых, соглашаясь с тем, что дееспособность «будучи (по своему происхождению) элементом гражданской правоспособности и после выделения из нее сохраняет все ее свойства»¹, полагаем возможным использовать приведенные выше аргументы в части правоспособности и в отношении дееспособности и разграничить такие понятия как «отказ от дееспособности» и «отказ от ее осуществления (реализации)».

Во-вторых, отказ от реализации дееспособности следует понимать как отказ от использования (неиспользование) отдельных элементов дееспособности. При этом тот факт, что дееспособность (как и правоспособность) не исчерпывается тогда, когда реализовывается сколь угодно количество раз, дает основание для вывода о том, что отказ от реализации дееспособности ни в коем случае не является отказом от самой дееспособности. Отказ от дееспособности нельзя признать допустимым даже

¹ Белов В.А. Гражданское право. Том. 2 С. 72.

в исключительных случаях. Поэтому предлагаем отказаться от формулировки ст. 22 ГК в части установления легитимности сделок по отказу от дееспособности. Такое, как представляется, возможно только в случае отказа от использования (реализации) отдельных элементов дееспособности, но не от самой дееспособности.

В-третьих, разделяем позицию о том, что дееспособность, как и правоспособность, состоит из различных элементов. Это подтверждается, в частности, тем, что возможны ограничения дееспособности не как единого целого, а исключение и добавление различных ее составляющих (например, мелкие бытовые сделки, сделки по распоряжению отдельными видами доходов и т.д.). Если скоро дееспособность в силу своей природы допускает «поэлементное» ограничение, то нет препятствий к тому, чтобы и отказ от реализации был возможен в отношении отдельных ее элементов.

В отношении отказа от дееспособности юридических лиц отметим следующее.

Позиция об использовании категории «дееспособность» в отношении юридических лиц признается далеко не всеми учеными. Это связано, в первую очередь, с тем, что исследователи не видят значимости в разграничении правоспособности и дееспособности применительно к юридическим лицам¹. Вместе с тем, следует признать более убедительными доводы тех, кто обосновывает необходимость их разграничения и самостоятельного существования².

В доктринальных исследованиях акцент сделан не на отказе от дееспособности юридического лица, а на проблематике ее ограничения. В частности, обращается внимание на особенности ограничений таких элементов дееспособности как сделкоспособность, способность к

¹ Гражданское право: учебник / под ред. Е.А. Суханова. 3-е изд. Т. I. С. 237.

² См, например, «Следовательно, будучи правоспособным субъектом, юридическое лицо обладает дееспособностью» (Суханов Е.А. Юридические лица как участники гражданских правоотношений // Гражданское право: учебник / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. Т. 1. М., 1998. С. 189.; Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М. : Статут, 2005. и др).

самостоятельному осуществлению прав и обязанностей, деликтоспособность¹. Придерживается данной терминологии и правоприменитель.

Так, Конституционный Суд РФ признал наличие существенных ограничений дееспособности должника в том случае, когда речь идет о процедурах банкротства, в частности, применительно к процедуре наблюдения, выразившись в том, что после введения данной процедуры юридическое лицо может совершать определенные действия только с письменного согласия временного управляющего². Необходимость получения согласия на совершение сделок юридическим лицом также относят к случаям ограничения сделкоспособности, а ситуации того, что учреждения отвечают по своим обязательствам только находящимися в их распоряжении денежными средствами рассматривают как примеры ограничения деликтоспособности³.

Однако, если с приведенными примерами ограничений дееспособности в определенной степени можно согласиться, то ограничение дееспособности путем отказа от нее авторами не приводятся. Может ли юридическое лицо отказаться от дееспособности: способности приобретать, осуществлять права, обязанности и нести ответственность своими собственными действиями? Полагаем нет, ведь «отсутствие дееспособности влечет невозможность приобретения прав своими действиями» – справедливо отмечал О.А. Красавчиков⁴.

¹ См.: Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. С. 116 - 182; Корнеев С.М. Граждане как участники гражданских правоотношений // Гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. М., 1998. С. 124; и др.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций", а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» // СЗ РФ. 2001. № 12. Ст. 1138.

³ Юридические лица в российском гражданском праве: Монография. В 3 т. Общие положения о юридических лицах. Том 1 / Габов А.В., Гутников О.В., Доронина Н.Г. и др.; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015.

⁴ Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 39-40, 42 - 43.

§ 3. Отказ от иных правовых возможностей и долженствований

Отказ от вторичных прав. Как уже было отмечено выше, российская юридическая наука не так давно обратилась к глубокому исследованию вопроса о природе вторичных прав. Показательно, что ни один учебник по гражданскому праву вообще такого термина не содержит. Вместе с тем, их характеристика и анализ все больше представлены в российской правовой доктрине. Не погружаясь в проблематику вторичных прав, лишь проанализируем более подробно те из них, от которых можно отказаться.

Поскольку вторичному праву (и это его основная особенность) не корреспондирует никакая юридическая обязанность (данная возможность не нуждается в обеспечении юридической обязанностью), то и с отказом от его реализации участники гражданско-правовых отношений должны смириться точно также, как и с совершением действий, составляющих его содержание.

При этом при анализе указанного вопроса, видна некоторая доктринальная проблема. Как было отмечено выше, право на отказ само по себе является вторичным правом. Поэтому не следует путать вторичные права, суть и смысл которых заключается в отказе от каких-либо возможностей, и вторичные права от которых можно отказаться. Так, право на односторонний отказ от договора, на односторонний отказ от исполнения обязательств— это классические вторичные права, где объектом отказа выступают правовые возможности, входящие в содержание субъективных прав, тогда как отказ принятия наследства или отказ от акцепта — это примеры отказов, где объектом выступают сами вторичные права. Другими словами, вторичные права могут быть объектом отказа только в том случае, если еще отсутствует правоотношение, в содержании которого есть субъективное право, являющееся объектом права вторичного. В этих случаях отказ от вторичных прав приводит к их прекращению. Такие отказы от вторичных прав являются яркими примерами внутренних отказов, сужающих правовую сферу самого их обладателя.

Однако, возможны и другие ситуации. Например, отказ от дачи согласия, во-первых, не прекращает существование данной секундарной возможности, а, во-вторых, является примером именно внешнего отказа, поскольку напрямую воздействует на правовую сферу третьего лица.

Проанализируем далее более подробно отказ от акцепта как иллюстрацию внутреннего отказа и отказ от дачи согласия как пример внешнего отказа.

Отказ от акцепта. Из общих положений ГК РФ, в которых закреплены правила об оферте и акцепте, вытекает наличие секундарного правомочия на отказ об акцепте. Так, ст. 443 ГК РФ признает отказом от акцепта акцепт на иных условиях. В отличие от секундарного права на дачу согласия, отказ от секундарного права на отказ от акцепта влечет прекращение существования данного секундарного права. Другими словами, управомоченное лицо, отказавшись акцептовать данную конкретную оферту, совершает действие (юридический факт), порождающий такое правовое последствие как не возникновение правоотношения. Одновременно с этим, такой отказ влечет и иное правовое последствие – прекращение существования секундарного права на акцепт.

В юридической литературе проблемы, связанные с отказом от акцепта обсуждаются фрагментарно. Общеизвестно положение ст. 438 ГК РФ, в которой закреплено, что акцепт должен быть полным и безоговорочным. Соответственно, можно предложить следующие ситуации, которые могут возникнуть в правоприменительной практике и быть квалифицированы как отказы от акцепта:

- направление акцепта с измененными условиями;
- направление прямого ответа, в котором содержится отказ от заключения договора на предложенных в оферте условиях;
- молчание.

Первая из предложенных ситуаций, на первый взгляд, не должна вызывать ни сложностей в правоприменении, ни научной дискуссии, поскольку аксиоматичным является правило, согласно которому любое изменение условий

оферты, направление протокола разногласий или иного документа, в котором изменяются условия первоначальной оферты должно квалифицироваться как отказ от права на акцепт и одновременно как новая оферта. Однако, данное общее правило подвергается критике и не совсем однозначно оценивается как в доктрине, так и в правоприменительной практике. Речь идет об установлении возможных исключений из него. Полноценное и глубокое изучение данной проблематики представлено в работе А.А. Громова. Автор, основываясь на зарубежной правоприменительной практике и положений цивилистической доктрины, сгруппировал данные исключения следующим образом:

1. если акцептант установил в акцепте условия, которые не были отражены в оферте, но они предполагались вследствие императивного правового регулирования соответствующих отношений, либо в силу обычаев, либо в силу широкого толкования оферты, то акцепт не утрачивает своего значения;
2. допустимы редакционные отличия, которые не должны превратить акцепт в новую оферту;
3. акцептант, отвечая на оферту, может внести свои предложения или пожелания, которые следует квалифицировать дополнительно в качестве отдельной оферты¹.

Российская судебная практика восприняла возможность существования таких исключений пока только в отношении редакционных отличий. Так, в 2018 году Верховный Суд РФ сделал такие исключения применительно к уточнению реквизитов сторон и исправлению технических ошибок, прямо отметив это в своем Постановлении: «Ответ о согласии заключить договор на предложенных в оферте условиях, содержащий уточнение реквизитов сторон, исправление опечаток и т.п., следует рассматривать как акцепт»².

¹ Более подробно, см.: Громов А.А. Акцепт на иных условиях: российский подход в контексте зарубежного опыта // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10. СПС Консультант Плюс

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ.2019. № 2.

Примеров «положительных» решений судов, демонстрирующих возможность применения иных исключений, практически нет. В приведенной работе, правовед иллюстрирует практическую востребованность доктринальных выводов только одной цитатой «не является контрофертой письмо, в котором не содержатся новые предложения относительно условий договора, но лишь повторяются применимые к указанным отношениям нормы закона (даже если они отсутствовали в оферте)»¹.

С 2005 года ситуация в российской судебной практике в этом вопросе не изменилась, принцип зеркального отражения жестко выдерживается в судебных решениях². Любое изменение условий оферты трактуется как контроферта (отказ от акцепта). Некоторые отступления встречаются лишь в части способа направления акцепта, который может быть различным. «Далеко не каждый акцепт ограничивается словом "да", очень часто акцептант повторяет условия оферты своими словами» – справедливо указывает А. А. Громов.

Проиллюстрируем категоричную позицию российской судебной практики применительно к отказу от акцепта и недопустимости любых возражений при направлении акцепта, которые будут трактоваться как новая оферта.

Между поставщиком и покупателем по итогам аукциона должен был быть заключен договор поставки. Поставщик (истец) передал подписанные и заверенные печатью договоры покупателю (ответчику). Условия данного договора полностью соответствовали условиям аукциона. В ответ покупатель подписал и заверил печатью данный договор и направил его в адрес поставщика. Одновременно с этим, приложив протокол разногласий, в котором предложил включить в договор дополнительное условие, связанное с принятием

¹Федеральный арбитражный суд Уральского округа в Постановлении от 06.12.2005 года по делу № Ф09-4030/05-С5 (См.: Там же.)

²Примером может служить следующее дело: в соответствии с которым высшая инстанция поддержала выводы нижестоящих судов в следующей, интересующей нас, части: «Требование удовлетворено, поскольку согласие на заключение договора на иных условиях не является акцептом, а признается новой офертой, что не исключает его оформления в той же форме, что и первоначально направленная оферта, то есть в виде проекта договора; истец не отказывался от подписания договора, а, получив его проект, направил ответчику проект договора, изложив в иной редакции...» (Определение Верховного Суда РФ от 05.02.2016 года № 694-ПЭК15 дело № А40-34226/2014 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия проф.)

изменений в ст. 317.1. ГК РФ (соответственно, предложив воспроизвести соответствующее нововведение в тексте договора). Истец проинформировал ответчика, что воспринимает такой протокол разногласий как отказ от акцепта и новую оферту, отказавшись ее принимать. Не совершил истец и конклюдентных действий, которые могли бы свидетельствовать о принятии протокола разногласий.

Суды при рассмотрении спора не анализировали ситуацию содержательно, а оценили ее с формальной стороны, признав сделанное предложение отказом от акцепта и новой офертой. В частности, судом не было учтено, что договор был подписан со стороны ответчика и в нем были согласованы все его существенные условия. Кроме того, предложенный к дополнению пункт не затрагивал существенных условий договора и касался норм закона, вступивших в силу после проведения аукциона¹.

Указанное выше демонстрирует, что проблема допустимости исключений из правил о зеркальном отражении оферты в ее акцепте, решена в нашей доктрине и правоприменении однозначно. Однако, такая ситуация, думается, не является полностью приемлемой. Применение исключений позволило бы сделать гражданский оборот более гибким. Напомним, что усилия ученых и практиков в данном направлении предпринимались. Так, в Концепции развития гражданского законодательства РФ² предлагалась формулировка 443 статьи ГК РФ, в которой отражалась идея о том, что акцепт на иных условиях, существенно не меняющий условия оферты, должен признаваться акцептом. Правда при этом было установлено два ограничительных условия. Первое – это допустить данную ситуацию только для предпринимательских отношений, и, второе – предоставить оференту право отклонить такие изменения в сжатые сроки.

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.10.2016 № Ф05-15558/2016 по делу № А40-250242/15 (Документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия проф.

² Одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 года

Вызывает сожаление, что указанное обоснованное предложение не было поддержано и не нашло отражение в действующей редакции ГК РФ при проведении реформы раздела обязательственного права. Усиливается убежденность в ошибочности такого решения и на том основании, что применение исключений в правилах о зеркальном акцепте закреплено в международных актах, в частности, в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров¹, а в российском правоприменении наличествуют примеры положительных судебных решений², связанных с незначительными изменениями условий оферты³.

Перейдем ко второй возможной ситуации отказа от акцепта – это направление прямого ответа, в котором содержится отказ от заключения договора на предложенных в оферте условиях. На первый взгляд, эта ситуация не является распространенной. Достаточно просто не реагировать на оферту (молчать) и достигнуть желаемого эффекта. Вместе с тем молчание не всегда означает отказ от акцепта, а в ряде случаев гражданское законодательство прямо закрепляет необходимость направления уведомления об отказе от заключения договора (отказе от акцепта). В частности, это закреплено в ст. 507 ГК РФ в отношении урегулирования разногласий при заключении договора поставки. Не направление такого отказа может привести к серьезным негативным последствиям. Примером может служить Определение ВАС РФ от 04.02.2011 года №

¹ Пунктом 2 статьи 19 Венской конвенции предусмотрено, что ответ на оферту, который имеет целью служить акцептом, но содержит дополнительные или отличные условия, не меняющие существенно условий оферты, является акцептом, если только оферент без неоправданной задержки не возразит устно против этих расхождений или не направит уведомления об этом. Если он этого не сделает, то условиями договора будут являться условия оферты с изменениями, содержащимися в акцепте.

² «Судами установлено, что изменения, внесенные Компанией в количество поставляемого сырья, являются незначительными и связаны с особенностями расфасовки и упаковки продукции, указанные изменения не меняют существенно условий оферты Общества и не свидетельствуют об ее отклонении. Доказательства того, что ответчик возражал против таких изменений, в материалах дела отсутствуют. При таких обстоятельствах ссылка подателя кассационной жалобы на положения пункта 3 статьи 19 Венской конвенции является необоснованной (См.: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 17.06.2010 г. по делу № А56-17111/2009 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

³ Суслов А.А. Отказ от акцепта в гражданском праве России // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : матер. Всерос. студен.научн.-практ. конф (г. Иркутск, 24 марта 2017 г.) / отв. ред. С.И. Сусллова, А.П. Ушакова; Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Иркутск, 2017.

ВАС-597/11, в соответствии с которым, оценив действия покупателя (как стороны, направившей проект договора и получившей протокол разногласий и не предпринявшей мер по согласованию условий договора, посчитав согласованным его в своей редакции), суд пришел к выводу о том, что спорный договор поставки является заключенным в редакции покупателя, за исключением условий, обозначенных в протоколе разногласий и не урегулированных сторонами в установленном порядке¹.

Необходимость реагировать на оферту путем направления оференту отказа является дополнительным обременением для участника отношений. Это удобно для оферента, но неудобно для акцептанта. Ведь по общему правилу, нет необходимости предпринимать активных действий, демонстрируя свое нежелание вступать в договорные отношения, для этого достаточно бездействовать (молчать). При этом молчанию как акцепту внимания в юридической литературе уделяется немного². При анализе отказа от акцепта путем молчания нас будет интересовать обратная ситуация, складывающаяся при признании акцепта полученным в случае молчания. Другими словами, молчание – это классический и наиболее распространенный вариант отказа от акцепта. Только в случаях, если это прямо вытекает из закона, соглашения сторон, обычая или из прежних деловых отношений сторон, молчание будет расценено не как отказ от акцепта, а, наоборот, как его предоставление.

Таким образом, отказ от акцепта должен быть выражен в активной форме, если это а) установлено законом; б) обычаем; в) вытекает из прежних деловых отношений сторон; г) закреплено соглашением сторон. Следовательно, оферент в одностороннем порядке не может установить в оферте положение о том, что отказ должен быть выражен в активной форме. В этой связи

¹ Документ опубликован не был // Консультант Плюс. Версия Проф.

² См., например, Бычков А. Молчание – вовсе не знак согласия // ЭЖ-Юрист. 2015. № 25. С. 13.; Виниченко Ю.В., Никитина Ю.Д. О значении молчания в российском гражданском праве // Налоги (газета). 2010. № 12. СПС Консультант Плюс

справедливым является следующее суждение: «по общему правилу признается абсолютно неправильным простым указанием в оферте оферентом принудить адресата оферты к осуществлению действий по сообщению отказа от нее, навязав ему проблемы, связанные с намерением избежать предусмотренной офертой связанности»¹.

Подобный подход подтверждается и в судебной практике применительно к «навязыванию проблем» по совершению дополнительных действий для потребителей путем активного отказа. Так, «подключение оператором связи потребителей к дополнительной услуге и дальнейшее взимание за нее платы до момента, **пока потребитель не откажется от нее**, не согласованы с потребителями, противоречат закону² ..., поскольку молчание абонента как способ выражения волеизъявления, напротив, означает по общему правилу отказ лица от совершения сделки. При этом лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или соглашением сторон, молчание признается выражением воли лица на совершение сделки»³.

Возвращаясь к случаям, когда отказ от акцепта должен быть выражен в активной форме, затронем некоторые из них.

Закон. Ситуации, прямо закрепленные в законе и обязывающие участника отношений совершать активные действия по отказу от акцепта, достаточно распространены. Это, например, ст.ст. 468, 540, 621, 684, 837 ГК РФ. В частности, в п. 2. ст. 684 ГК РФ, применительно к договору найма жилого помещения, установлена обязанность для наймодателя предложить нанимателю либо заключение договора на новый срок либо предупредить об отказе от продления договора. Если наймодатель не выполнил этой обязанности, а наниматель не отказался от продления договора, договор считается продленным на тех же условиях и на тот же срок.

¹ Кучер А.Н. Акцепт как стадия заключения предпринимательского договора // Законодательство. 2001. № 7. СПС Консультант Плюс

² требованиям п. 3 ст. 16 Закона от 07.02.1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей»

³ Постановление ФАС УО от 24.10.2011 № Ф09-6624/11.

По части приведенных статей ГК РФ существует значительная судебная практика¹, по другим – это лишь отдельные споры². Вместе с тем подход к рассмотрению данных споров однозначен – необходима активная позиция акцептанта для демонстрации отказа от акцепта, иначе наступят правовые последствия, связанные с принятием оферты.

Соглашение сторон и прежние деловые отношения сторон. Как известно, указание на возможность включать подобные условия в соглашения сторон и предопределять в них необходимость активного отказа от акцепта, появилось в ГК РФ не так давно – с вступлением в силу Федерального закона от 08.03.2015 года № 42-ФЗ. Подобная новелла ГК РФ в юридической литературе пока трактуется исключительно через призму примеров рамочных соглашений.

А.Ю. Буркова, в частности, указывает, что «стороны могут согласовывать, что такие конкретизирующие документы должны быть подписаны обеими сторонами или направлены одной стороной в пользу другой. Если получившая сторона не ответила в течение определенного периода, считается, что конкретный документ принят и вступил в силу (п. 2 ст. 438 ГК РФ), если соответствующее правило установлено в договоре между сторонами»³. Анализируя данное исключение, пример с рамочным договором займа приводится и в работе А. Бычкова⁴.

¹ См, например, Перечень позиций высших судов к ст. 621 ГК РФ «Преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок» // Консультант Плюс. Версия Проф.

² См., например, Определение Нижегородского областного суда от 11.09.2012 года по делу № 33-6714 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

³ Буркова А.Ю. Рамочные соглашения: международная практика и российское право // Вестник арбитражной практики. 2015. № 6. В другой работе автор приводит пример с рамочным необязательным договором кредитной линии, в котором стороны, по мнению исследователя, могут закрепить, что кредитор имеет право в любой момент отказать в предоставлении финансирования. Вместе с тем в договоре также указывается, что очередная выборка осуществляется после направления одной стороной заявки и акцепта второй стороной такой заявки. Если вторая сторона не ответила в течение трех дней с момента предоставления предложения, то считается, что предложение по выборке принято и, соответственно, конкретный кредитный договор заключен, что влечет обязанность предоставления кредита в строго оговоренные сроки (См.: Буркова А.Ю. Некоторые изменения Гражданского кодекса Российской Федерации с точки зрения российского банковского юриста // Банковское право. 2015. № 6. С. 7-14)

⁴ Бычков А. Указ. соч.

Однако еще до вступления данных изменений в силу, можно было встретить судебные решения, в которых суды допускают возможность признания того, что в случае, если заказчик не направил исполнителю отказ от подписания акта сдачи-приемки выполнения услуг, то такие услуги считаются принятыми заказчиком. И несмотря на то, что ответчик категорически не соглашался с таким выводом суда, настаивая на том, что «...вывод суда о том, что общество (заказчик) не направило компании (исполнителю) отказ от подписания акта сдачи-приемки выполненных услуг, поэтому такие услуги считаются принятыми заказчиком, неправомерен...», поскольку договор такого условия не содержит, суды вышестоящих инстанций решение оставили в силе. При этом, как представляется, суды склонились к такому выводу на основании ст. 431 ГК РФ устанавливающей, что судами при толковании договора принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, **практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон...** Именно тот факт, что в предшествующих отношениях сторон существовал порядок подписания акта сдачи-приемки выполнения услуг, дало основание суду сделать вывод о том, что «если заказчик не направил исполнителю отказ от подписания акта сдачи-приемки выполнения услуг, то такие услуги считаются принятыми заказчиком»¹.

Следует заметить, что попытки признать (при отсутствии в законе или соглашении сторон) молчание в качестве акцепта предпринимаются во взаимоотношениях сторон с регулярностью, но ни направление возражения, ни даже принятие денег не расценивается судом как акцепт: «Учитывая, что ни законом, ни каким-либо соглашением истца и ответчика не предусмотрено положений о том, что молчание кредитора является выражением его положительного согласия на перевод долга, суд апелляционной инстанции право-

¹ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 26.02.2013 г. № Ф03-437/2013 по делу N А51-6750/2012 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

мерно указал, что в рассматриваемом случае, не направление истцом возражений на уведомление о переводе долга и зачисление на его счет денежных средств общества "Стройкомплектмонтаж", не является подтверждением факта его согласия на перевод долга»¹. Несмотря на такой «отрицательный пример», очевидно, что его можно расценивать и как иллюстрацию к возможности включения такого условия (о молчании при согласии на перевод долга) в любой гражданско-правовой договор.

Отказ от дачи согласия. Еще одним секундарным правом, признаваемым большинством ученых, является право на дачу согласия. В отличие от отказа от акцепта, влекущего прекращение существования данного секундарного права, право на дачу согласия не прекращается фактом отказа от него: отказ от дачи согласия означает лишь отказ от его осуществления. Сегодня лицо может не дать согласие (отказаться давать согласие) и не допустить возникновения правовых последствий, а завтра – подобное согласие предоставить.

В последние несколько лет научный интерес к изучению согласия в цивилистической науке существенно возрос. Об этом свидетельствуют, в том числе, несколько подготовленных диссертационных исследований по данной проблематике², а также научных работ, в которых изучаются особенности согласия в отдельных подотраслях и институтах гражданского права³.

В юридической литературе правовая природа права на дачу согласия и права на отказ в даче согласия определяется неоднозначно. С одной стороны,

¹ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24.07.2013 г. по делу № А81-2017/201 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

² *Брезгулевская Л.К.* Гражданско-правовое регулирование согласия лица на совершение сделки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. 19 с.; *Воробьева Е.А.* Правовое регулирование сделок, требующих согласия, по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 30 с.; *Дятлов Е.В.* Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 28 с.; *Зимина М.Ю.* Институт согласия в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019; *Касаткин С.Н.* Согласие в гражданском праве РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2014. 204 с.

³ См, например, *Болдырев В.А.* Гражданско-правовая конструкция юридического лица несобственника: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013, 43 с.; *Кузнецова О.А.* Нотариальная форма согласия супруга: некоторые вопросы правоприменительной практики // Современное право. 2017. № 4. С. 57-61.

можно уже считать устоявшимся взглядом то, что дача согласия – это односторонняя сделка, а право на дачу согласия – это секундарное право, которое подразумевает лишь претерпевание другой стороной последствий осуществления или не осуществления данной правовой возможности. С этой точки зрения, отказ в даче согласия – это такой способ осуществления секундарного права, который выражается в форме отказа (односторонней сделки) и не влечет прекращения соответствующей правовой возможности. Иллюстрацией такого подхода может служить высказывание в отношении отказа от дачи согласия на обработку персональных данных, которое признается автором не отказом от субъективного права, а квалифицируется как отказ от его осуществления¹. Другими словами, отказ в даче согласия выступает «оборотной стороной» самого согласия, включаясь в содержание самого этого права и, как отмечают исследователи, является таким элементом согласия как волеизъявление².

Однако, возможно и иное теоретическое решение обозначенного вопроса. Речь идет о возможности квалификации отказа от дачи согласия в качестве самостоятельного секундарного права. Допустимость такого подхода основывается на сходстве института согласия в частном и публичном праве. Общеизвестно, что органы публичной власти нередко наделяются возможностью по даче согласия/разрешения (отказу от дачи согласия/разрешения) применительно к участникам частноправовых отношений. На необходимость даже терминологически разграничить данные правовые явления абсолютно справедливо указывал В.А. Болырев, предлагая размежевать в рамках кодифицирован-

¹ Полетаева Е.Л. Отказ от дачи согласия на обработку персональных данных // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : матер. V Межд. научн.-практ. конф. (г. Иркутск, 16–17 сентября 2016 г.) : в 2 т. / отв. ред. С.И. Сулова, А.П. Ушакова. Т. 1. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. С. 224-229.

² Например, М.Ю. Зими́на указывает, что к одному из элементов категории согласия относится «содержание волеизъявления (дача согласия или отказ от дачи согласия)». См.: Зими́на М.Ю. Институт согласия в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 9. 209 с.

ного закона согласия на сделку, выражаемого участником гражданского оборота и разрешения на сделку, даваемое органом публичной власти¹. Традиционными примерами последних могут выступать согласие органов опеки и попечительства на отчуждение жилых помещений, находящихся в долевой собственности несовершеннолетних, или согласие органов местного самоуправления на переустройство и (или) перепланировку жилого помещения. Особенностью подобных примеров является то, что публичный орган одновременно наделен возможностями как дать согласие, так и отказать в его предоставлении в случаях, установленных законом.

Вместе с тем, природа двух указанных самостоятельных возможностей в публичном праве не дает оснований для их квалификации в качестве вторичных прав. В первую очередь, в силу совпадения в этом случае права и обязанности: публичный орган не только вправе дать согласие, но и обязан это сделать, а также не только вправе отказать в даче согласия (в случаях, установленных законом), но и обязан совершить данное действие. Это, в свою очередь, порождает возможность для участника частноправовых отношений оспорить правомерность отказа в даче согласия, которое нет оснований квалифицировать в качестве односторонней сделки.

Неким промежуточным примером являются ситуации, в которых публичный орган действует как равноправный участник частноправовых отношений, но нормами законодательства установлены случаи, при которых недопустимо отказывать в даче согласия на совершение тех или иных действий. Ярким примером являются ситуации, закрепленные в нормах ЖК РФ. Речь идет, в частности, о ст. 74 ЖК РФ в которой закреплено, что отказ наймодателя в даче согласия на обмен жилыми помещениями допускается только в случаях, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса. Еще одним примером могут

¹ Болдырев В.А. Указ соч. С. 29.

служить положения ст. 70 ЖК РФ, в которой установлено единственное основание отказа в даче согласия на вселение в жилое помещение членов семьи нанимателя¹.

Таким образом, для сферы частного права считаем возможным определить правовую природу отказа от дачи согласия двояко. В тех случаях, когда отказ от дачи согласия не ограничивается никакими условиями, нормы законодательства не предусматривают возможность признания его незаконным по данной причине, его следует квалифицировать как способ неосуществления секундарного права на дачу согласия, с помощью которого лицу, запрашивающему согласие, демонстрируется прямое нежелание реализовывать принадлежащую правовую возможность. В тех ситуациях, когда законодатель закрепляет основания, при которых отказать в даче согласия нельзя, право на дачу согласия фактически превращается в обязанность, к исполнению которой можно понудить.

В зависимости от такого подхода, следует обсудить вопрос о форме выражения согласия и правовых последствиях такого согласия.

Вопрос о том, в какой форме должен быть выражен отказ от дачи согласия, подлежит обсуждению в аспектах предложенного деления правовой возможности по отказу от дачи согласия.

В том случае, если отказ – есть способ реализации права на дачу согласия, то форма его выражения не имеет правового значения. Поскольку для наступления ожидаемых правовых последствий требуется предоставление согласия в установленной законом форме, то форма отказа в даче согласия не является принципиальной. Правопорядку необходимо лишь урегулировать вопрос о том, как расценивать неопределенность в выражении согласия или отказа в даче согласия. Речь идет о молчании, которое нуждается в конкретизации в части приравнивания к отказу или предоставлению согласия.

¹ Наймодатель может запретить вселение граждан в качестве проживающих совместно с нанимателем членов его семьи в случае, если после их вселения общая площадь соответствующего жилого помещения на одного члена семьи составит менее учетной нормы.

Общеизвестно правило, установленное в ст. 157. 1 ГК РФ о том, что молчание не считается согласием на совершение сделки, за исключением случаев, установленных законом. Однако данное правило нельзя считать универсальным, поскольку касается только согласия на совершения сделок. Кроме того, значительные трудности с интерпретацией молчания испытывают участники оборота применительно к получению согласия от публичных органов. Отдельные разъяснения данных вопросов можно встретить лишь на уровне позиций правоприменительных органов. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 года № 25 прямо указано, что «если третье лицо или орган, действующий от имени публично-правового образования как участника гражданских правоотношений, не ответили на запрос стороны сделки в разумный срок, считается, что в даче согласия отказано» (п. 54)¹.

Нельзя не отметить, что от подобной практики отказываются европейские правовые порядки. Так, 21 августа 2019 года тремя декретами во Франции были внесены изменения в Строительный и Жилищный Кодексы, согласно которым «молчание, хранящееся администрацией в течение двух месяцев по заявлению, означает принятие решения». В декрете № 2019-873 также устанавливается срок, по истечении которого молчание административных и согласующих органов порождает подразумеваемое решение об отказе или принятии².

Таким образом, нормы российского частного права должны быть дополнены положениями о правовых последствиях молчания на запрос о предоставлении согласия не только в случае с получением согласия на запрос публичному органу со стороны сделки, но и в других ситуациях, когда выдача согласия порождает гражданско-правовые последствия. Оставлять столь важный

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

² Декр. № 2019-872, 21 августа 2019 года Декр. № 2019-873, 21 августа 2019 года, Декр. № 2019-874, 21 августа 2019 года // Дайджест новостей частного права [Электронный ресурс]. https://m-logos.ru/mlogos_publication/dajdzhest-novostej-rossijskogo-i-zarubezhnogo-chastnogo-prava-za-iyun-avgust-2019-goda/

вопрос исключительно на уровне разъяснения высшей судебной инстанции не представляется правильным.

В тех же случаях, когда отказ в даче согласия есть самостоятельное секундарное право, вопрос о форме его выражения уже является значимым. В нормах российского права нами обнаружен лишь один пример такого прямого законодательного закрепления: в ст. 74 ЖК РФ зафиксировано, что согласие или отказ в даче согласия на обмен оформляется наймодателем в *письменной форме*. Вместе с тем, отсутствие прямых указаний вполне восполняется общими нормами о форме сделок, поскольку, также как и согласие, отказ в даче согласия является односторонней сделкой.

Перейдем к анализу правовых последствий отказа от дачи согласия. В тех случаях, когда отказ в даче согласия является самостоятельной правовой возможностью, правомерность его совершения оценивается с точки зрения содержания соответствующего секундарного права, определенного нормами закона. В частности, речь идет об оценке правомерности и допустимости отказа, а также о возложении обязанности такое согласие предоставить.

В судебной практике значительным образом представлены примеры удовлетворения исков об обязанности (понуждении) дать согласие на совершение тех или иных действий. Например, Апелляционным определением Нижегородского областного суда от 23.04.2019 года удовлетворено требование об обязанности уполномоченного органа дать согласие на перераспределение земельного участка, заключить соглашение о перераспределении земельного участка. Суд посчитал ссылку уполномоченного органа, отказавшего в выдаче согласия, на то, что такое перераспределение приведет к необоснованному увеличению площади исходного земельного участка, несостоятельной¹.

¹ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 23.04.2019 г. по делу № 33-4698/2019 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

Такой способ защиты выглядит абсолютно логичным и призван наиболее эффективным образом защитить права участников частноправовых отношений, которые получают неправомерный отказ в запрашиваемом согласии. Однако не всегда суды такие требования удовлетворяют. Наиболее часто такие отказы присутствуют по требованиям об обязанности дать согласие на регистрацию в жилом помещении¹. Суды полагают, что в этом случае нельзя избирать данный способ защиты, поскольку «вопросы о регистрации и снятии с регистрации по месту жительства не отнесены к компетенции суда, требование о регистрации истца в спорном жилом помещении не подлежит самостоятельному разрешению. Регистрационный орган в силу закона обязан на основании решения суда о признании права пользования жилым помещением произвести регистрацию гражданина»². Еще одним показательным примером является дело, в котором суд, признав причины отказа в даче согласия неправомерными, тем не менее, отказал в удовлетворении требования о выдаче согласия со стороны органов опеки и попечительства на отчуждение жилого помещения, в котором доля в праве собственности принадлежит несовершеннолетнему. Мотивировал суд свое решение тем, что выдача такого согласия сопровождается совершением значительного числа действий публичного органа, которые нельзя восполнить судебным понуждением к даче согласия. Поэтому, суд обязал отдел опеки повторно рассмотреть заявление родителей в соответствии с требованиями закона³.

В тех случаях, когда возможность отказа в даче согласия не predetermined никакими законодательными условиями, понуждение к совершению отказа не представляется возможным. Вместе с тем, подлежит обсуждению вопрос о том, действительно ли такое секундарное право является безграничным и действительно ли не существует никаких условий, при которых возможно

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2015 г. по делу № 33-39693/2015 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

² Апелляционное определение Курганского областного суда от 12.07.2016 г. по делу № 33-2514/2016 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 20.12.2017 г. по делу № 33-53157/2017 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

признать отказ в даче согласия недопустимым и «обойти» необходимость его получения, достигнув желаемого правового результата. Представляется, что единственным правовым механизмом в данном случае должны выступать нормы о злоупотреблении правом и недобросовестном поведении обладателя секундарного права на дачу согласия.

Попытки признать действия по отказу от дачи согласия злоупотреблением правом предпринимались в российском правопорядке неоднократно, но суды категорично заняли позицию о том, что злоупотребить правом на дачу согласия невозможно, поскольку законодатель не ставит получение согласия в зависимость от каких-либо условий, а значит, суды не могут устанавливать причины или мотивы подобного волеизъявления»¹. В целом такая позиция понятна, поскольку секундарное право по предоставлению согласия состоит из одной единственной правовой возможности, а суть и значение секундарных прав как раз и заключаются в том, чтобы связать другую сторону состоянием ожидания реализации или нереализации данной возможности, повлиять на которое она не может. А потому, отказ в даче согласия всегда будет препятствовать осуществлению прав тех, кто вынужден такое согласие получать. Сложно применить принцип объективной добросовестности, используя критерий «среднестатистического, нормального, честного» поведения применительно к реализации секундарных прав на дачу согласия: если большинство супругов дают согласие на продажу недвижимости или большинство членов семьи дают согласие на приватизацию, то это не значит, что те, кто не дал согласие, поступают недобросовестно и злоупотребляют своим правом.

¹ В противном случае любое несогласие кого-либо из членов семьи нанимателя на приватизацию квартиры можно рассматривать как злоупотребление правом, поскольку такое несогласие всегда будет препятствовать осуществлению права других членов семьи нанимателя на получение жилья в собственность (См: Апелляционное определение Московского городского суда от 20.10.2015 г. по делу № 33-38482/2015 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

Аналогичная аргументация была высказана судами и в деле о даче согласия на вселение и на регистрацию в жилом помещении: В удовлетворении требования отказано, поскольку причины, по которым члены семьи нанимателя отказывают в даче согласия на вселение других лиц, не имеют правового значения (См. : Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 11.11.2015 г. № 33-10661/2015 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

Вместе с тем, на данную проблему необходимо посмотреть также с других сторон. В частности, допустимо ли в договоре предусмотреть условия, при которых отказ в даче того или иного согласия будет считаться недопустимым? Представляется, что никаких препятствий к подобному усмотрению сторон нет. Приведем пример подобного спора из правоприменительной практики Великобритании. В деле *Sequent Nominees Ltd v Hautford Ltd* компания-арендатор (tenant) решила получить согласие на изменение назначения помещений (нежилые-жилые). По условиям договора получить согласование на изменение назначения помещений она могла только при согласии собственника, при этом он не мог произвольно отказать в согласовании, что было также зафиксировано в договоре. В то же время арендатору разрешалось использование помещений в качестве жилых, хотя собственник и не давал гарантии, что разрешенное использование по договору будет соответствовать назначению помещений. Собственник не дал согласие на изменение, поскольку оно впоследствии могло привести к выкупу арендатором данных помещений, а повышенный риск выкупа негативно скажется на стоимости недвижимости. Верховный суд принял во внимание экономические последствия для собственника и встал на его сторону¹.

Приведенный пример демонстрирует, что судебная система вполне успешно справляется с квалификацией действий по отказу от дачи согласия в качестве произвольных и ничем необоснованных. В российской судебной практике суды также сталкиваются с необходимостью оценки обоснованности отказов в даче согласия со стороны равноправных участников отношений. Так, согласно ст. 72 ЖК РФ для осуществления обмена требуется согласие членов семьи нанимателя, а в случае, если такое согласие не было получено, то возможно предъявление иска о принудительном обмене, рассматривая который, суд должен оценить «заслуживающие внимания доводы и законные интересы

¹ Дайджест новостей частного права [Электронный ресурс]. https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/11/dajdzhest-novostej-chastnogo-prava_1-za-oktyabr-2019.pdf

лиц, проживающих в обмениваемом жилом помещении», которые не дают согласие на обмен. К таким доводам Верховный Суд РФ отнес ссылки на обстоятельства, препятствующие им в силу возраста, состояния здоровья, места работы, учебы и т.п. пользоваться предоставляемым в порядке обмена жилым помещением¹. На основании данных разъяснений, нижестоящие суды выясняют насколько состоятельны, убедительны и обоснованы доводы ответчика, не давшего согласие на обмен жилыми помещениями².

Таким образом, правовыми последствиями отказа от дачи согласия являются:

- возможность предъявления требований о понуждении к даче (выдаче) согласия или об обязанности дать такое согласие;
- возможность требовать повторного рассмотрения запроса о выдаче согласия.

Полагаем, что еще одним способом защиты могло бы быть не требование о понуждении к даче согласия, а требование о признании судом согласия выданным и наступлении того юридического факта, который не наступает в силу отсутствия согласия. Такое предложение базируется на известной дискуссии об исках о понуждении заключить договор и исках о признании договора заключенным, в случае, если он должен быть заключен в обязательном порядке. Зачем суду обязывать к выдаче согласия (такое решения очень сложно исполнять), если можно, установив факт неправомерности отказа в выдаче согласия, признать такое согласие выданным? Представляется, что это существенно бы повысило эффективность судебного решения.

¹ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

² См., например, Апелляционное определение Московского городского суда от 14 мая 2015 г. № 33-16101; Апелляционное определение Самарского областного суда от 2 июня 2016 г. по делу № 33-6755/2016; Определение Свердловского областного суда от 28 февраля 2012 г. по делу № 33-2427/2012 // СПС «Консультант Плюс»

Данные способы защиты возможно избрать лишь в том случае, если законом или договором установлены основания, при которых отказ в даче согласия не допускается, либо предусмотрена судебная процедура, допускающая необходимость объяснения обоснованности причин отказа.

Если предоставление согласия не сопровождается никакими условиями, то отказ от дачи согласия не может быть оспорен и не может быть признан злоупотреблением правом. Такой отказ приведет к не возникновению тех последствий, наступление которых желает лицо, запросившее согласие.

Таким образом, подводя итог, можно резюмировать, что отказ в даче согласия следует подразделить на два вида в зависимости от того, является ли он реализацией секундарного права на дачу согласия, либо самостоятельного секундарного права на отказ от дачи согласия. Выделение самостоятельного секундарного права на дачу согласия необходимо тогда, когда законодатель сужает границы права на дачу согласия, устанавливая основания, при которых отказ не допускается или должен быть мотивирован.

Законодатель не предусматривает требований к форме выражения отказа от дачи согласия применительно к равноправным участникам частноправовых отношений, поскольку это не имеет правового значения. Полагаем, что форма отказа от дачи согласия не обязательна должна совпадать с формой, которая установлена для дачи согласия, в случае, если отказ является самостоятельным секундарным правом. В этом случае, применяются общие требования о форме сделок в гражданском праве.

Отказ от дачи согласия, являясь реализацией секундарного права на дачу согласия, не может считаться злоупотреблением правом, понуждение к его выдаче не допускается. Отказ от дачи согласия, являющегося результатом осуществления самостоятельного секундарного права, может быть оспорен в суде с предъявлением требований о понуждении к даче согласия, о наступлении

гражданско-правовых последствий, блокируемых невыдачей согласия, а также о повторном рассмотрении требования о его предоставлении¹.

Отказ от долженствований. Помимо отказа от правовых возможностей, гражданское законодательство содержит примеры отказов от долженствований, которыми наделены участники гражданских правоотношений.

Несомненно, что отказ от исполнения обязанностей недопустим. Именно потому обязанность и называется юридической, что государство заинтересовано в ее исполнении и требует от участников правоотношений соблюдения тех долженствований, которые составляют ее содержание. Отказ от обязанности влечет наступление негативных последствий для ее носителя. Выше нами названы некоторые упоминающиеся в ГК РФ случаи, которые можно расценивать как отказ от обязанностей, возложенных на участника гражданских правоотношений законом. Речь, напомним, идет об отказе в выдаче расписки или об отказе от заключения публичного договора. Во всех этих случаях, законодатель предусматривает специальные последствия для данных отказов. В первом случае – возможность для должника задержать исполнение, и признает в этих случаях кредитора просрочившим, во втором – лишь фиксируется недопустимость такого отказа и дается ссылка на общие последствия ст.445 ГК РФ в части возможности понуждения к заключению договора. Указание на такие специальные последствия неисполнения обязанностей вполне типичны для гражданского законодательства и лишь дополняют положения главы 25 ГК РФ об ответственности за неисполнение обязательств. Речь идет о закреплении специальных негативных последствий, наступающих при отказе от исполнения установленных законом или добровольно принятых на себя обязанностей².

¹ Суслов А.А. Отказ в даче согласия в частном праве: правовая природа, форма выражения и правовые последствия // Современное право. 2020. № 7. С. 60-65.

² Суслов А.А. Долженствования как объекты отказа // Общество, право, личность: историко-правовые, философские и социологические предпосылки развития экономики шестого технологического уклада : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–20 апр. 2018 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол. : И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. Выпуск седьмой. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018. С. 169-171.

Помимо этого, стоит обратить внимание, что такой вид отказа как отказ от договора (отказ от исполнения договора) нельзя рассматривать исключительно через призму отказов от прав, поскольку как справедливо отмечается, в частности, Р.Н. Адельшиным и Ю.А. Сорокиной «отказ от исполнения договора подразумевает отказ от всех прав и обязанностей по договору...»¹. Таким образом, используя допустимый законодательством механизм отказа от договора, участник правоотношений не только отказывается от прав, но и от исполнения соответствующих долженствований.

Применительно к отказам от совершения действий, которые следует расценивать как публичные правомочия, ГК РФ использует единообразный подход, заключающийся в том, что такие отказы могут быть оспорены в суде. Так, в ст. 8 ГК РФ закреплено, что отказ в государственной регистрации прав на имущество либо уклонение от государственной регистрации могут быть оспорены в суде. Наличие властных полномочий законодатель обнаруживает и в отношении лица, осуществляющего учет прав на бездокументарные ценные бумаги, поскольку согласно ст. 149.2 ГК РФ отказ от проведения операции по счету также может быть оспорен в суде. О разрешении спора судом речь идет и в случае отказа органа записи актов гражданского состояния в исправлении или изменении записи (ст. 47 ГК РФ).

При этом следует заметить, что такие споры, как правило, связаны со спором о праве и с выяснением вопроса о наличии возможности у лиц требовать совершения определенных действий от обладателей публичных правомочий. В частности, отказы лиц, осуществляющих учет прав на бездокументарные ценные бумаги, сопровождаются выяснением вопроса о наличии прав на данные бумаги у наследников², а отказ изменить запись в актах гражданского

¹ Адельшин Р.Н., Сорокина Ю.А. Указ соч.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 16 мая 2016 года по делу № 33-10870/2016 // (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

состояния исследуется с позиции выяснения сути спора между всеми заинтересованными лицами¹.

Кроме того, частноправовой науке стоит обратить внимание на негативные тенденции, наметившиеся в сфере расширения оснований для отказов в области регистрации юридических лиц. С момента принятия ФЗ РФ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»² перечень оснований отказа вырос с 2 до 22. Понимая, что речь идет о борьбе с недобросовестными участниками гражданского оборота, все же полагаем, что столь бесконтрольное расширение таких оснований недопустимо³.

Резюмируя сказанное, отметим, что, несмотря на то обстоятельство, что в определенных случаях нормы гражданского законодательства формулируются так, что дают основание предположить, что возможен отказ от установленных законом обязанностей, тем не менее, подобный отказ, безусловно, недопустим. Провозглашая данный тезис, нами не оспаривается то обстоятельство, что отказ от исполнения обязанностей на стороне должника может вызывать ответные меры оперативного воздействия со стороны кредитора, который, в свою очередь, уже правомерно откажется исполнять определенные обязанности. Подобные действия будут считаться правомерными и допустимыми. Только в этом случае можно утверждать, что, например, отказ передать товар в случае задержки оплаты, является разрешенным законом отказом от исполнения обязанности. Но в этом случае, отказ должен оцениваться уже с позиции способа защиты гражданских прав, как мера оперативного воздействия.

Несколько слов хотелось бы отметить в отношении отказа от кредиторских обязанностей. Под ними понимается «мера юридически необходимого поведения активного участника обязательства (кредитора), направленного на

¹ Определение Московского городского суда от 07 сентября 2012 по делу № 4г/8-6992 2016 // (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

² Федеральный закон Российской Федерации от 08.08.2001 № 129-ФЗ ((ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета. 2001. № 153-154.

³ Более подробно, см. : Суслов А.А., Белькова Е.Г. Отказ от государственной регистрации юридических лиц // Юрист. 2019. № 8

создание условий для надлежащей реализации своего права»¹. От классических обязанностей их отличает то, что неисполнение кредиторской обязанности не влечет ответственности для ее носителя, который сам заинтересован в том, чтобы данные действия были осуществлены.

Подобные «обязанности» в обязательственном праве имеют определенное сходство и с конструкцией «бремя собственника» в вещном праве. Ведь и в первом, и во втором случае речь идет о наличии естественного стремления, основанного на личном интересе, в том, чтобы совершить все необходимые действия для достижения того результата, ради которого лицо стремилось стать участником правоотношений. В вещном – сохранить объект права собственности для осуществления правомочий владения, пользования, распоряжения, в обязательственном – получить вещь, результат работ, услугу и т.п. ради которой заключался договор или произошло вступление в правоотношение. И в том, и в другом случае от носителя данной «обязанности» требуется совершение неких действий в собственном интересе, что приведет к нужному для участника правоотношений итогу.

Готовя инфраструктуру для приема товара, предъявляя вексель или предоставляя земельный участок для строительства – участник обязательственных правоотношений делает это исключительно для себя, управомоченное лицо отсутствует. Однако говорить о полном отсутствии ответственности также нельзя, поскольку в определенных случаях, не совершая этих действий, может наступить просрочка кредитора, что, в свою очередь, повлечет обязанность возместить убытки. Кроме того, просрочка кредитора является основанием к отказу от удовлетворения требований о начислении пеней за просрочку исполнения на стороне должника: «суды первой и апелляционной инстанций, ... взыскали с ответчика сумму неосвоенного аванса и отказали во взыскании пеней, сделав вывод о том, что оснований для взыскания пеней за нарушение

¹ Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. С. 349.

срока выполнения второго этапа работ не имеется, поскольку заказчик не предоставил подрядчику для строительства земельный участок»¹.

Именно поэтому отказ от исполнения кредиторских обязанностей вполне допустим. Отказываясь от их исполнения, кредитор, по сути, вредит самому себе, не достигает желаемого результата и удовлетворения собственного интереса. Основываясь на общих принципах гражданского законодательства о том, что граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, следует сделать и обратный вывод о том, что утрата интереса может сопровождаться отказом от достижения желаемого результата. Самое главное, чтобы при этом не нарушались права и интересы других участников гражданских правоотношений.

Таким образом, подведем итог в отношении долженствований. Отказ от долженствований, составляющих содержание гражданско-правовых обязанностей недопустим, однако именно в том случае, когда отказ от исполнения обязанностей является установленным законом способом защиты гражданских прав, подобное поведение является правомерным. Отказ от кредиторских обязанностей следует рассматривать как возможный, если при этом не нарушаются права и интересы других участников гражданских правоотношений, что дает основание пополнить перечень объектов отказа и включить туда: кредиторские и юридические обязанности².

¹ Определение Верховного Суда РФ от 10.02.2017 № 303-ЭС16-21371 по делу № А24-4567/2015 // (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

² Суслов А.А. Долженствования как объекты отказа // Общество, право, личность: историко-правовые, философские и социологические предпосылки развития экономики шестого технологического уклада : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–20 апр. 2018 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол. : И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. Выпуск седьмой. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018. С. 169-171.

ГЛАВА 3. НЕПРАВОМЕРНЫЙ ОТКАЗ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

§ 1. Понятие и правовые последствия неправомерных отказов

Как было отмечено в первой главе, законодательство в одних случаях прямо указывает на саму недопустимость отказов, в других – предусматривает их ничтожность в случае совершения. Таким образом, применительно к указанным отказам, возможно применение терминов «недопустимый» или «неправомерный» отказ. В свою очередь, неправомерный или недопустимый отказ влечет негативные последствия в виде его недействительности (как правило, ничтожности). Таким образом, в дальнейшем недопустимый и неправомерный отказ будут использоваться как синонимы, а недействительность отказа рассматриваться как следствие его неправомерности (недопустимости).

Дореволюционные цивилисты, в частности Г.Ф. Шершеневич, отмечали, что отказаться (по терминологии правоведа – отречься) можно только от имущественных прав: «относительно чисто личных прав, связанных с самой личностью активного субъекта, отречение недопустимо. Нельзя отречься от прав мужа, опекуна, отца, от присвоенной лицу по закону дееспособности, права вступать в договор, от права прибегать к судебной защите»¹.

Напрямую гражданское законодательство говорит о недопустимости лишения и ограничения правоспособности и дееспособности гражданина (ст. 22 ГК РФ), недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (ст. 308.3 ГК РФ), недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства (ст. 310 ГК РФ), о случаях недопустимости зачета (411 ГК РФ). Кроме этого, при наследовании выморочного имущества отказ от наследства не допускается (ст. 1157 ГК РФ), не допускается отказ от наследства с оговорками или под условием (ст. 1158 ГК РФ); отказ лица, осу-

¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005. С. 43.

ществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы не допускается (ст. 426 ГК РФ).

Присутствуют в ГК РФ и указания на недопустимость отказов, адресованных суду: при причинении вреда жизни или здоровью гражданина отказ в возмещении вреда не допускается (1083 ГК РФ); суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности (ст. 393 ГК РФ).

Отказ как неправомерное действие влечет, согласно большинству норм гражданского законодательства, его ничтожность. Однако, прежде чем обратиться к анализу доктрины и судебной практики по вопросу о признании отказов ничтожными, приведем нормы, установленные законодательством, в которых прямо закреплено такое последствие. Речь идет о ничтожности отказа в отношении следующих прав:

- прав лица, которому выдана доверенность и прав лица, выдавшего доверенность на отказ от полномочий, отмену доверенности или передоверие во всякое время (ст. 188 ГК РФ);

- прав доверителя на отмену поручения и права поверенного отказаться от него во всякое время (ст. 977 ГК РФ);

- прав участника партнерства на ознакомление со всей документацией партнерства¹;

¹ Федеральный закон от 03.12.2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7058.

- прав залогодателя на получение разницы между суммой, вырученной в результате обращения взыскания на заложенное имущество и размером обеспеченного залогом требования залогодержателя¹;
- прав гражданина на получение вклада по первому требованию (ст. 837 ГК РФ);
- прав гражданина на подготовку и предоставление плана реструктуризации его долгов²;
- прав заказчика по договору бытового подряда на отказ от исполнения договора в любое время до сдачи ему работы (п. 2 ст. 731 ГК);
- прав должника и являющегося третьим лицом залогодателя на прекращение в любое время до реализации предмета залога обращения на него взыскания и его реализацию, исполнив обеспеченное залогом обязательство или ту его часть, исполнение которой просрочено³;
- прав на отказ от бессрочного договора простого товарищества (ст. 1051 ГК РФ);
- права залогодателя завещать имущество;⁴
- личных неимущественных прав автора (п. п. 1, 2 ст. 1228 ГК);
- прав плательщика по расторжению договора постоянной ренты путем выкупа (п. 3 ст. 592 ГК);
- прав участников полного товарищества знакомиться со всей документацией по ведению дел товарищества (п. 3 ст. 71 ГК), участвовать в распределении прибыли и убытков указанного товарищества (п. 1 ст. 74 ГК), устранение или ограничение ответственности участников полного товарищества по

¹ Федеральный закон от 21.12.2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6687.

² Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

³ Аналогичное регулирование предусмотрено положениями ст. 54.1 «Основания для отказа в обращении взыскания на заложенное имущество» Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (в ред. Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 405-ФЗ): Ушаков А.А. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный). 2-е издание, перераб. и доп. М.: Деловой двор, 2015.

⁴ Алексеева Е.В., Комиссарова Е.Г., Микшис Д.В., Торкин Д.А., Труба А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2016. (к ст. 37)

его долгам либо отказа от права выхода из товарищества (п. 3 ст. 75 и п. 2 ст. 77 ГК); право на выход из товарищества.

Объяснений того, почему от тех или иных прав нельзя отказаться под страхом ничтожности, законодатель и доктрина практически не содержат.

Современные ученые не часто формулируют эти причины. Так, ничтожность соглашения об отказе от личных неимущественных прав автора поясняется тем, что «...все физические и юридические лица, а также само государство должны воздерживаться от посягательств (нарушений) на личные неимущественные права граждан»¹, их непередаваемостью и неотчуждаемостью²; ничтожность отказов от прав лица, которому выдана доверенность и прав лица, выдавшего доверенность на отказ от полномочий, отмену доверенности или передоверие во всякое время конституирующим значением для доверенности³; невозможность отказа от права составить завещания, отменить или изменить его – личным характером завещательных распоряжений⁴.

Объяснение, которое смогло бы охватить все перечисленные случаи запрета отказа, сформулировать действительно проблематично. Вместе с тем, видно, что наибольший вес обозначенных ситуаций касается защиты более слабой стороны в гражданско-правовых отношениях: бытовой подряд, авторские права, банковский вклад, доверенность. Безусловно, что далеко не все названные случаи можно этим объяснить, но все же не констатировать их преобладающий характер было бы ошибочным.

Усложняется ситуация с объяснением причин законодательных решений о ничтожности отказов или их возможностью также непоследовательностью норм гражданского законодательства. Так, ученые, исследуя проблему недопустимости отказов по ст. 67 ГК РФ, указывают на следующее: по ГК РФ

¹ Андреев Ю.Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: Монография. М. : Норма, Инфра-М, 2011. СПС Консультант Плюс

² Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти Российской Федерации: монография / под ред. И.А. Близнеца, Л.А. Новоселовой. М. : Проспект, 2015. СПС Консультант Плюс

³ Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М. : Статут, 2010. СПС Консультант Плюс

⁴ Гришаев С.П. Наследственное право: учебно-практическое пособие. М. : Проспект, 2011. гл. II, § 1 СПС Консультант Плюс

такой отказ ничтожен, в Федеральном законе от 08.02.1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» прямо указано на наличие подобных прав (ст. 10), но про ничтожность отказа от них не упоминается, а Федеральный закон от 26.12.1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» ни об этих правах, ни о ничтожности отказов от них не говорит. Как это следует понимать? – задается исследователь справедливым вопросом¹.

Помимо указанных случаев, прямо закрепленных в законе, ряд примеров можно обнаружить в судебной практике и доктринальных исследованиях. Так, Верховный Суд РФ указал, что «заранее заключенное соглашение об отказе кредитора от права требовать присуждения судебной неустойки является недействительным, если в силу указания закона или договора либо в силу существования обязательства кредитор не лишен права требовать исполнения обязательства в натуре (пункт 1 статьи 308.3 ГК РФ)². Еще один пример из судебной практики касается положений четвертой части ГК РФ: Односторонний отказ от принудительной лицензии недопустим³.

В юридической литературе приводятся следующие случаи ничтожности отказов: отказ отца в брачном договоре от предъявления претензий матери по

¹ Ученый пытается ответить на него и указывает, что «по нашему мнению, эту твердую формулировку ГК РФ надо понимать следующим образом: поскольку Закон об акционерных обществах этого вопроса не регулирует, то действует правило ГК РФ о том, что и здесь отказ от этого права невозможен. Значит, теперь можно, фигурально выражаясь, выгнать противодействующего участника не только из общества с ограниченной ответственностью, но и из непубличного акционерного общества. Это правило не распространяется на публичные акционерные общества. А почему собственно? Ведь если участник будет специально противодействовать нормальной деятельности общества, то, может быть, законодательно предусмотренное исключение его из общества было бы разумным? Опять-таки, практика подскажет, стоит ли это делать». // Мусин В.А. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации // Арбитражные споры. 2016. № 1. С. 90-95.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. № 70.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 года «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 6.

поводу определения ребенка в школу, секции и т.п.¹или отказ нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания².

Анализ указанных случаев ничтожности отказа, ранее никем не систематизированных, позволяет утверждать, что относительно небольшое, но и не мизерное, количество случаев, в которых прямо закреплена ничтожность отказов от прав, должно свидетельствовать (в силу диспозитивности норм гражданского права), что такое последствие в других случаях применять недопустимо. Это должно означать, что от всех других прав и их осуществления, участники гражданских правоотношений вправе отказаться, не опасаясь за их действительность.

Вместе с тем, как уже неоднократно обращалось внимание в данной работе, в российской доктрине и судебной практике обосновывается обратное. Отсутствие прямого негативного последствия в виде ничтожности еще не дает основание быть уверенными, что такой отказ не будет признан недействительным, только по причине того, что он прямо не разрешен нормами гражданского законодательства.

Согласится с таким положением дел в отечественной доктрине и судебной практике нельзя. Практически каждое из основных начал гражданского законодательства свидетельствует о недопустимости провозглашения тезиса о том, что отказ возможен лишь тогда, когда он прямо разрешен. Речь идет о недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, о том, что гражданские права приобретаются и осуществляются участниками

¹ Вот еще один интересный пункт рассматриваемого соглашения: «Отец, в свою очередь, обязуется не предъявлять к матери каких-либо претензий, связанных с определением ребенка в школу, секции и т.д.». Родители обязаны совместно решать подобные вопросы, и отказ отца от этого права ничтожен. См. : Тарасенкова А.Н. Правовые аспекты семейных отношений: ответы на вопросы и комментарии (выпуск 13). // Библиотечка «Российской газеты». 2014. Выпуск 13. 144 с.

² Помимо этого, брачным договором нельзя предусматривать положения, ограничивающие право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания, так как в соответствии со ст. 89 СК РФ супруги обязаны материально поддерживать друг друга и в случае отказа от такой поддержки и отсутствия соглашения между супругами об уплате алиментов нетрудоспособный нуждающийся супруг имеет право требовать предоставления алиментов от другого супруга в судебном порядке. Отказ от этого права недействителен. См. : Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю., Малышев В.А., Спектор А.А. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2008. (к ст. 42).

гражданских правоотношений в своем интересе и по своему усмотрению, о свободе договора и свободе в установлении прав и обязанностей.

Сохраняются тенденции к негативному восприятию отказа и в настоящее время, хотя все больше ученых, констатируя существование данной проблемы, высказывают свое несогласие. Так, при анализе общих вопросов о свободе договора, ученые указывают, что примеров необоснованных ограничений российским законодательством и судебной практикой свободы договора можно привести много, а иллюстрируя это примерами, авторы демонстрируют ту легкость и безосновательность, с которыми в России попирается принцип свободы договора. «Ни в одной из развитых стран столь легкое расставание с презумпцией свободы договора без приведения сколько-нибудь серьезных и убедительных политико-правовых аргументов представить себе достаточно сложно»¹.

Сфера отказа от субъективных прав и их осуществления является ярким примером попрания такой свободы. Абсолютно обосновано ученые возлагают надежду на изменение подходов правоприменительной практики в связи появлением п. 6 ст. 450.1 ГК РФ, в котором закреплен институт waiver. Л.Ю. Василевская справедливо указывает, что «Новелла пункта 6 ст. 450.1 ГК РФ призвана изменить сложившуюся судебную-арбитражную практику. Известно, что до введения указанной новеллы судами, по сути, был установлен запрет на отказ от любого субъективного гражданского права, если это не было прямо разрешено законом. Поэтому соглашения, по которым допускались отказ или ограничение права, часто признавались недействительными»².

К сожалению, п. 6 ст. 450.1 ГК РФ является лишь частичным решением проблемы, поскольку касается только договорных отношений. Отказы в сфере вещных прав, а также иных обязательственных прав остаются вне сферы ее

¹ Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: В 2 т. Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. Т. 1. М. : Статут, 2012. (гл. 1, § 2). СПС Консультант Плюс

² Василевская Л.Ю. Институты иностранного права в Гражданском кодексе Российской Федерации: новое регулирование - новые проблемы // Судья. 2016. № 10. С. 10-13.

действия. Да и правоприменение в данной области отношений еще не сформировалось и продолжает исходить из квалификации императивности определенных норм гражданского законодательства, что позволяет судам формулировать вывод о том, что отступление от такой императивности делает отказ ничтожным. Именно это утверждение положено в основу решения Президиума ВАС РФ о признании условия договора оказания услуг о выплате неустойки за реализацию права на отказ от договора ничтожным именно в силу того, что ст. 782 ГК РФ является императивной¹.

Примером некоторой положительной тенденции в этом вопросе, является определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 февраля 2018 г. № 306-ЭС14-6837 по делу № А65-19446/2011², признавшего допустимым заключение соглашения между двумя арбитражными управляющими, в рамках которого один из них при определении размера своего вознаграждения отказался от права на получение процентов. Апелляционная инстанция, сославшись на п. 2 ст. 9 ГК РФ, прямо указала на то, что данное соглашение является ничтожным отказом от права. Высшая судебная инстанция со ссылкой на положения ГК РФ о свободе договора и об осуществлении субъективных прав по собственному усмотрению не признала данный отказ отказом от права, однако, не квалифицировав его вид, допустила легитимность условий по отказу. Вышеуказанное подтверждает, что подход к возможности отказов в российском правопорядке постепенно изменяется и его ничтожность уже не является практически гарантированной, как это имело место некоторое время тому назад. Однако для формирования устойчивой положительной судебной практики требуются усилия научного сообщества по выработке целостного представления о недействительных отказах.

Со ссылкой на императивность норм гражданского права делают свои выводы и ученые. В ряде случаев указание на императивность нормы лишь

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 7 сентября 2010 г. № 2715/10. // Вестник ВАС РФ. 2010. № 11.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 февраля 2018 г. № 306-ЭС14-6837 по делу № А65-19446/2011 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 9.

является «усилением» и так прямо закрепленного последствия в виде ничтожности такого отказа¹. В других же случаях, отказ от определенных прав объявляется ничтожным только потому, что, по мнению исследователя, наличие такого права императивно закреплено законом. Для иллюстрации приведем утверждение ученого о договоре розничной купли-продажи, в котором недопустимо устанавливать условие об отказе от права на обмен товара, поскольку подобная возможность установлена ст. 502 ГК РФ, носящей императивный характер².

Не оспаривая последний из приведенных примеров содержательно, обратим внимание, что в последние годы суды и ученые кардинально изменили свой подход к характеристике норм гражданского права в качестве императивных и диспозитивных. Известное Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»³, в котором изменены акценты по квалификации норм в качестве императивных и диспозитивных, должно учитываться и в том случае, если речь идет о признании отказов ничтожными. Напомним, что в указанном Постановлении четко зафиксировано, что «если норма не содержит явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного в ней, и отсутствуют критерии императивности, указанные в пункте 3 настоящего постановления, она должна рассматриваться как диспозитивная. В таком случае отличие условий договора от содержания данной нормы само по себе не может служить основанием для признания этого договора или отдельных его условий недействительными по статье 168 ГК РФ». Это очень важный момент для преодоления сложившегося в современной российской действительности «док-

¹ Так, в частности, М.В. Кратенко указывает, что «право заказчика работы (услуги) отказаться от исполнения договора с возмещением исполнителю фактически понесенных расходов закреплено императивной нормой. Любые условия договора, ограничивающие данное право заказчика, являются ничтожными (п. 2 ст. 731 ГК РФ) (См: Кратенко М.В. Защита прав потребителей услуг: Справочник. М. : Проспект, 2010. СПС КонсультантПлюс.)

² Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2011. СПС КонсультантПлюс.

³ Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

трины ничтожности отказов». Вероятно, что ряд отказов от прав, действительно, должен считаться ничтожным, даже если такого последствия прямо не содержится в тексте ГК РФ, когда речь идет о защите особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.), недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон. Именно поэтому вышеприведенный пример о признании ничтожным отказа потребителя от права на обмен недовольственного товара следует признать корректным: данная норма должна считаться императивной в силу цели законодательного регулирования указанных отношений. Вместе с тем это абсолютно не означает, что все иные нормы гражданского права (в которых без приставки «если иное не установлено договором»), содержащие права участников гражданско-правовых отношений, должны считаться императивными, а отказ от этих прав – ничтожным.

Используя терминологию международного частного права, нормы, в которых прямо закреплено негативное последствие в виде ничтожности отказов, следует признать сверхимперативными¹. Иные нормы, в которых закреплены определенные права участников гражданских правоотношений, могут быть признаны императивными, а отказы от этих прав ничтожными – в случаях, установленных в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16. В остальных же случаях, отказ от прав и отказ от осуществления прав представляется законным и допустимым.

Такая логика присутствует у ученых, например, при анализе возможности отказов от исключительного права на использование результата интеллектуальной деятельности: «В отличие от личных неимущественных прав, для которых ГК РФ прямо определил, что отказ от них ничтожен (п. п. 1, 2 ст. 1228

¹ Прочитируем важные для нашего исследования положения учебной литературы по международному частному праву: «В этой связи представляется возможным с учетом конкретных обстоятельств наделять свойством сверхимперативности некоторые нормы российского законодательства, регулирующие взаимоотношения доверителя и поверенного, подрядчика и заказчика, перевозчика и грузоотправителя и содержащие безусловные предписания о ничтожности соглашения об отказе от права одностороннего расторжения договора, о праве контроля заказчика за ходом работ или о пределах ответственности перевозчика» // Международное частное право: В 2 т.: Учебник. Том 1. / под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой. М.: Статут, 2011. КонсультантПлюс

ГК), для исключительного права на использование результата интеллектуальной деятельности соответствующее правило не установлено», что дает основание для вывода, что возможен отказ от осуществления данного права¹.

Однако в этом примере присутствует еще один, как представляется, неверный вывод. Речь идет о констатации того факта, что отказаться можно лишь от осуществления права, отказаться же от самого права нельзя, потому что это прямо не разрешено законом. Данный тезис, уже приводившейся ранее в работе, ярко демонстрирует устоявшийся подход: коль скоро прямо в тексте ГК РФ возможность отказа не предусмотрена, значит и отказ от права невозможен. Усилить подобную аргументацию можно и примерами тех ситуаций, где односторонний отказ прямо разрешен или по-другому, как отмечают исследователи, допускается императивной нормой. К таким ситуациям ученые относят² право страхователя (выгодоприобретателя) – в договоре страхования³, право комитента в договоре комиссии⁴, право поклажедателя в договоре хранения⁵, право получателя постоянной ренты⁶.

Считаем невозможным согласиться с утверждением о том, что в гражданском праве возможно лишь то, что прямо разрешено законом. Следуя этой логике, нельзя было бы говорить ни о какой свободе, инициативности, диспозитивности и равноправии в гражданском праве. Ведь в теории права аксиомой является утверждение о том, что метод правового регулирования predetermined совокупностью способов, типов и других способов правового регулирования, а общедозволительный тип регулирования, характерный для гражданского права, в свою очередь именно так и формулируется: дозволено все,

¹ Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69 – 71 / под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2014. КонсультантПлюс

² Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. Книга 1. 3-е издание, стереотипное. М. : Статут, 2001. КонсультантПлюс

³ п. 2 ст. 958 ГК

⁴ п. 1 ст. 1003 ГК

⁵ ст. 904 ГК

⁶ в случаях, предусмотренных в ст. 593 ГК

кроме того, что прямо запрещено¹. Одной из целей общедозволительного правового регулирования называется создание для субъектов благоприятных условий реализации субъективных прав². Не оспариваем, что в гражданском праве можно встретить примеры и разрешительного правового регулирования, действующего по формуле «разрешено то, что разрешено», но это является исключением из общего правила.

Исходя из вышесказанного можно выделить следующие виды отказа с точки зрения его квалификации в качестве действительного или недействительного:

- отказы, запрещенные в сверхимперативных нормах. Такие отказы можно предложить именовать «безусловно ничтожными», поскольку они прямо признаются таковыми нормами закона.

Правоприменители не испытывают сложностей при разрешении споров в отношении указанных видов отказа. Прямо закрепленное в законе последствие в виде ничтожности, приводит к тому, что число споров в отношении данных видов отказа незначительно. Так, судами было проигнорировано существование в договоре постоянной ренты такого условия: право на выкуп постоянной ренты плательщиком ренты может быть осуществлено при жизни получателя ренты только с его согласия. Со ссылкой на ст. 592 ГК РФ требования истца о недействительности отказа поддержаны не были³. Аналогичным образом суд квалифицировал условие договора оказания услуг потребителю о том, что уплаченные заказчиком суммы в счет услуг не возвращаются вне зависимости от обстоятельств, за исключением случаев невозможности оказания услуг Исполнителем по его же вине или в результате наступления обстоя-

¹ См., например, Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. М. : Юрайт, 2002. С. 344-345.

² Попова О.О. Институциональный подход к исследованию предвыборной агитации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 57-61.

³ Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 05.06.2014 по делу № 33-7424/2014 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

тельств непреодолимой силы. Другими словами, суд счел такие условия, затрудняющие отказ от договора, условиями, которые не соотносятся с правами гражданина-заказчика, предусмотренными п. 1 ст. 782 и ст. 731 ГК РФ¹.

- отказы, запрет которых вытекает из императивных норм гражданского законодательства. Такие отказы можно признать ничтожными только при квалификации соответствующих норм в качестве императивных, критерии которых закреплены в Постановлении № 16 («условно ничтожные»).

Ошибок в квалификации норм в качестве императивных судебными органами, вероятно, избежать полностью не удастся. Справедливая критика учеными приведенных выше примеров из судебной практики лишь подтверждает этот тезис.

- отказы, прямо разрешаемые нормами гражданского законодательства («безусловно действительные»).

Данные виды отказа, по сравнению с другими, исследованы наиболее подробно. Наличие легально закрепленных норм об отказе от права собственности, отказе от договора и осуществления прав по договору, является предпосылкой к обращению к данным вопросам в российской цивилистике. Однако, даже данные виды отказа, с наименьшими коллизиями в правовом регулировании и правоприменительной практике, проанализированы далеко не полным образом.

- отказы, не запрещенные гражданским законодательством. Такие отказы нельзя признавать ничтожными, если они касаются правовых возможностей, закрепленных диспозитивными нормами гражданского права («условно действительные»).

Указанное свидетельствует о том, что вопрос о квалификации гражданско-правовых норм на императивные или диспозитивные является основной

¹ Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 14.05.2014 по делу № 33-1814/2014 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

проблемой для признания отказа в качестве действительного или недействительного. В науке гражданского права и в судебных решениях необходимо проводить тезис о том, что сложившаяся «доктрина недопустимости отказа от прав» в России основывается на нескольких основных ошибочных постулатах («мифах»), которые нуждаются в переосмыслении:

- любой отказ недопустим, поскольку отказ от правоспособности и дееспособности ничтожен в соответствии со ст. 22 ГК РФ;

- для того, чтобы отказ был легитимен, закон должен прямо разрешить возможность его совершения;

- если отказ от права прямо не разрешен, то в определенных случаях возможен лишь отказ от его осуществления (со ссылкой на ст. 9 ГК РФ).

Обратимся теперь непосредственно к ничтожности как к последствию неправомерного отказа. Отказ как юридический факт (односторонняя сделка, соглашение) подчиняется всем правилам о недействительности сделок, установленным гражданским законодательством.

В юридической литературе, говоря о недействительности, давно выделяют ее виды в зависимости от того, следствием чего она является: следствием невозможности достижения желаемого правового результата или несоблюдения установленного порядка его достижения. При этом предметом дискуссии является следующий вопрос: всегда ли запрет влечет невозможность достижения правового результата, а неисполнение обязанности действовать определенным образом не приводит к достижению в принципе возможного правового результата. Так, Д.О. Тузов полагает, что ст. 22 ГК РФ является примером невозможности достижения правового результата и спорит с теми цивилистами, кто обосновывает следующее: «Аннулирование такой сделки... преследует цель восстановления нарушенной правоспособности (дееспособности) гражданина путем отрицания юридической значимости такой сделки»¹. Аргу-

¹ Жицинский Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права. Воронеж, 1968. С. 40 - 43, 97 - 103

ментами автора против такого понимания выступают то, что нарушить правоспособность или дееспособность невозможно, а значит нельзя и восстановить¹. Кроме того, Д.О. Тузов со ссылкой на позицию О. Э. Лейста утверждает, что не существует и никакого запрета на совершение подобных сделок, ибо установление любого запрета изначально предполагает возможность его нарушения². Соответственно, делается вывод о том, что охранять запретительными нормами то, что и так не может быть нарушено, бессмысленно, а также о том, что такая сделка должна считаться несовершенной, поскольку ее совершение ничего не меняет в существующих правоотношениях.

Разграничение запрета и недействительности можно встретить и в международных актах. Так, в ст. 12 Конвенции № 132 Международной организации труда «Об оплачиваемых отпусках (пересмотренная в 1970 году)» закреплено: Соглашения об отказе от права на минимальный ежегодный оплачиваемый отпуск, предусмотренный пунктом 3 статьи 3 настоящей Конвенции, или о неиспользовании такого отпуска с заменой его компенсацией в денежной или иной форме признаются, в соответствии с национальными условиями, недействительными или запрещаются³.

Применительно к отказу данная дискуссия имеет определенный смысл. Дело в том, что отказ от правоспособности (по обоснованной выше позиции – отказ от реализации правоспособности) не предполагает совершения активных действий, а, наоборот, предполагает воздержание от их совершения. Соответственно, для правопорядка, запретившего отказ, главное, чтобы он не состоялся и не повлек правовых последствий. Это может быть достигнуто путем признания сделки либо несовершенной, либо недействительной. Недействительность нужна, в первую очередь, для того, чтоб применить последствия недействительности (в частности, реституцию). Однако в отношении отказа от

¹ Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. гл. I, § 3. СПС Консультант Плюс

² Там же.

³ ст. 12, Конвенция № 132 Международной организации труда «Об оплачиваемых отпусках (пересмотренная в 1970 году)» (принята в г. Женева 24.06.1970 года на 54-ой сессии Генеральной конференции МОТ) КонсультантПлюс

реализации правоспособности применение таких последствий бессмысленно: отказавшись от чего-либо, лицо просто не совершало тех действий, которые могло бы совершить. Таким образом, отсутствует и практический смысл признания данной сделки ничтожной.

Вместе с тем, полагаем, что принципиального практического значения данная дискуссия не имеет. Введением положений о ничтожности отказа достигается основная цель – для правопорядка такая сделка не влечет правовых последствий.

В дополнение к проанализированному выше вопросу об отказе как юридическом факте, следует обратить внимание, что законодатель не раз подтверждает мысль о том, что отказ может быть выражен не только как одностороннее волеизъявление, но и может быть закреплен в соглашении сторон. Обратим внимание на формулировки ГК РФ. Ст. 67 ГК РФ закрепляет право участника хозяйственного товарищества или общества требовать исключения другого участника из товарищества или общества, если такой участник своими действиями (бездействием) причинил существенный вред. При этом устанавливается, что ничтожным является отказ от этого права. А в ст. 71 ГК РФ установлено право каждого участника товарищества независимо от того, уполномочен ли он вести дела товарищества, получать всю информацию о деятельности товарищества и знакомиться со всей документацией по ведению дел. Однако в данной норме указано следующее: отказ от этого права или его ограничение, **в том числе по соглашению участников товарищества** (выделено мною – А.С.), ничтожны. В ст. 77 ГК РФ также ведется речь ни о ничтожности самого отказа, а соглашения об отказе: «Соглашение между участниками товарищества об отказе от права выйти из товарищества ничтожно», как и в ст. 188 ГК РФ о ничтожности соглашения, ограничивающего возможность отказа от прав отменить доверенность, передоверие или отказаться от нее. Вместе с тем, ст. 1228 ГК РФ говорит о ничтожности самого отказа от прав авторства, права на имя и иных личных неимущественных прав автора.

Следовательно, в одних случаях закон считает ничтожным только сам отказ как одностороннее волеизъявление, в других – только соглашение об отказе от определенных прав, в третьих, признает ничтожным и отказ как одностороннюю сделку, и соглашение с третьими лицами об отказе от данных прав.

Подобные различия, как представляется, не случайны. Когда речь ведется о недопустимости соглашений об отказе от определенных прав, в большей части в юридической литературе это трактуется как нормы, корреспондирующие ст. 22 ГК РФ. Другими словами, речь идет о том, что ничтожность подобных соглашений детализирует норму о недопустимости отказа от правоспособности и дееспособности. Так, например, правоведы отмечают, что «Рассматриваемое положение... (ст. 71 ГК РФ – А.С.) соответствует общей норме п. 3 ст. 22 "Недопустимость лишения и ограничения правоспособности и дееспособности гражданина" части первой ГК РФ, согласно которой полный или частичный отказ гражданина от правоспособности или дееспособности и другие сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, ничтожны, за исключением случаев, когда такие сделки допускаются законом»¹. Пункт 2 ст. 188 ГК РФ приводят в качестве примера ничтожности сделки, направленной на ограничение правоспособности или дееспособности гражданина, которая прямо предусмотрена положением законодательного акта². Исследуя положения ст. 1233 ГК РФ о том, что условия договоров, ограничивающие право гражданина создавать результаты интеллектуальной деятельности определенного рода или в определенной области интеллектуальной деятельности либо отчуждать исключительное право на такие результаты другим лицам, отказы от данных прав, ничтожны, ученые отмечают, что эти положения корреспондируют ст. 22 ГК РФ и полагают, что «...подобные условия в соответствии со ст. 22, 168 ГК РФ можно считать ничтожными, несмотря на

¹ Борисов А.Н. Комментарий к главе 4 части первой Гражданского кодекса РФ «Юридические лица» (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2014. (к ст. 71).

² Борисов А.Н., Игнатов С.Л., Ушаков А.А. Комментарий к главе 3 части первой Гражданского кодекса РФ «Граждане (физические лица)» (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2013. (к ст. 22)

то, что в большинстве случаев актеры по своей воле подписывают договоры с подобными условиями¹.

Авторская позиция в отношении отказа от правоспособности была сформулирована ранее. Тем не менее, в добавление к уже высказанным аргументам о том, далеко не во всех примерах речь идет о правоспособности, отметим, что подобные толкования не выглядят логичными. Зачем закреплять частные случаи ничтожности отказа от правоспособности, если в ст. 22 ГК РФ установлено общее правило?

Представляется, что данные ситуации необходимо рассматривать как прямо закрепленные в законе случаи, при которых отказ от реализации отдельных элементов правоспособности не разрешается. Только в этом случае закрепленные ситуации запрета на совершение определенных видов отказа выглядят логичными и обоснованными. Подобная характеристика полностью укладывается в обоснование ранее выдвинутого тезиса о том, что отказ от реализации отдельных способностей, входящих в содержание правоспособности возможен, если в законе прямо не предусмотрено, что такой отказ ничтожен.

§ 2. Отдельные виды неправомерных отказов

Как было указано в предыдущем параграфе, в некоторых случаях законодатель говорит о недопустимости определенных видов отказов, при этом не устанавливая, что они являются ничтожными. Соответственно, такие недопустимые отказы могут влечь иные, помимо ничтожности, последствия. В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О

¹ Нельзя не отметить, что автор тут же высказывает сомнения в ничтожности указанных ограничений. В частности, пишет, что «Однако, с другой стороны, существование современной мировой практики заключения договоров с актерами на подобных условиях, попытка всмотреться в существо правоотношения и историческая подоплека вопроса позволяют усомниться в ничтожности указанных ограничений. Еще Г.Ф. Шершеневич приводил не чуждый русскому законодательству пример из практики парижского суда, когда артист по контракту с антрепренером одного театра обещал не участвовать на сценах других театров Парижа, но вопреки обещанию неоднократно участвовал в спектаклях других театров, за что этот артист был принудительно удален со сцены театра, в котором он играл вопреки договору. См.: Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. М. : Статут, 2007. (гл. 4, § 3).

некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»¹ установлено, что совершение одностороннего отказа от исполнения обязательства тогда, когда это не предусмотрено законом, иным правовым актом или соглашением сторон, по общему правилу, не влечет юридических последствий, на которые он был направлен. Одновременно с этим, в указанном Постановлении также отмечается, что при одностороннем отказе от исполнения обязательства сторона должна действовать разумно и добросовестно. Совершение допустимого отказа, но с нарушением указанных требований, может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным одностороннего отказа от его исполнения (п.14).

Например, в случае, если организатор открытых торгов отказался от их проведения с нарушением сроков, указанных в ст. 448 ГК РФ, он обязан возместить участникам понесенный ими реальный ущерб.

Еще одно особое последствие неправомерного отказа относится к сфере отказа от заключения публичного договора: при необоснованном уклонении коммерческой организации от заключения публичного договора заинтересованная сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить данный договор.

Недопустимость отказа от наследства в определенных случаях, закрепленных ГК РФ², не сопровождается наступлением соответствующих юридических последствий. Вместе с тем в юридической литературе данные случаи недопустимости отказов трактуются как специальные основания для признания сделки недействительной.

¹ Российская газета. 2016. № 275.

² Гражданское законодательство (п. 1 ст. 1157 ГК РФ) предусматривает случай, когда отказ от наследства не допускается. Недопустимость отказа возникает при наследовании выморочного имущества, которое в порядке наследования по закону переходит в собственность Российской Федерации или муниципальных образований.

Таким образом, основная цель правовых норм, связанных с недопустимым отказом – воспрепятствовать наступлению тех последствий, которые неправомерно желали участники гражданских правоотношений. В большинстве своем это достигается с помощью классического для гражданского права приема – признания сделки (отказа) недействительной. Вместе с тем, когда такого последствия недостаточно для восстановления нарушенных прав и интересов, законодатель закрепляет особые последствия. Признание ничтожным отказа заключить публичный договор не решит проблем пострадавшей стороны; именно для этого предусмотрен механизм понуждения к его заключению.

Проанализируем некоторые виды недопустимых отказов, закрепленных в российском гражданском законодательстве, более подробно.

Отказ от заключения публичного договора. Данный вид отказа специфичен тем, что является отступлением от основных начал гражданского законодательства, в которых закреплена свобода гражданско-правового договора. Устанавливая недопустимость такого отказа, законодатель тем самым защищает более слабых участников гражданско-правовых отношений¹.

При этом, вроде бы очевидные и четкие положения законодательства в отношении публичного договора, тем не менее, не приводят к однозначным доктринальным оценкам отдельных аспектов проблематики отказа от его заключения.

Так, отсутствие права отказать в заключении публичного договора одни ученые считают признаком его публичности². В частности, С.П. Гришаев

¹«Публичный договор – указывают в юридической литературе – представляет собой интересную гражданско-правовую конструкцию, является ярчайшим примером взаимодействия в гражданско-правовом регулировании частных и публичных начал, поскольку императивные нормы, регулирующие публичный договор, призваны сохранить баланс интересов сторон, способствуют реализации частноправовых принципов свободы договора, автономии воли и равенства сторон» (Шапсугова М.Д. Проявления публичности публичного договора в российском праве // Гражданское право. 2016. № 3. С. 4.)

² Публичность договора выражается в отсутствии у коммерческой организации права отказать в заключении договора, если ей направлена оферта о заключении договора о передаче товара, выполнении работ, оказании услуг, являющихся предметом деятельности этой коммерческой организации (Гаряева Е.Ю. Правовое регулирование отношений, возникающих при помещении ценностей в банковскую ячейку: монография. М. : Проспект, 2016. (гл. 3, § 1) СПС Консультант Плюс

прямо пишет: «Таким образом, можно выделить следующие признаки публичного договора. 1. Коммерческая организация не вправе отказать потребителю в заключении публичного договора при наличии у нее возможности предоставить потребителю соответствующие товары, работы, услуги»¹.

Другие, анализируя признаки публичного договора, относят к ним лишь правовой статус лица, обязанного заключить публичный договор и характер деятельности, осуществляемой организацией (соответственно, недопустимость отказа в качестве его признака не называется)².

Третьи, выделяют такой признак публичного договора только с точки зрения различных подходов к характеристике публичности. В частности, такая идея отражена в работе М.Д. Шансуговой³.

Представляется, что рассматривать недопустимость отказа от заключения публичного договора в качестве его квалифицирующего признака нельзя. Это не та характеристика, которая превращает договор в публичный, а последствие квалификации соответствующего договора в качестве публичного. Лишь признав, что перед нами публичный договор, можно ставить вопрос о том, что нельзя отказывать в его заключении.

В юридической литературе по проблематике публичного договора, достаточно часто поднимается вопрос о том, необходимо ли прямое указание в законе на публичность договора или возможно определение его публичной природы на основании тех признаков, которые указаны в ст. 426 ГК РФ. С одной стороны, имеется открытый перечень деятельности, осуществление которой производится по публичному договору, с другой, существует прямое указание специальных норм ГК РФ о публичности того или иного договора (банковский вклад, складское хранение, прокат, личное страхование и т.д.). Можно

¹ Гришаев С.П. Защита прав потребителей. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2016. гл. 2, § 8,

² См, например, Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. М.: Юридическая фирма «Контракт»; ИНФРА-М, 1997. С. 687 (гл. 2, § 1); Баранов С.Ю. Гражданско-правовые средства охраны прав потребителей. М.: Статут, 2014. СПС Консультант Плюс

³ Автор отмечает, что публичность договора по методу регулирования проявляется, в том числе, в недопустимости для лица, осуществляющего приносящую доход деятельность, отказа от заключения договора (см.: Шансугова М.Д. Указ. соч. С. 5.)

было бы апеллировать к тому, что ГК РФ готовился в условиях смены экономических отношений, а потому, в целях конкретизации наиболее уязвимых общественных отношений, основным акт в сфере гражданского оборота, детализировал и прямо указал на публичность отдельных гражданско-правовых договоров. Однако примеры такого прямого законодательного решения продолжают и в настоящее время. Так, в ч. 3 ст. 36 ФЗ РФ «О государственном кадастре недвижимости» прямо закреплено, что договор подряда на выполнение кадастровых работ относится к числу публичных договоров¹.

Этот вопрос имеет непосредственное отношение к отказу, поскольку только квалификация договора в качестве публичного, дает основание говорить о недопустимости отказа в его заключении. Соответственно, только суд, в случае возникновения спора, будет иметь возможность дать квалификацию договора в качестве публичного или отказать в такой квалификации, либо признать отказ правомерным на основании принципа свободы договора, либо признать его недопустимым.

Одним из самых ярких примеров из судебной практики, является ситуация с квалификацией в качестве публичного кредитного договора. Несмотря на то обстоятельство, что кредитная организация отказала в заключении конкретного вида кредитного договора (банк является участником программы государственной поддержки сельскохозяйственных производителей, предусматривающей субсидирование процентной ставки по кредиту за счет бюджета субъекта Российской Федерации) и суды нижестоящих инстанций усмотрели наличие всех признаков публичного договора, ВАС РФ отказал в подобной квалификации (само по себе участие банка в государственной программе поддержки сельскохозяйственных производителей не изменяет природу кредитного договора)².

¹ Лисунов С.К. Комментарий к Федеральному закону «О государственном кадастре недвижимости»: постановки. М. : Деловой двор, 2015. (к ст. 36). СПС Консультант Плюс

² Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 г. № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

Именно поэтому, правоведаы полемизируют по вопросу об отнесении к числу публичных различных видов гражданско-правовых договоров в том случае, если в нормах гражданского законодательства отсутствует прямое указание на их публичность. Так, обосновываются, к примеру, следующие положения:

- «Представляется, что договор управления многоквартирным домом, заключаемый с управляющей организацией, обладает признаками публичных договоров, регулируемых ст. 426 ГК РФ»¹;

- «подобный подход ... находит свое отражение в специальной литературе, в которой распространено мнение о том, что договор газоснабжения через присоединенную сеть является публичным договором в силу характера деятельности по газоснабжению...»²;

- «перевозки транспортом общего пользования осуществляются на основании договора перевозки пассажира, обладающего признаками публичности»³;

- «договор банковского счета, не обладая всеми необходимыми признаками публичного договора, не может быть квалифицирован ни в качестве публичного договора, ни в качестве договора, "близкого" к публичному договору»⁴.

Такие дискуссии важны, в первую очередь, для правоприменения, поскольку суды постоянно вынуждены квалифицировать те или иные договоры в качестве публичных, либо отказывать в такой квалификации. Из практики последних лет приведем примеры об отказе в признании статуса публичного

¹ Тихомиров М.Ю. Управление многоквартирным домом: новые требования законодательства. М.: Издательство Тихомирова М.Ю., 2014. СПС Консультант Плюс

² Гришина А.Е., Пузилов А.С. Комментарий к Федеральному закону от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2013. (к ст. 18)

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (постатейный) / Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бирюкова Т.А., Барышев С.А., Вахрушева Ю.Н., Долотина Р.Р., Елизарова Н.В., Закиров Р.Ю., Захарова Н.А., Иванишин П.З., Морозов С.Ю., Михалева Т.Н. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2014. (к ст. 786)

⁴ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. Книга 5. Т. 2. М.: Статут, 2006. СПС Консультант Плюс

договора на уровне судебных решений следующих договоров: о предоставлении торгового места (или торговых площадей)¹, об энергоснабжении между абонентом и субабонентом²; об уступке права требования³; о предоставлении железнодорожных путей необщего пользования для транзитного проезда вагонов⁴.

Указанные примеры можно продолжать⁵. В то же время, полагаем, что требуются ясные ориентиры для квалификации договора в качестве публичного и границы судебного усмотрения в данном вопросе должны быть четко определены.

Вернемся к вопросу о правовой природе возможности отказа от заключения публичного договора. В юридической литературе ученые аргументируют позицию, согласно которой данное право нельзя относить к вторичным правам, потому что фактическая возможность отказа присутствует в любом случае. Это, по мнению ученых, свидетельствует об отсутствии «претерпевания» со стороны лица, к которому делегировано такое право⁶. Однако, нельзя отождествлять недопустимость отказа и фактическую невозможность отказа. Ведь законодатель установил ситуации, при которых отказ от заключения публичного договора все же возможен (именно в этом случае у лица возникает именно вторичное право на отказ от заключения договора). Однако правового последствия в виде ничтожности отказа, совершенного за рамками данного вторичного права, явно недостаточно. Это требует от законодателя

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.04.2016 № Ф04-441/2016 по делу № А27-3506/2015 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.10.2015 № Ф07-7592/2015 по делу № А56-27514/2014 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29.11.2017 № Ф03-3900/2017 по делу № А73-17152/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.05.2017 № Ф05-2933/2017 по делу № А40-104411/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

⁵ «поскольку в указанных обстоятельствах подавляющее большинство абонентов не обладают ни статусом, ни признаками энергоснабжающих организаций, а абоненты в жилищной сфере – зачастую и статусом коммерческой организации, на субабонентский договор не мог быть распространен режим публичного договора» (Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: В 3 т. Т. 1. / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. (ст. 545). СПС Консультант Плюс)

⁶ Кравченко А.А. К вопросу об определении правовой природы вторичных прав // Законодательство и экономика. 2015. № 2. С. 51.

установления адекватных последствий нарушения обязанности по заключению публичного договора. Данное последствие выражается в понуждении к заключению такого договора в судебном порядке, причем управомоченное лицо имеет право эту возможность и не осуществлять. Следует обратить внимание, что наличие такого последствия не всегда защищает пострадавшую от необоснованного отказа в заключении договора сторону. В определенных случаях, которые следует отнести к наиболее социально значимым и затрагивающих большое число участников, законодатель вводит дополнительное «стимулирование» для сильной стороны данных отношений, закрепляя административную ответственность. Например, такая ответственность установлена за необоснованный отказ от заключения публичного договора страхования (ст. 15.34.1. КоАП РФ).

С точки зрения доктрины, полагаем, что наличие обязанности по заключению публичного договора сужает правоспособность лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, в содержании которой отсутствует право отказать в заключении данного договора. Однако такое, нетипичное для гражданского права императивное ограничение правоспособности лица, как справедливо обращают внимание исследователи в области защиты прав потребителей, компенсируется возможностью использования другого гражданско-правового инструментария: «с одной стороны, контрагент потребителя не имеет права отказать потребителю в заключении договора, с другой – он сам определяет все условия заключаемого с потребителем договора. При этом конструкция договора присоединения не исключает, а дополняет конструкцию публичного договора в реализации договора с участием потребителя»¹.

¹ Баранов С.Ю. Гражданско-правовые средства охраны прав потребителей. М.: Статут, 2014. Гл. 2, § 1. КонсультантПлюс

Кроме того, как известно, из этого правила существует исключение, закрепленное в ст. 426 ГК РФ: при отсутствии возможности предоставить потребителю соответствующие товары, услуги, выполнить для него соответствующие работы, право отказать в заключении публичного договора вновь возникает в содержании правоспособности данного лица. Причем сама коммерческая организация должна доказать невозможность заключения конкретного договора с конкретным потребителем. Чаще всего речь идет о технической невозможности заключить договор (например, в связи с отсутствием необходимого оборудования)¹.

Судебная практика по данному вопросу достаточно насыщена. Обратим внимание лишь на то обстоятельство, что суды жестко подходят к оценке действий коммерческой организации, способных привести к признанию отказа правомерным. Так, ОАО РЖД отказывало в заключении договоров оказания услуг по перевозке грузов на условиях исполнения перевозчиком обязательств, возложенных на него ст. 791 ГК РФ, мотивируя это ситуацией отсутствия свободных вагонов. Антимонопольный орган и суды пришли к выводу о том, что само по себе то обстоятельство, что ОАО «РЖД» в ходе структурной реформы на железнодорожном транспорте передало основной вагонный парк грузовым компаниям, не освобождало его от необходимости соблюдения установленной федеральным законом обязанности по заключению публичных договоров перевозки грузов железнодорожным транспортом в вагонах, имеющих код принадлежности перевозчика. ОАО «РЖД» надлежало осуществить все возможные и зависящие от него мероприятия для создания реальной возможности заключения и исполнения соответствующих договоров. Однако ОАО «РЖД» не совершило надлежащих действий по привлечению грузовых вагонов для осуществления перевозок грузов в отношении значительного

¹Гришаев С.П. Указ. соч. Защита прав потребителей. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2016. Гл. 2, § 8. СПС Консультант Плюс

числа грузоотправителей, отказывая в согласовании заявок по не предусмотренным законом основаниям (отсутствие вагонов)¹.

При этом Верховный суд РФ еще раз подчеркнул, что бремя доказывания того обстоятельства, что у лица, обязанного заключить публичный договор, отсутствует возможность передать товары, выполнить соответствующие работы, оказать услуги, возлагается на данное лицо².

Одновременно с этим, в действующем законодательстве допускаются ситуации закрепления случаев снятия с лица обязанности по заключению публичного договора и признания отказов от его заключения правомерными³. Такие ситуации, свидетельствуют о существенном вмешательстве публичного права в частно-правовую сферу. Ученые в качестве примера приводят⁴ положения общеизвестного Федерального закона № 115-ФЗ, в рамках которого прописано право кредитной организации отказаться от заключения договора банковского счета (вклада) в случае наличия подозрений о том, что целью заключения такого договора является совершение операций в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма.

Данные положения, расширяющие возможности по отказу от заключения публичного договора, с одной стороны, демонстрируют применение принципа свободы договора. Однако, с другой стороны, для кредитной организации отказ от заключения публичного договора в указанном случае является не

¹ Карасева С.Ю. Обзор практики рассмотрения дел Верховным Судом РФ (подготовлен для системы КонсультантПлюс) // СПС КонсультантПлюс. 2014.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

³ Так, п. 5. ч. 1. ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», в которой запрещаются действия (бездействия) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, указывается, что отказ можно будет считать недопустимым, если он а) экономически или технологически не обоснован; или б) прямо не предусмотрен федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами уполномоченных федеральных органов исполнительной власти или судебными актами. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

⁴ Башлаков-Николаев И.В. О некоторых аспектах ограничения свободы договора антимонопольным законодательством (о возможности отказа от заключения договора лицом, занимающим доминирующее положение на товарном рынке) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. СПС «КонсультантПлюс»

правом, а обязанностью, неисполнение которой повлечет ответственность, вплоть до лишения лицензии.

Полагаем, что расширительное толкование ст. 426 ГК РФ в части признания правомерности отказов от заключения публичных договоров, недопустимо. Руководствоваться исключительно публичным интересом и напрямую вмешиваться в гражданско-правовой оборот нельзя. Как минимум, требуется внесение изменений в ГК РФ и предшествующая этому экспертная дискуссия.

Такие предложения уже обсуждаются в юридической литературе. Так, для борьбы с недобросовестными участниками гражданского оборота, в частности, предлагается допустить закрепление в нормах ГК РФ возможности для обязанного лица отказать в заключении публичного договора контрагенту, который ранее существенно нарушил аналогичный договор. Исследователь обосновывает данный вывод ссылкой на формирующуюся практику банков, магазинов и т.п. по отказу в заключении договоров лицам, находящимся в так называемых черных списках, или стоп-листах¹.

Не возражая и не поддерживая данные предложения, применительно к теме диссертационного исследования, еще раз подчеркнем, что основной источник гражданского законодательства провозглашает недопустимость отказов от заключения публичного договора и устанавливает лишь одно исключение из этого правила. Это означает, что расширительно толковать данные положения нельзя, а увеличение перечня случаев возможности отказов может происходить только после внесения изменений в ст. 426 ГК РФ.

Недопустимый отказ от наследства. В цивилистических исследованиях в области наследственного права отказу от наследства уделяется серьезное внимание, поскольку его можно отнести к его традиционным институтам².

¹ Кирпичев А.Е. Система санкций за нарушение договора: меры ответственности, меры оперативного воздействия, расторжение договора и неюридические санкции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 12.

² См., например, Цыпляева Е.В., Демидова Г.С. Принятие наследства и отказ от наследства: вопросы теории и практики: монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. 125 с.; Гушин В.В., Добровинская А.В. Отказ наследника от права на наследство как акт одностороннего волеизъявления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. С. 34-37; Кирилловых А.А. Прием наследства и отказ от него: правовые позиции и некоторые проблемы правоприменительной практики // Законодательство и экономика. 2015. № 4. С. 27;

Гарантированная государством возможность по отказу от наследства трактуется как одно из базовых проявлений конституционного права наследования и принципов диспозитивности и автономии воли в гражданских отношениях¹.

Аксиоматичными являются следующие утверждения в отношении данного права: отказ от наследства необратим, отказ от наследства не может быть изменен, отказ от наследства не может быть частичным. Соответственно, «осуществлением права на отказ от наследства происходит исчерпание самого права и его одномоментное прекращение, поскольку это право состоит из одной единственной возможности установить (преобразовать) конкретное юридическое отношение посредством односторонней сделки»². Данный вывод можно проиллюстрировать следующим тезисом, с которым нельзя не согласиться: «одномоментные секундарные права принципиально ненарушимы с момента начала их реализации, поскольку момент начала реализации совпадает с моментом прекращения права»³.

Его нельзя осуществить частично, а потому нельзя и сказать, как в отношении субъективных прав, что отказ от отдельных правомочий является отказом от их осуществления, но не отказом от всего права. Как отмечается в юридической литературе «... реализация правомочия на отказ от наследства прекращает право наследования и у наследника не остается тех правомочий, которые можно было бы осуществить, чтобы заявить новый отказ от наследства с другим содержанием либо, не отказываясь от наследства, принять наследство»⁴.

Право на отказ от наследства как секундарное право в определенных случаях, установленных законом, является недопустимым и не может быть реализовано. Указание на то обстоятельство, что отказ является недопустимым

Серебровский В.И. Фактическое непринятие наследником наследства и отказ его от наследства // Правоведение. 1972. № 3. С. 46-53.

¹ Смирнов С.А. Направленный отказ от наследства: проблемы правового регулирования // Наследственное право. 2014. № 1. С. 32-37.

² Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. Т. 7. 2007. № 2. С. 211.

³ Кравченко А. А. Секундарные права в российском гражданском праве. С. 12.

⁴ См., например, Кузнецова О.А. Отказ от наследства: вопросы теории и правоприменительной практики // Юрист. 2016. № 2. С. 27.

означает, что право на отказ у наследника не возникает, а значит нельзя отказаться от того, чего нет. Такую ситуацию, как представляется, можно отнести, по терминологии, предложенной В. А. Беловым, к состоянию неправа (бесправия): это такое юридическое состояние определенного вполне правоспособного лица, которое характеризуется тем, что то или иное право (субъективное или секундарное) не может быть осуществлено или вовсе ему не принадлежит¹. В этом случае совершение данных действий расценивается как неправомерное поведение.

Следует заметить, что ограничение возможностей по совершению отказов в российском наследственном праве, является достаточно значительным. Так, о недопустимости отказа ГК РФ говорит в следующих случаях:

- в отношении лиц, не указанных в п. 1 ст. 1158 ГК РФ (направленный отказ);
- от имущества, наследуемого по завещанию, если все имущество наследодателя завещано назначенным им наследникам (направленный отказ);
- от обязательной доли в наследстве (направленный отказ);
- если наследнику подназначен наследник (направленный отказ);
- отказ с оговорками или под условием;
- отказ от части причитающегося наследнику наследства;
- отказ от наследования выморочного имущества.

Недопустимым можно считать и отказ от наследства в случае, когда наследником является несовершеннолетний, недееспособный или ограниченно дееспособный гражданин. Однако это так лишь в том случае, если не было получено предварительного разрешения органа опеки и попечительства.

Поскольку отказ, совершенный в нарушение установленных запретов, будет считаться неправомерным действием, то, соответственно, это действие (односторонняя сделка) должна считаться недействительной. И хотя прямо в

¹ Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право. М., 2011. С. 359, 361.

статьях третьей части ГК РФ недействительность не называется как последствие совершения подобных недопустимых отказов, именно таким образом данные основания трактуются как в доктрине, так и в судебной практике. В частности, их называют специальными основаниями недействительности отказа от наследства¹. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в юридической литературе встречаются и противоположные суждения, заключающиеся в том, что защита права посредством оспаривания отказа наследника от наследства как недействительной сделки невозможна², а также предложения трактовать данные действия через призму конструкции «злоупотребления правом»³.

Поскольку отказ от наследства совершается только прямым выражением волеизъявления наследника путем подачи по месту открытия наследства нотариусу или уполномоченному в соответствии с законом выдавать свидетельства о праве на наследство должностному лицу заявления наследника об отказе от наследства, то вероятность исков о признании отказов от наследства недействительными, по идее, должна быть невелика. Однако анализ судебной практики демонстрирует обратное.

Дадим характеристику лишь некоторым из случаев признания судами отказов недействительными по причине их недопустимости.

Отказ от части причитающегося наследнику наследства. Один из трех наследников по закону (М.Н.) обратился в суд к двум другим (Ю.Ю., А.Ю.) о признании ничтожными отказов от наследства. Между указанными лицами было заключено соглашение о разделе наследственного имущества. Для заключения соглашения наследники обратились к нотариусу. Истец пояснил суду, что между ней и одним из наследников (Ю.Ю.) была достигнута догово-

¹ Медвецкая О.А. Недействительность отказа от наследства в судебной практике // Наследственное право. 2014. № 2. С. 18-22.

² Сизина О.С. Отказ от принятия наследства несостоятельным наследником // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 165 - 168.

³ Шibaева Е.Н. Злоупотребление правом в условиях отказа от наследства // Современный юрист. 2020. № 3. С. 59-68.

ренность следующего содержания: часть наследства, находящегося в Белоруссии, переходит истцу, а часть наследства, находящегося в Санкт-Петербурге, переходит ответчику. При оформлении соглашения, нотариус рекомендовала сторонам оформить отказы от указанных частей наследства и одновременно с этим приняла у ответчика (Ю.Ю.) заявление о принятии наследства. После этого истица обратилась к нотариусу в Белоруссии для принятия причитающейся ей части наследства, которой пояснил, что заверенные отказы от наследства в силу закона не могут быть приняты к исполнению, и направила ответчикам (Ю.Ю. и А.Ю.) уведомление о необходимости вступления в наследство, что ими и было сделано. Защищая свои интересы, истец потребовала признать состоявшиеся отказы от наследства недействительными, как противоречащие закону на основании того, что не допускается отказ от части наследства и отказ от наследства под условием.

Судебные инстанции удовлетворили иск, признав, что, отказываясь от части наследства, наследники фактически преследовали цель разделить наследство по соглашению. Наследственное имущество, находящееся в Республике Беларусь, должно было перейти истцу М.Н., а имущество, находящееся на территории РФ - ответчику Ю.Ю. При таком положении, суд первой инстанции, разрешая спор по существу, пришел к верному выводу об удовлетворении заявленного иска, поскольку каждый из наследников (М.Н. и Ю.Ю.), подписывая оспариваемые отказы, фактически отказывались только от части имущества, что недопустимо в силу прямого указания на то ч. 3 ст. 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации¹.

Указанное означает, что наследники имеют право реализовывать свои намерения в отношении наследственного имущества «по частям» путем заключения соглашения о разделе наследственного имущества (ст. 1165 ГК РФ),

¹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.07.2015 № 33-11436/2015 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

а не путем отказа от части наследства, что прямо противоречит положениям законодательства.

Применительно к данному виду недопустимого отказа от наследства, судебная практика также достаточно часто сталкивается с ситуациями незнания наследниками всего состава наследственного имущества. Отказавшись от наследства в отношении имущества о существовании которого им известно, позднее, узнав о наличии иного имущества, наследники пытаются признать состоявшийся отказ недействительным. Так, например, суды оценивают аргументы о том, что воля истца на отказ от наследства была направлена исключительно на непринятие только того наследства, которое открылось на день смерти матери, о причитающейся ему доли в спорной квартире наследник не знал¹. Так же среди наиболее часто встречающихся следует отметить иски о признании отказов недействительными по причине их совершения под влиянием заблуждения: ссылаясь на состояние здоровья, истица указала, что «плохо слышала нотариуса и не поняла его разъяснений о недопустимости отказа от части наследства, в результате чего отказалась от всего наследства»².

Отказ от наследства под условием. Под условием в юридической литературе понимается включенное в сделку определение, посредством которого наступление или прекращение действия сделки по воле сторон поставлено в зависимость от будущего неизвестного обстоятельства³. Вместе с тем, несмотря на тот факт, что наследственное право признается исторически первой сферой, в которой предположительно началось применение условий⁴, эта же сфера является представителем редких для гражданского права запретов их применения.

¹ Кассационное определение Смоленского областного суда от 24.05.2011 по делу № 33-1596 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

² Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 05.06.2014 по делу № 33-7750/2014(документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

³ Крашенинников Е.А. Условие в сделке: понятие, виды, допустимость // Очерки по торговому праву: Сб. науч. тр. Вып. 8. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2001. С. 3.

⁴ Громов С.А. Спорные аспекты учения об условных сделках. М.: Статут, 2008. СПС Консультант Плюс

Так, Г. В. Бертгольдт в конце XIX в. писал, что «точный и буквальный смысл сихъ законовъ показываетъ, что благопріобретенное имущество можетъ быть завещано или безусловно, или на известныхъ условіяхъ... Само собой разъясняется, что завещатель не можетъ налагать на избранного наследника условій противозаконныхъ...»¹.

В ГК РСФСР под условиями не допускалось принятие наследства, в ГК РФ под условием и с оговорками не допускается не только принятие наследства, но и отказ от него. Ограничения по применению условий в данных случаях объясняются тем, что заключение условной сделки и связанное с ним состояние подвешанности противоречит публичному интересу².

Неоднозначная трактовка российскими судами норм гражданского законодательства о запрете отказов под условием привела к формированию недостаточно аргументированного подхода к разрешению данных категорий споров. Продемонстрируем его типовым примером из судебной практики³.

После заведения наследственного дела, истец (Ц.А.) отказался от причитающейся ему доли в пользу ответчика (П.Ю.) путем подачи заявления нотариусу. Ответчик не отрицала факта того, что между наследниками (истцом и ответчиком) была достигнута договоренность о том, что истец отказывается от наследства в виде доли в праве собственности на жилое помещение, а П.Ю. не будет в дальнейшем претендовать на долю в другом жилом помещении.

Факт того, что такая договоренность была достигнута ранее, чем Ц.А. отказался от наследства, суд посчитал, что отказ от доли в счет наследственной доли после смерти отца является отказом под условием.

В аргументации суда обращается внимание на то обстоятельство, что при совершении юридически значимых действий по отказу от причитающейся

¹ Бертгольдт Г. В. Условные завещательные распоряжения и подназначение наследника (субинституция): сборник кассационных решений правительственного сената. М., 1897. С. XII.

² Крашенинников Е.А. Условие в сделке: понятие, виды, допустимость. С. 3-17.

³ Сулов А.А. Отказ от наследства под условием // Нотариус. 2017. № 4.

доли в наследстве волеизъявление истца Ц.А. не было направлено на безусловный и безоговорочный отказ от наследства. Этот отказ был обусловлен договоренностью с П.Ю. об отказе от доли в счет наследственной доли после смерти отца, т.е. под условием¹.

Из приведенного примера видно, что существование «условия», позволившего суду квалифицировать отказ как недействительный, содержится не в отказе от наследства, принятого нотариусом, а в другом договоре (соглашении), наличие которого подтвердили стороны. Таким образом, нотариусами удостоверяются и принимаются отказы, в которых не включены никакие условия, их наличие нигде не фиксируется. Другим словами, сам отказ от наследства как односторонняя сделка является безусловным. Одновременно с этим, в ином соглашении, заключаемом в устной или письменной форме, совершение действий по отказу привязывается к выполнению другой стороной определенных действий: дарением имущества, куплей-продажей недвижимости и др.

Следует согласиться с тем, что условие есть средство расширения частной автономии. Е. А. Крашенинников уточнял, что при помощи условия мотивирующее сделку обстоятельство, которое само по себе не имеет значение для ее действия, может быть включено в содержание сделки. И, наконец, дает воздействовать на другое лицо, не возлагая на него обязанности, посредством побуждения его 1) к совершению известного действия; 2) к воздержанию от совершения известного действия².

Представляется, что суды ошибочно трактуют заключение таких соглашений как наличие условия. Такое соглашение, содержащее договоренность по формуле «я сделаю для тебя что-то, если ты откажешься», должно рассматриваться в отрыве от самой односторонней сделки отказа. Сам отказ никакими условиями не ограничен. У лица наличествует прямое волеизъявление на то, чтобы не становиться наследником, после выражения этой воли отсутствует

¹ Апелляционное определение Ростовского областного суда от 28.11.2016 по делу № 33-20842/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс.

² Крашенинников Е.А.. Условие в сделке: понятие, виды, допустимость. С. 17.

какое-либо «состояние подвешанности и неопределенности», правовые последствия отказа от наследства наступают немедленно.

Другое правоотношение, мотивирующее наследника отказаться от наследства, никоим образом не влияет на совершенный отказ и не является для него условием. Подчеркнем, что наличие условия (какого-то обстоятельства) должно вызвать неопределенность, поскольку наступление действия сделки поставлено в зависимость от наступления данного условия. В рассматриваемом случае такого не происходит. Ситуация складывается с точностью до наоборот: совершение отказа становится обязанностью стороны по сделке. Вместе с тем, ГК РФ не запрещает, чтобы отказ от наследства становился обязанностью стороны, а запрещает отказ под каким-то другим условием.

В решениях судов присутствуют правильные, на наш взгляд, примеры толкования того обстоятельства, что отказ как односторонняя сделка и соглашение, в котором содержится обязанность стороны отказаться от наследства, являются разными правоотношениями, смешивать которые нельзя. Так, например, указывается, что в ст. 1158 ГК РФ речь идет о недействительности самого отказа, а не данного соглашения. Вместе с тем, приведенные доводы судов неправильно интерпретируются в юридической литературе. Так, С. А. Смирнов отмечает, что несмотря на безвозмездный характер сделки направленного отказа, на практике распространены судебные акты, в которых такая сделка признается по иску наследника недействительной, т.к. он не получил обещанного встречного предоставления имущества¹. Вместе с тем, обращение к текстам решений судов, на которые ссылается автор, дает основания для иных выводов. В одном из решений было установлено², что между Е.Г. и Г.А. было подписано соглашение. Согласно одного из пунктов данного

¹ Смирнов С.А. Направленный отказ от наследства: проблемы правового регулирования // Наследственное право. 2014. № 1. С. 32-37.

² Решение Басманного районного суда г. Москвы от 30 августа 2011 г. по делу № 2-2756/11. <https://rospravosudie.com/court-basmannyj-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-100507816/>

соглашения, Г.А. принял на себя обязательство обратиться к нотариусу по месту открытия наследства и подать заявление об отказе от наследства в пользу Е.Г. В соответствии со следующим пунктом заключенного обязательства Е.Г. обязуется в течение установленного срока с момента оформления на её имя права собственности на наследственное имущество (или любую его часть) приобрести на имя Г.А. автомобиль определенной марки. Стороны не отрицают факт заключения данного соглашения.

В итоге суд даже не обсуждает вопрос об исполнении или неисполнении данного обязательства, взятого на себя Е.Г. Бухаровой, а лишь опровергает довод о его недействительности в силу ст. 1158 ГК РФ, в соответствии с которой отказ от наследства под условием не допускается, в связи с тем, что совершение отказа под условием влечёт недействительность самого отказа, а не сделки, которая стала условием для его совершения.

Соответственно, сам факт установления судом наличия каких-либо условий, без выяснения вопроса об их исполнении, уже само по себе является основанием для признания отказа недействительным. В ряде случаев суды выясняют обстоятельства подобных соглашений, в первую очередь, с целью установления самих фактов наличия в них условий¹.

Резюмируя, отметим, что не разделяем аргументацию судебных решений, в которых квалифицируют заключение соглашений, стимулирующих наследника к отказу от наследства, в качестве условных сделок. Нам представляется бесспорным, что целью законодательной нормы о недопустимости отказа под условием является исключение состояния правовой неопределенности («подвешанности»), которая может быть спровоцирована неопределенностью наступления/ненаступления условия и, соответственно, неопределенностью наступления правовых последствий в виде определения собственника наследственного имущества. Сложившаяся судебная практика исказила цель

¹ См., например, Апелляционное определение Брянского областного суда от 25 июня 2013 г. по делу № 33-1861/13 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

правовой нормы и сузила пределы принципа свободы договора, запретив заключать соглашения, пусть и непоименованные, но и не противоречащие гражданскому законодательству. Кроме того, в определенной степени, такая практика судов провоцирует участников на недобросовестное поведение: наследник может брать на себя подобные обязательства, потом отказываться от наследства, получать встречное удовлетворение и признавать отказ недействительным. Положительное решение суда о признании недействительными соглашений, содержащих отказ в качестве условия, далеко не гарантировано, поскольку никаких запретов на заключение подобных соглашений в законодательстве нет¹.

Направленный отказ от обязательной доли. Согласно нормам гражданского законодательства и цели регулирования отношений по передаче обязательной доли, отказ от нее не может быть направленным, т.е. совершенным в пользу конкретных лиц. Это вполне объяснимо, поскольку положения закона об обязательной доле – есть вмешательство публичного правопорядка в личное волеизъявление наследодателя (т.е. частных лиц) и направлено на защиту исключительно определенных категорий граждан от несправедливого (опять же по меркам публичного права) решения наследодателя. Вместе с тем запретить вообще отказаться от обязательной доли, естественно, нельзя. Для гарантии прав лиц, имеющих права на обязательную долю, последствия такого отказа должны быть разъяснены данному лицу нотариусом. Так, согласно Методическим рекомендациям по оформлению наследственных прав наследник, имеющий право на обязательную долю, подает заявление нотариусу о том, что с содержанием завещания он ознакомлен, его право на обязательную долю в наследстве ему разъяснено, но он не претендует на получение обязательной

¹ Сулов А.А. Отказ от наследства под условием // Нотариус. 2017. № 4.

доли. Он вправе также просить выдать ему свидетельство о праве на обязательную долю в наследстве в меньшем размере, чем предусмотрено законом, причитающейся ему доли¹.

В любом из этих случаев: полного ли отказа от обязательной доли, либо частичного отказа его последствия одинаковы. Вместе с тем, как и в случаях с иными видами отказа от наследства, отказ от обязательной доли в наследстве может быть признан недействительным. Так, в судебной практике немало примеров признания отказов недействительными по причине того, что наследник «...при совершении ... отказа от обязательной доли в наследстве, открывшемся после смерти его супруги, находился в состоянии, не позволяющим ему понимать в полной мере значение своих действий и руководить ими, суд пришел к правильному выводу о признании недействительным ... заявления Г.Н.Ф. об отказе от обязательной доли в наследстве, открывшемся после смерти, о признании за Г.Н.Ф. права на обязательную долю в наследстве, поскольку указанные истцом в обоснование иска обстоятельства нашли свое подтверждение»².

Проиллюстрировав применение общих оснований признания отказа от обязательной доли недействительным, обратимся к вопросам признания недействительным отказа от обязательной доли в том случае, если он носил направленный характер. В силу того, что отказ от наследства контролируется нотариусом, сложно себе представить ситуацию удостоверения отказа, прямо и однозначно запрещенного законом³. Однако это не означает, что в практике не встречаются подобного рода дела.

Приведем следующий пример.

¹ Методические рекомендации по удостоверению завещаний, принятию нотариусом закрытого завещания, вскрытию и оглашению закрытого завещания (утв. решением Правления ФНП от 01 - 02.07.2004, протокол № 04/04) // Нотариальный вестник. 2004. № 9.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 24.11.2016 по делу № 33-46567/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

³ Лиджиева С.Г. Принятие и отказ от обязательной доли // Нотариус. 2016. № 2. С. 12-15.

Ч.М. обратился с заявлением о принятии наследства после смерти отца к нотариусу.

Ч.А. оформила у нотариуса отказ по всем основаниям наследования от причитающейся ей доли на наследство, оставшегося после смерти сына Ч.В. в пользу его сына Ч.М.

После этого оказалось, что существует завещание, в соответствии с которым Ч.В. завещал квартиру иностранной гражданке – Д.

Ч.А. обратилась с заявлением к нотариусу о принятии наследства и выдаче свидетельства о праве на наследство по праву обязательной доли после смерти сына Ч.В.

Ч.А. обратилась в суд с требованием о признании недействительным отказа от наследства по всем основаниям. Суд первой инстанции пришел к выводу об удовлетворении исковых требований, поскольку Ч.А. в силу закона имеет право на обязательную долю, а согласно ч. 1 ст. 1158 ГК не допускается отказ в пользу других лиц из числа наследников по завещанию или наследников по закону любой очереди, не лишенных наследства, в том числе в пользу тех, которые призваны к наследованию по праву представления или в порядке наследственной трансмиссии от обязательной доли в наследстве.

Другими словами, суд первой инстанции посчитал, что в этом случае произошел направленный отказ, который не допускается.

Однако суд вышестоящей инстанции, в целом защитив интересы истицы, тем не менее, по иному, и, на наш взгляд, совершенно правильно, квалифицировал существовавшие правоотношения: «Судебная коллегия не может согласиться с выводом суда, поскольку Ч.А. не отказывалась от причитающейся ей обязательной доли. Ч.А. оформила отказ от причитающейся ей доли на наследство по всем основаниям наследования, при этом она исходила из того, что имеет право наследовать по закону, как и ее внук Ч.М. Поскольку истица не заявляла отказа о праве на обязательную наследственную долю, ее исковые требования о признании отказа от доли по всем основаниям наследования не могут быть удовлетворены. При этом судебная коллегия принимает

во внимание, что права Ч.А. на обязательную долю не нарушены, поскольку она своевременно обратилась с заявлением к нотариусу о принятии наследства и выдаче свидетельства о праве на наследство по праву обязательной доли»¹.

Отказ от выморочного имущества. Категоричный запрет отказа от выморочного имущества не дает оснований для какого-то иного толкования указанной нормы. Вместе с тем отказ как односторонняя сделка должен быть явно выражен, а публичные органы, названные в качестве наследников вымороченного имущества, зачастую не совершают никаких активных действий, что создает ситуацию правовой неопределенности.

Так, А.И. Бычков справедливо отмечает, что «отказ от выморочного имущества не допускается, хотя на практике зачастую имеет место бездействие уполномоченных органов и нежелание принимать такое имущество на баланс, что влечет необходимость для банка судебной защиты своих прав»².

Позиция Высшего Суда РФ на этот счет известна и она достаточно категоричная, что дает основание исследователям формулировать следующие основополагающие выводы: «Выморочное имущество, при наследовании которого отказ от наследства не допускается, со дня открытия наследства переходит в порядке наследования по закону в собственность, соответственно, Российской Федерации, муниципального образования, города федерального значения Москвы или Санкт-Петербурга в силу фактов, указанных в п. 1 ст. 1151 ГК РФ, без акта принятия наследства, а также вне зависимости от оформления наследственных прав и их государственной регистрации»³.

Таким образом, любые действия публичного органа не могут рассматриваться как проявление действий по отказу от наследства, поскольку даже при их наличии, они в качестве таковых квалифицированы быть не могут. И в этом кроется, в том числе, и момент для злоупотреблений со стороны публичных

¹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 22.05.2014 по делу № 33-7028/2014 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

² Бычков А.И. О рисках и спорах по кредитному договору (гл. IV, § 1). М. : Инфотропик Медиа, 2016. СПС КонсультантПлюс

³ Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Настольная книга судьи по делам о наследовании: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2013. СПС КонсультантПлюс

органов: не нужно предпринимать никаких действий, не нужно выражать свою волю, не нужно ставить в известность иных участников гражданских правоотношений о своих намерениях по поводу наследства, поскольку они определены законом и суд при любых спорных ситуациях встанет на защиту такого «публичного» наследника. Так, попытки граждан, более 16 лет проживших в комнате, доля в которой являлась вымороченным имуществом, осуществлявших содержание и оплату коммунальных услуг и относившихся к этому имуществу как к своему собственному, признать право собственности на эту долю в порядке приобретательной давности не нашли поддержки у вышестоящих инстанций. Хотя следует заметить, что первая инстанция, посчитала возможным иск удовлетворить. Апелляционная инстанция пришла к другому выводу: «Таким образом, абзац второй п. 1 ст. 1152 ГК РФ исключает принятие наследства в отношении выморочного имущества, поскольку его переход к субъектам, определенным в п. 2 ст. 1151 ГК РФ¹, обусловлен не их волеизъявлением, а прямым указанием закона, в силу чего отказ этих субъектов от принятия выморочного имущества в качестве наследства не допускается. При таком положении, учитывая, что после смерти П. с 1996 года никто наследство умершего не принял, его доля в праве собственности на жилое помещение является выморочным имуществом, переходящим в порядке наследования по закону в собственность города Москвы со дня открытия наследства»².

Рассмотрев случаи недопустимого отказа от наследства, следует констатировать, что законодатель, руководствуясь публичными интересами, существенно сузил сферу частного усмотрения применительно к отказу от наследственных прав. Вместе с тем, некоторые из установленных запретов неправильно квалифицируются судами, что приводит к еще большему сужению пра-

¹ В ст. 1151 ГК РФ были внесены изменения Федеральным законом от 03.07.2016 № 333-ФЗ «О внесении изменений в статью 225 части первой и статью 1151 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4266.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 04.03.2014 г. по делу № 33-6982 А (документ опубликован не был) // КонсультантПлюс

вовых возможностей. В первую очередь, это касается складывающейся судебной практики по вопросу о недопустимости отказов от наследства под условием, которую необходимо изменять.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определив общие признаки для всех отказов в гражданском праве, исследовав отказ с точки зрения различных цивилистических учений, оценив существующие доктринальные наработки в данной области, проанализировав позиции судебных инстанций по вопросам применения норм гражданского законодательства в сфере отказов, можно сформулировать следующие выводы, имеющие теоретическую и практическую значимость:

1. При исследовании понятия отказа установлено, что ученые формулируют различные дефиниции отказа, и предлагают принципиально отличные признаки, которые его характеризуют. Представляется, что в большинстве своем речь идет не о непреодолимых доктринальных разногласиях, а всего лишь об отсутствии единого подхода к формулировке отказа, не учитывающего, с одной стороны, наличие общих признаков всех отказов в гражданском праве, а с другой стороны, его многозначность. Для устранения указанных противоречий предложено выделение общих признаков отказа, а также определены научные теории, в рамках которых возможно более детальное изучение отказа.

При этом, общими признаками для всех видов отказа в гражданском праве названы: а) признак перформативности отказа (позволяющий квалифицировать любой отказ как действие или речевой акт, тождественный действию); б) признак общих правовых последствий, выражающихся в прекращении правовых возможностей или сужение их границ для участников гражданско-правовых отношений.

Развитие сформированных доктринальных представлений на категорию «отказ» возможно в рамках конкретных цивилистических учений, основными из которых являются: учение о гражданском правоотношении, о юридических фактах гражданского права, о защите гражданских прав и интересов и о механизме гражданско-правового регулирования.

2. Проведенный анализ определений отказов с позиции различных цивилистических учений позволил сформулировать базовые признаки, которые присущи отказам и сформулировать основные подходы, в рамках которых возможно дальнейшее, более углубленное изучение данного понятия.

С позиции учения о гражданском правоотношении отказ следует считать реализацией права и исполнением обязанности. При этом право на отказ определено как секундарное право, поскольку соответствует всем его признакам. Во-первых, данной правовой возможности противостоит состояние связанности (ожидания) других участников правоотношения (обязанность претерпевания); а, во-вторых, интерес обладателя данной правовой возможности удовлетворяется за счет собственных действий ее обладателя. Обязанность отказа – это долженствование, сформулированное в виде негативного обязательства, принимаемое на себя стороной договорного правоотношения, содержанием которого является воздержание от осуществления отдельных элементов субъективных прав или реализации отдельных элементов правоспособности и дееспособности.

С позиции учения о юридических фактах гражданского права сделан вывод о том, что отказ встраивается лишь в одну устоявшуюся классификацию юридических фактов по волевому критерию и может быть отнесен к действиям. Однако, разнообразие правовых последствий, порождаемых отказом, не позволяет однозначно отнести отказ ни к группе правопорождающих, правоизменяющих, правопрекращающих юридических фактов, ни к определенной группе односторонних сделок, предложенных в юридической литературе. Более того, обосновано, что отказ не всегда является односторонней сделкой, поскольку необходимость исполнения подобной обязанности может быть установлена в соглашении путем закрепления негативного обязательства.

С позиции учения о защите гражданских прав и охраняемых законом интересах отказ отнесен к особому способу защиты, который можно одновре-

менно относить как к мерам оперативного воздействия, так и к мерам самозащиты, поскольку отказ может быть произведен путем совершения как фактических, так и юридических действий. Примерами первых могут служить отказы в допуске в жилое помещение, принадлежащее на праве собственности, представителям управляющей организации или отказы возвратить вещь (удержать ее). Примерами вторых являются отказы от принятия ненадлежащее исполнения или односторонние отказы от договоров.

С позиции учения о механизме правового регулирования установлено, что отказ как правовое средство может предоставляться не только с целью расширения свободы участников гражданско-правовых отношений, но и использоваться как средство, сужающее указанную свободу. Обосновано, что в последнем случае законодатель должен подходить к установлению права на отказ с особой осторожностью, поскольку одни участники гражданских правоотношений наделяются «правовой властью» над другими, что не характерно для гражданско-правового оборота.

3. Многообразие отказов в гражданском праве требует выработки научно обоснованной их классификации.

В работе предложено выделение по критерию направленности двух видов отказа: внутренний и внешний. Внутренний направлен на отказ от правовых возможностей самого их обладателя и не оказывающий влияния на правовую сферу третьих лиц. Такой отказ может быть выражен словами: отказ от того, что принадлежит субъекту. Внешний направлен на отказ в реализации правовых возможностей, принадлежащих иным лицам и вторгающийся в их правовую сферу. Данный вид отказа может быть представлен в виде модели: отказ кому-то в чем-то. Правовое значение данных видов отказа наглядно проявляется через теорию механизма правового регулирования и понимания отказа в качестве стимулирующего или ограничивающего правового средства.

Самостоятельный характер имеет классификация отказов в зависимости от объекта отказа:

- отказ от субъективных прав и их осуществления;

- отказ от реализации правоспособности и дееспособности;
- отказ от секундарных прав и их осуществления;
- отказ от исполнения юридических обязанностей;
- отказ от исполнения кредиторских обязанностей.

Четкое разграничение объектов отказа позволяет определить возможность их совершения, а также правовые последствия, наступаемые при таком отказе. Подобное разграничение принципиально важно для формирования единообразной судебной практики в части легитимности тех или иных видов отказа. Неоднозначное отношение судов к отказам и преобладание практики признания их недействительными, требует научного обоснования данной позиции. В диссертационном исследовании предлагается по критерию легитимности (позиции закона) выделить разрешенные (правомерные) и запрещенные (неправомерные) отказы, которые, с точки зрения их квалификации в качестве действительного или недействительного, в свою очередь, следует подразделить на: «безусловно ничтожные» (отказы, запрещенные в сверхимперативных нормах и прямо признаваемые недействительными нормами гражданского законодательства); «условно ничтожные» (отказы, запрет которых вытекает из императивных норм гражданского законодательства); «безусловно действительные» (отказы, прямо разрешаемые нормами гражданского законодательства); «условно действительные» (отказы, не запрещенные гражданским законодательством и вытекающие из его диспозитивных норм).

4. Погружение в исследование отказов от отдельных объектов, позволило сформулировать выводы в части критериев их разграничения. Так, для разграничения отказа от прав и отказов от осуществления прав, предложено термин «права» в контексте применения ст. 9 ГК РФ трактовать не только как субъективное право в целом, но и как правомочия субъективных прав. В случае отказа от отдельных правомочий данная ситуация должна квалифицироваться как отказ от осуществления права. Сформулирован вывод о том, что отказ от правоспособности и дееспособности в гражданском праве недопу-

стим, возможен лишь отказ от ее реализации. Необходимо отграничивать отказ от реализации правоспособности от отказа от осуществления субъективного права и отказа от права. В случае состоявшегося юридического факта, который привел к возникновению гражданского правоотношения, отказ от правовых возможностей не может квалифицироваться как отказ от правоспособности. Обоснование судами недопустимости таких отказов через призму ст. 22 ГК РФ представляет собой грубое нарушение норм материального права. Отказ от вторичных прав может влечь прекращение существования вторичного права (например, отказ от акцепта) или не приводит к наступлению такого последствия (например, отказ в даче согласия). В первом случае следует вести речь об отказе от вторичного права, во втором – об отказе от его осуществления. Предлагается расширить практическое применение исключений об изменении условий акцепта, которые не приводили бы к его квалификации в качестве отказа от акцепта и новой оферты. Аргументировано, что предоставление права на отказ в даче согласия должно быть продуманным и обоснованным, поскольку существенным образом сужает свободу участников гражданско-правовых отношений.

5. Неправомерные (недопустимые) отказы в гражданском праве преимущественно порождают их ничтожность. Вместе с тем, существуют и иные правовые последствия недопустимых отказов. В частности, это касается отказов в заключении публичного договора. Ничтожность подобного отказа не защищает участника гражданско-правового отношения, а потому требуется закрепление особого правового последствия – возможности требовать понуждения к заключению договора. Основным источником гражданского законодательства провозглашает недопустимость отказов от заключения публичного договора и устанавливает лишь одно исключение из этого правила. Это означает, что расширительно толковать данные положения нельзя, а увеличение перечня случаев возможности отказов может происходить только после внесения изменений в ст. 426 ГК РФ.

В отношении отказа от наследства под условием, который недопустим, следует констатировать, что законодатель, руководствуясь публичными интересами, существенно сузил сферу частного усмотрения применительно к отказу от наследственных прав. Вместе с тем, некоторые из установленных запретов неправильно квалифицируются судами, что приводит к еще большему сужению правовых возможностей. В первую очередь, это касается складывающейся судебной практики по вопросу о недопустимости отказов от наследства под условием, которую необходимо изменять.

Проблемы, связанные с правовым регулированием отказа в гражданском праве, обширны и требуют дальнейшего анализа. В рамках данного диссертационного исследования не ставились задачи рассмотрения частных вопросов о различных видах отказа применительно к предлагаемым классификационным группам. Например, особенности отказа от договора и осуществления прав по договору. Указанные, а также иные виды отказа нуждаются в тщательном внимании со стороны научного сообщества. Выводы и предложения, сформулированные в работе, надеемся, послужат основой для более детального и глубокого исследования данной проблематики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Нормативные правовые акты

1. Конвенция № 132 Международной организации труда «Об оплачиваемых отпусках (пересмотренная в 1970 году)» (принята в г. Женева 24.06.1970 года на 54-ой сессии Генеральной конференции МОТ) (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 20.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
9. Федеральный закон «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102-ФЗ (в ред. ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 29. – Ст. 3400
10. Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.07.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418
11. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» //
12. Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434
13. Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ (ред. от 23.07.2013 г.) «О хозяйственных партнерствах» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (ч. 5). – Ст. 7058.

14. Федеральный закон от 21.12.2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 51. – Ст. 6687.

15. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

16. Федеральный закон РФ от 03.07.2016 № 333-ФЗ «О внесении изменений в статью 225 части первой и статью 1151 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27 (часть II). – Ст. 4266.

17. Постановление Правительства РФ от 09.04.2001 № 275 (ред. от 25.05.2017) «О фонде жилья для временного поселения лиц, признанных беженцами, и его использовании» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 16. – Ст. 1604.

18. Постановление Правительства РФ от 15.11.2016 № 1194 «О предоставлении вынужденным переселенцам и членам их семей жилых помещений фонда для временного поселения вынужденных переселенцев» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 47. – Ст. 6670.

19. Методические рекомендации по удостоверению завещаний, принятию нотариусом закрытого завещания, вскрытию и оглашению закрытого завещания (утв. решением Правления ФНП от 01 - 02.07.2004, протокол № 04/04) // Нотариальный вестник. – 2004. – № 9.

II. СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

20. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х томах. Т. 1 – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – 490 с.

21. Агарков М.М. Право на имя // Памяти профессора Габриеля Феликсовича Шершеневича. Сборник статей по гражданскому и торговому праву. – М.: Бр. Башмаковы, 1915. – С. 71-92.

22. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Вестник АН СССР. – 1946. – № 6. – С. 424-436.

23. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Ученые труды ВИЮН. Вып. 3. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 192 с.

24. Адельшин Р.Н., Сорокина Ю.А. Особенности осуществления и отказ от права в высокотехнологичных стохастических обязательствах в сфере срочного рынка и информационных технологий в банковской сфере // Банковское право. – 2019. – № 6. – С. 69–76.

25. Адельшин Р.Н., Сорокина Ю. А. Переговоры о заключении договора и отказ от права // Хозяйство и право. – 2018. – № 11 (502). – С. 103-108.

26. Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Теоретические проблемы гражданского права:

сборник ученых трудов Свердловского Юридического Института. Вып. 13. – Свердловск, 1970. – С. 46-63.

27. Алексеев С.С. Общая теория права. – М. Проспект, 2009. – 568 с.

28. Алексеева Е.В., Комиссарова Е.Г., Микшис Д.В., Торкин Д.А., Труба А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2016.

29. Амирова Т.А., Колшанский Г.В., Ольховиков Б.А., Шайкевич А.Я. Курс лекций по теоретическому и классическому языкознанию для аспирантов. – М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1972. – 96 с.

30. Андреев Ю.Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: монография. – М. : Норма, Инфра-М, 2011. – 400 с.

31. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Томъ I. Введение и общая часть. №-е изд. С-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. 620 с.

32. Асланян Н.П. Некоторые вопросы теории охранительных правоотношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики: матер. 3-й ежегод. межд. науч.-практ. конф. / под ред. Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. 2014. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2014. – С. 7-18.

33. Асланян Н. П. Основные проблемы разработки современного учения о защите гражданских прав // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 20-21 апреля 2012 г. Иркутск, 2012. С. 7-12.

34. Асланян Н.П. Об отношении к категориям в цивилистической литературе и роли категорий в научном познании // Защита частных прав: проблемы теории и практики. материалы VI ежегодной международной научно-практической конференции в рамках Байкальского юридического форума. 2017. С. 6-20.

35. Бабаев А.Б., Белов В.А. Учение о гражданском правоотношении // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт, 2007. – С. 258-263

36. Бабаев А. Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 22 с.

37. Бабаев А.Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 157 с.

38. Бабаев А.Б. Односторонние сделки в системе юридических фактов. – М. : Статут, 2008. Доступ из «СПС КонсультантПлюс»

39. Басин Ю.Г. О необходимости концептуальных изменений в ГК РК // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика: Избранное / Под ред. А. Диденко. – Алматы, 2008. Т. 2. – С. 135-136.

40. Баранов С.Ю. Гражданско-правовые средства охраны прав потребителей. – М.: Статут, 2014. СПС «КонсультантПлюс»

41. Баранов В. М., Баранова М.В., Першина И. В. Юридический отказ в договорном праве России. Рецензия на монографию М. А. Егоровой «Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора» (М. , 2010. 528 с.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – №1 (14). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-otkaz-v-dogovornom-prave-rossii-retsenziya-na-monografiyu-m-a-egorovoy-odnostoronniy-otkaz-ot-ispolneniya-grazhdansko> (дата обращения: 16.05.2017).
42. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие. – М. Флинта : Наука, 2007. – 507 с.
43. Башлаков-Николаев И.В. О некоторых аспектах ограничения свободы договора антимонопольным законодательством (о возможности отказа от заключения договора лицом, занимающим доминирующее положение на товарном рынке) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 9. – С. 90-94.
44. Белькова Е.Г. Понятие и сущность правоспособности // Известия БГУ. – 2006. – № 5. – С. 54-59.
45. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право : учеб. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 521 с. – (Магистр).
46. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты : учеб. – М. : Издательство Юрайт, 2011. – 1093 с. – Серия : Магистр.
47. Белов В.А. Гражданское право. Т. III. Абсолютные гражданско-правовые формы : учеб. для бакалавров. – М. : Издательство Юрайт, 2013. – 1189 с. – Серия : бакалавр. Углубленный курс.
48. Белов В.А. Гражданское право. Т. IV. Относительные гражданско-правовые формы : учеб. для бакалавров. – М. : Издательство Юрайт, 2013. – 1085 с. – Серия : бакалавр. Углубленный курс.
49. Беляева К.К. Институт отказа от права в сравнительно-правовом контексте // Вестник гражданского права. 2017. № 3. Консультант Плюс
50. Бертгольдт Г. В. Условные завещательные распоряжения и подназначение наследника (субинституция): сборник кассационных решений правительственного сената. – М., 1897. – 214 с.
51. Бойко Т.С. Отказ от права и воздержание от осуществления права: российский и англо-американский подходы // Закон. – 2012. – № 3. – С. 133-145.
52. Богданов Е.В. Правовые проблемы удовлетворения жилищных потребностей граждан в условиях перехода к рынку : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1993. – 34 с.
53. Болдырев В.А. Гражданско-правовая конструкция юридического лица несобственника: автореф. дис. д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – 43 с.

54. Борисов А.Н. Комментарий к главе 4 части первой Гражданского кодекса РФ «Юридические лица» (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2014.
55. Борисов А.Н., Игнатов С.Л., Ушаков А.А. Комментарий к главе 3 части первой Гражданского кодекса РФ «Граждане (физические лица)» (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2013.
56. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. Книга 1. 3-е издание, стереотипное. – М. : Статут, 2001. СПС Консультант Плюс
57. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. Книга 5. Т. 2. – М. : Статут, 2006. СПС Консультант Плюс
58. Брезгулевская Л.К. Гражданско-правовое регулирование согласия лица на совершение сделки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2016. – 19 с.
59. Буркова А.Ю. Рамочные соглашения: международная практика и российское право // Вестник арбитражной практики. – 2015. – № 6. – С. 58-62.
60. Буркова А.Ю. Некоторые изменения Гражданского кодекса Российской Федерации с точки зрения российского банковского юриста // Банковское право. – 2015. – № 6. – С. 7-14.
61. Буртовая Е.И. Прекращение права собственности по воле собственника в системе оснований и способов прекращения субъективного права собственности по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2011. – 22 с
62. Бутнев В.В. Несколько замечаний к теории охранительных правоотношений // Вопросы теории охранительных правоотношений. – Ярославль: Изд-во Яросл ун-та, 1991. – С. 7-10.
63. Бычков А.И. О рисках и спорах по кредитному договору (гл. IV, § 1). – М. : Инфотропик Медиа, 2016. СПС КонсультантПлюс
64. Бычков А. Молчание – вовсе не знак согласия // ЭЖ-Юрист. – 2015. – № 25. – С. 13.
65. Василевская Л.Ю. Машино-место как объект недвижимости: особенности гражданско-правового режима по российскому и германскому законодательству // Юрист. – 2018. – № 1. – С. 66-71.
66. Василевская Л. Ю. Предотвращение потерь кредитора в натуральном обязательстве: германский опыт // Пролог: журнал о праве. – 2016. – № 3.
67. Василевская Л.Ю. Институты иностранного права в Гражданском кодексе Российской Федерации: новое регулирование – новые проблемы // Судья. – 2016. – № 10. – С. 10-13.
68. Василевская Л. Ю., Сулова С.И. Отказ от вещных прав на недвижимое имущество: проблемы толкования и правоприменения // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2019. – № 3.

69. Васильев А. М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М.: Юридическая литература, 1976. – 264 с.
70. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права; науч. ред.: Ем В.С. – М.: Статут, 2003. – 382 с.
71. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. Выпуск 1. Введение и общая часть. – С-Петербург, 1894. – 169 с.
72. Вабищевич С.С. Проблема единства и пределов предмета гражданско-правового регулирования // Пролог: журнал о праве. – 2016. – № 4.
73. Вавилин Е.В. Субъективное гражданское право // Современное право. – 2007. – № 4. – С. 38-40.
74. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 360 с.
75. Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. – Рига: Зинатне, 1976. – 231 с.
76. Великоклад Т.П. Правомочия завещателя на включение условий в завещание // Наследственное право. – 2013. – № 2. – С. 16-20.
77. Виниченко Ю.В., Никитина Ю.Д. О значении молчания в российском гражданском праве // Налоги (газета). – 2010. – № 12. – С. 20-24.
78. Власова Е.Д. Институт отказа от права: применение в российском праве и в зарубежных правовых порядках // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 1. – С. 85-97.
79. Воробьева Е.А. Правовое регулирование сделок, требующих согласия, по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 30 с.
80. Генкин Д.М. Право собственности в СССР. – М. : Юрид. лит-ра, 1961. – 223 с.
81. Горяева Е.Ю. Правовое регулирование отношений, возникающих при помещении ценностей в банковскую ячейку: монография. – М. : Проспект, 2016. СПС Консультант Плюс
82. Гладышева И.П. Юридический отказ : теория, практика, техника : дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2010. – 217 с.
83. Глушкова Е.А. Преимущественные гражданские права и вторичные права: проблемы соотношения // Современное право. – 2016. – № 8. – С. 47- 52.
84. Гражданское право: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. – М., 1998. – 816 с.
85. Гражданское право: в 2 т. Том. 1: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство БЕК, 2000. – 816 с.
86. Гражданское право: Учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2016. Т. 1. – 511 с.
87. Гражданский кодекс Российской Федерации. Авторское право. Права, смежные с авторскими. Постатейный комментарий к главам 69 – 71 / под ред. П.В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2014. СПС Консультант Плюс

88. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1 - 5 / под ред. Л.В. Санниковой. – М.: Статут, 2015. СПС Консультант Плюс
89. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М., 1972. – 284 с.
90. Гришаев С.П. Наследственное право: учебно-практическое пособие. – М. : Проспект, 2011. СПС Консультант Плюс
91. Гришаев С.П. Защита прав потребителей. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2016. СПС Консультант Плюс
92. Гришина А.Е., Пузиков А.С. Комментарий к Федеральному закону от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2013.
93. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю., Малышев В.А., Спектор А.А. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный). Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2008.
94. Громов С.А. Спорные аспекты учения об условных сделках // Сделки: проблемы теории и практики. Сборник статей. – М.: Статут, 2008. – С. 255-297.
95. Громов А.А. Акцепт на иных условиях: российский подход в контексте зарубежного опыта // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 10. – С. 70-95.
96. Гуцин В.В., Добровинская А.В. Отказ наследника от права на наследство как акт одностороннего волеизъявления // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 12. – С. 34-37.
97. Дайджест новостей частного права [Электронный ресурс]: Декр. № 2019-872, 21 августа 2019 года Декр. № 2019-873, 21 августа 2019 года, Декр. № 2019-874, 21 августа 2019 года // https://m-logos.ru/mlogos_publication/dajdzhest-novostej-rossijskogo-i-zarubezhnogo-chastnogo-prava-za-iyun-avgust-2019-goda/
98. Дайджест новостей частного права [Электронный ресурс]. Судебная практика. https://m-logos.ru/wp-content/uploads/2019/11/dajdzhest-novostej-chastnogo-prava_1-za-oktyabr-2019.pdf
99. Демкина А.В. Порядок и пределы реализации права на отказ от договора или от осуществления прав по договору: новые правила ГК РФ // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 57 – 65.
100. Дерюгина Т. В. Принципы осуществления гражданских прав : монография. – М. : Книгодел, 2010. – 188 с.
101. Диденко А.Г. Основные проблемы частного права. Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2010. – 575 с.
102. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для ВУЗов / под общ. ред. Академика РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсисянца. – М.: Норма, Инфра-М, 1996. – 704 с.
103. Дятлов Е.В. Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 28 с.

104. Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Настольная книга судьи по делам о наследовании: учебно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2013. СПС КонсультантПлюс
105. Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения договора по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 29 с.
106. Ерш А.В. Некоторые проблемы отказа от права постоянного (бессрочного) пользования и права пожизненного наследуемого владения земельным участком // Хозяйство и право. – 2006. – № 10. – С. 33.
107. Жицинский Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права. – Воронеж, 1968. – 123 с.
108. Зими́на М.Ю. Институт согласия в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019.
109. Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. Т. 7. – С. 205-252.
110. Иванов О.М., Щербакова М.А. Комментарий к Федеральному закону «О потребительском кредите (займе)»: научно-практический (постатейный). – М.: Статут, 2014. СПС Консультант Плюс
111. Имекова М.П. Отказ лица от права собственности на земельный участок в системе оснований прекращения права собственности на землю // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 11. – С. 1423-1428.
112. Иоффе О.С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // Советское государство и право. – 1966. – № 7. – С. 51-60.
113. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М.: Юрид. лит-ра, 1975. – 880 с.
114. Исаков В.Б Фактический состав в механизме правового регулирования; науч. ред.: Алексеев С.С. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 128 с.
115. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы: В 2 т. Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. Т. 1. – М. : Статут, 2012. СПС КонсультантПлюс.
116. Карасева С.Ю. Обзор практики рассмотрения дел Верховным Судом РФ (подготовлен для системы КонсультантПлюс) // СПС КонсультантПлюс. 2014.
117. Карнушин В.Е. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / Под ред. В.П. Камышанского. – М.: Статут, 2016 // http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/karnushin_ve_sekundarnye_prava_v_grazhdanskom_prave_rossijskoj_federacii/
118. Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения: автореф. ... дис. ... д-ра юрид. наук., – Екатеринбург, 2014. – 37 с.
119. Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений // Юрист. – 2014. – № 8. – С. 29-33.

120. Кархалев Д.Н. Охранительные соглашения в гражданском праве // Юрист. – 2015. – № 19. – С. 12-16.
121. Касаткин С.Н. Соглашение в гражданском праве РФ: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2014. – 204 с.
122. Кирилловых А.А. Прием наследства и отказ от него: правовые позиции и некоторые проблемы правоприменительной практики // Законодательство и экономика. – 2015. – № 4. – С. 26-35.
123. Кирпичев А.Е. Система санкций за нарушение договора: меры ответственности, меры оперативного воздействия, расторжение договора и неюридические санкции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 7. – С. 9-16.
124. Ковалев А.А. Международная защита прав человека: учебное пособие. – М.: Статут, 2013. – 591 с.
125. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. – М.: Статут, 2005. СПС КонсультантПлюс.
126. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) / Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н., Гришина Я.С., Закиров Р.Ю., Кожевников О.А., Копьев А.В., Кухаренко Т.А., Морозов А.П., Морозов С.Ю., Серебренников М.М., Шадрина Е.Г., Юдина А.Б. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2014.
127. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный). 3-е издание, пересмотренное / под ред. А.М. Куренного, С.П. Маврина, В.А. Сафонова, Е.Б. Хохлова.) М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. СПС КонсультантПлюс.
128. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (постатейный) / Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бирюкова Т.А., Барышев С.А., Вахрушева Ю.Н., Долотина Р.Р., Елизарова Н.В., Закиров Р.Ю., Захарова Н.А., Иванишин П.З., Морозов С.Ю., Михалева Т.Н. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2014. (к ст. 786)
129. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Юридическая фирма «Контракт»; ИНФРА-М, 1997. СПС КонсультантПлюс.
130. Кравченко А. А. Секундарные права в российском гражданском праве : автор. дис. ... канд.. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
131. Кравченко А.А. К вопросу об определении правовой природы секундарных прав // Законодательство и экономика. – 2015. – № 2. – С. 49-52.
132. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Госюриздат, 1958. – 183 с.
133. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1994. – 435 с.

134. Кратенко М.В. Защита прав потребителей услуг: Справочник. –М. : Проспект, 2010. СПС КонсультантПлюс
135. Крашенинников Е. А. К теории права на иск. – Ярославль: Изд-во Ярлосл. ун-та, 1995. – 76 с.
136. Крашенинников Е.А. Условие в сделке: понятие, виды, допустимость // Очерки по торговому праву: Сб. науч. тр. Вып. 8. Ярославль: Изд-во Ярлосл. ун-та, 2001. – С. 3-17.
137. Крашенинников Е.А. Регулятивные и охранительные субъективные гражданские права // Очерки по торговому праву: сб. научн. трудов / под ред. Е.А. Крашенинникова. – Ярославль, 2007. Вып. 14. – С. 5-16.
138. Кузнецова О.А. Отказ от наследства: вопросы теории и правоприменительной практики // Юрист. – 2016. – № 2. – С. 25-29.
139. Кузнецова О.А. Нотариальная форма согласия супруга: некоторые вопросы правоприменительной практики // Современное право. – 2017. – № 4. – С. 57— 61.
140. Кучер А.Н. Акцепт как стадия заключения предпринимательского договора // Законодательство. – 2001. – № 7. – С. 36-43.
141. Лиджиева С.Г. Принятие и отказ от обязательной доли // Нотариус. – 2016. – № 2. – С. 12-15.
142. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В.Н.Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
143. Лисунов С.К. Комментарий к Федеральному закону «О государственном кадастре недвижимости»: постатейный. – М. : Деловой двор, 2015. СПС КонсультантПлюс.
144. Лучинская Е.Н., Сизоненко И.Б. Перформативность судебного дискурса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 1. С. 142-146.
145. Майфат А.В. Некоторые вопросы прекращения корпоративных правоотношений: выход участника из общества с ограниченной ответственностью // Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б.М. Гонгалю. – М. : Статут, 2016. СПС «Консультант Плюс
146. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (Понятие, осуществление и защита): дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1997. – 431 с
147. Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. – 2014. – № 7. – С. 40-47.
148. Маляр М.Ю. Отказ в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2017. – 227 с.
149. Малько А. В. Механизм правового регулирования: Лекция // Правоведение. –1996. –№ 3. –С. 54-62.
150. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. – 292 с.
151. Медвецкая О.А. Недействительность отказа от наследства в судебной практике // Наследственное право. – 2014. – № 2. – С. 18-22.

152. Медяник Д.С. Использование депозита нотариуса в качестве непоименованного способа обеспечения обязательств // Нотариус. – 2014. – № 7. – С. 34-37.
153. Мейер Д.И. Русское гражданское право. в 2 ч. Ч. 2. По испр. и доп. 8 изд. 1902. – М.: Статут, 1997. – 455 с.
154. Меркулов В.В., Рыбаков В.А., Цыбуленко З.И., Щелчков О.А., Тархов В.А. Гражданское правоотношение. Монография. – Уфа: Изд-во Уфим. ВШ МВД РФ, 1993. – 124 с.
155. Международное частное право: В 2 т.: Учебник. Том 1. / под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой. – М. : Статут, 2011. СПС КонсультантПлюс
156. Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. – М. : Статут, 2007. СПС КонсультантПлюс
157. Мильков А. В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов : дис. ... д-ра юрид. наук, М., 2015.
158. Мироненко С. А. Определение понятий «Перформативность» и «Перформанс» в научно-исследовательском дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. №1 (134). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiy-performativnost-i-performans-v-nauchno-issledovatel'skom-diskurse> (дата обращения: 13.07.2020).
159. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. – М. : Статут, 2010. СПС КонсультантПлюс
160. Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 136 с.
161. Мусин В.А. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации // Арбитражные споры. – 2016. – № 1. – С. 90-95.
162. Мыскин А.В. Два очерка из области цивилистики. – М.: Статут, 2015. СПС КонсультантПлюс
163. Мыскин А.В. Рамочный договор в системе российского частного права. – М. : Статут, 2012. СПС Консультант Плюс
164. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 280 с.
165. Нечаева А.М. Дееспособность физических лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. –№ 5. – С. 70-76.
166. Никифорова М. А. Правоспособность и дееспособность физических лиц как субъектов гражданских прав // http://www.pravo.vuzlib.net/book_z643_page_4.html
167. Оболонкова Е. В. Односторонний отказ от исполнения обязательства : дис.... канд. юрид. наук : 12.00.03. – М., 2009. – 143 с.
168. Орлова О.Б. Российское дореволюционное законодательство и цивилистика о дееспособности физических лиц // Вестник Пермского университета. Юридические науки. –2012. – № 3. – С. 150-158.

169. Осипенко О.В. Российские холдинги. Экспертные проблемы формирования и обеспечения развития. – М.: Статут, 2008. СПС Консультант Плюс
170. Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. Юридические науки. Т. 1. – СПб.: Тип. 2 отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1877. – 462 с.
171. Плеханов В. Договоры участников общества с ограниченной ответственностью // Корпоративный юрист. – 2009. – № 6. – С. 53-57.
172. Полетаева Е.Л. Отказ от дачи согласия на обработку персональных данных // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : матер. V Межд. научн.-практ. конф. (г. Иркутск, 16–17 сентября 2016 г.) : в 2 т. / отв. ред. С.И. Сулова, А.П. Ушакова. Т. 1. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – С. 224-229.
173. Попова О.О. Институциональный подход к исследованию предвыборной агитации // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 57-61.
174. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2011. СПС КонсультантПлюс
175. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: В 3 т. Т. 1. / под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2011. СПС Консультант Плюс
176. Ровный В.В. Новейшее исследование предмета гражданского права: рецензия на монографию М.Н. Малеиной «Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита». – М., 2000. 244 с. // Сибирский юридический вестник. – 2000. – № 3. – С. 72-78.
177. Ромадин М., Кошелев Я. Отказ от права на земельный участок и приобретательная давность: новый взгляд на старые проблемы // Хозяйство и право. – 2004. – № 2. – С. 116-117.
178. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова [и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. В 2- Т. Т. 1. – М.: Статут, 2011. СПС КонсультантПлюс
179. Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – 418 с.
180. Саркисян А.В., Новосельнов Д.А. Об отказе от права и его последствиях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 4. С. 93 - 131.
181. Седова Ж.И., Зайцева Н.В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. – М.: Статут, 2014 // Доступ из СПС КонсультантПлюс
182. Семякин М.Н. Проблемы современного понимания методологии цивилистического правоведения // Частное право. Преодолевая испытания. К 60-летию Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2016 (СПС Консультант Плюс)

183. Сепир Э. Коммуникация / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1993. С. 210–215.
184. Серебровский В.И. Фактическое непринятие наследником наследства и отказ его от наследства // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 46-53.
185. Сизина О.С. Отказ от принятия наследства несостоятельным наследником // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 6. – С. 165 - 168.
186. Смирнов С.А. Направленный отказ от наследства: проблемы правового регулирования // Наследственное право. – 2014. – № 1. – С. 32-37.
187. Софонов И.Ю. Современный правоприменительный подход к квалификации отказа от права в договоре // Право и экономика. – 2015. – № 3. – С. 18-23.
188. Стригунова Д.П. Перспективы унификации нормативного регулирования договоров международного экономического посредничества в Евразийском экономическом союзе: монография // СПС «Консультант Плюс»
189. Суд по интеллектуальным правам в системе органов государственной власти Российской Федерации: монография / под ред. И.А. Близнеца, Л.А. Новоселовой. – М. : Проспект, 2015. СПС КонсультантПлюс
190. Суслов А.А. К вопросу о дефиниции отказа в цивилистической науке // Нотариус. – 2017. – № 8. – С. 17-20
191. Суслов А.А. Категория «отказ» в гражданском праве: к вопросу классификации // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 2.
192. Суслов А.А. Недопустимые отказы в гражданском праве России // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1. – С. 102-110.
193. Суслов А.А. Отказ от осуществления гражданских прав: проблемы разграничения со смежными категориями // Академический юридический журнал. – 2017. – № 1.
194. Суслов А.А. Отказ от наследства под условием // Нотариус. – 2017. – № 4.
195. Суслов А.А. Отказ в гражданском праве: классификация по объекту // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : матер. V Межд. научн.-практ. конф (г. Иркутск, 16-17 сентября 2016 г.) : в 2 т. / отв. ред. С.И. Сулова, А.П. Ушакова. – Т. 1. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016.
196. Суслов А.А. Отказ от акцепта в гражданском праве России // Современные проблемы правотворчества и правоприменения : матер. Всерос. студен.научн.-практ. конф (г. Иркутск, 24 марта 2017 г.) / отв. ред. С.И. Сулова, А.П. Ушакова. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. .
197. Суслов А.А. Отказ от правоспособности в гражданском праве России // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2017. – № 1.
198. Суслов А.А. Особенности отказа от отдельных видов субъективных прав // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2017. – № 3.

199. Суслов А.А. Некоторые вопросы правовой регламентации отказа от дееспособности // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : матер. VI Межд. научн.-практ. конф (г. Иркутск, 8 декабря 2018 г.) : в 2 т. / отв. ред. С.И. Суслова. – Т. 1. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018.

200. Суслов А.А. Долженствования как объекты отказа // Общество, право, личность: историко-правовые, философские и социологические предпосылки развития экономики шестого технологического уклада : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–20 апр. 2018 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол. : И. А. Маньковский (гл. ред.) [и др.]. – Выпуск седьмой. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2018. С. 169-171.

201. Суслов А.А., Белькова Е.Г. Отказ от государственной регистрации юридических лиц // Юрист. – 2019. – № 8

202. Суслова С.И. Правовые формы жилищных отношений: дис. д-ра юрид. наук. – М., 2015. – 434 с.

203. Суханова Ю.В. Отказ от субъективных гражданских прав: дис. ...канд. юрид. наук. – Самара, 2009. – 170 с.

204. Сятчихин А.В. Российское законодательство о поименованных и непоименованных способах обеспечения обязательств: исторический экскурс // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 1. – С. 156-163.

205. Тагайназаров Ш.Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР / отв. ред. В.А. Ойгензихт. – Душанбе, 1990. – 216 с.

206. Тарасенкова А.Н. Правовые аспекты семейных отношений: ответы на вопросы и комментарии (выпуск 13). // Библиотечка «Российской газеты». – 2014. – Выпуск 13. – 144 с.

207. Тархов В.А. Гражданское правоотношение : монография. – Уфа Уфим. Высш. Шк., 1993. – 122 с.

208. Тихомиров М.Ю. Управление многоквартирным домом: новые требования законодательства. – М.: Издательство Тихомирова М.Ю., 2014. – 96 с.

209. Толстой В. С. Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1966. – 15 с.

210. Торкин Д.А. Непоименованные способы обеспечения обязательств: дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2005. – 182 с.

211. Трофимова Т.В. Нематериальные блага как объект гражданско-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. // <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1142240>.

212. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. – М.: Статут, 2007. СПС КонсультантПлюс

213. Тягай Е.Д. Участие иностранцев в сделках по недвижимости в США // Правовые вопросы недвижимости. – 2011. – № 2. – С. 28-34.

214. Уразова А. А. Юридическая природа категории «отказ» // Теорія і практика правознавства. – 2013. – № 2 (4). <http://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskaya-priroda-kategorii-otkaz>
215. Уразова А.А. Отказ от корпоративных прав // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6. – С. 1143-1148.
216. Ушаков А.А. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный). 2-е издание, перераб. и доп. – М.: Деловой двор, 2015. СПС КонсультантПлюс
217. Уфимцева А. А. Понятие языкового знака / А. А. Уфимцева // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1970. С. 96–139.
218. Филатова У.Б. Особенности правового регулирования общей долевой собственности в некоторых европейских правовых порядках // Гражданское право. – 2013. – № 5. – С. 21 – 23.
219. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук НКЮ СССР. Вып. 6. – М., 1941. – 207 с.
220. Торгово-промышленное предприятие в праве западноевропейском и РСФСР // Вестник гражданского права. – 2008. – № 2.
221. Харитонова Ю.С. Безотзывная доверенность в предпринимательской деятельности // Юрист. – 2014. – № 20. – С. 42-46.
222. Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб.: Кн. магазины Н.П. Карбасникова, 1908. – 144 с.
223. Хвостов В. М. Общая теория права. Элементарный очерк. По изданию 1911 г. // Allpravo.Ru 2003.
224. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах : учеб. пособие. – М.: Статут, 2015. СПС КонсультантПлюс
225. Цыпляева Е.В., Демидова Г.С. Принятие наследства и отказ от наследства: вопросы теории и практики: монография. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. –125 с.
226. Частное право и финансовый рынок: Сборник статей / отв. ред. М.Л. Башкатов. – М.: Статут, 2011. Вып. 1. – 367 с.
227. Частное право: проблемы теории и практики / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. – М.: Проспект, 2016. СПС КонсультантПлюс
228. Чашкова С.Ю. Свобода формирования условий договора о суррогатном материнстве как нетипичной договорной конструкции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 2. – С. 58-64.
229. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2002. – 432 с.
230. Черепяхин Б.Б. Первоначальные способы приобретения собственности по действующему праву // Труды по гражданскому праву. – М., 2001 (серия "Классика российской цивилистики"). – 479 с.
231. Черепяхин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. – М.: Госюриздат, 1962. – 162 с.

232. Шапсугова М.Д. Проявления публичности публичного договора в российском праве // Гражданское право. – 2016. – № 3. – С. 3-5.
233. Шибаева Е.Н. Злоупотребление правом в условиях отказа от наследства // Современный юрист. – 2020. – № 3. – С. 59-68.
234. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. – М.: Статут, 2005. – 461 с.
235. Южанин Н.В. Меры оперативного воздействия и вторичные права // Lex russica. – 2016. – № 8. – С. 21-32.
236. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3 т. Общие положения о юридических лицах. Том 1 / Габов А.В., Гутников О.В., Доронина Н.Г. и др.; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. СПС КонсультантПлюс
237. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. – Свердловск, 1972. – 212 с.
238. Яковлев В.Ф. Структура гражданских правоотношений // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сб. ст. Яковлев В.Ф. Структура гражданских правоотношений // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сб. ст. – М., 2001. – С. 380-389.
239. Юридические лица в российском гражданском праве. Том 1. Общие положения о юридических лицах: монография / Ответственные редакторы А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын // СПС «Консультант Плюс»
240. Vanderveken D. Meanin and speech acts. Vol. 1/ Camdridge University Press, 1990. 415 P.

III. Судебная практика

241. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 года «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 6.
242. Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 5.
243. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
244. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. (ред. от 07.02.2017 г.) № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. – 2016. – № 70.
245. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

246. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

247. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 г. № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 11.

248. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ №13903/10 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 7.

249. Определение коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 01.12.2015 № 305-ЭС15-9906(документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

250. Обзор судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 года (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

251. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 2016 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 06.07.2016) // СПС Консультант Плюс. Версия Проф.

252. Определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2016 г. № 35-ГК16-14 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

253. Определение Верховного Суда РФ от 28.09.2016 № 305-КГ16-3100 по делу № А40-18305/2015 (документ опубликован не был) // СПС Консультант Плюс

254. Определение Верховного Суда РФ от 10.02.2017 № 303-ЭС16-21371 по делу № А24-4567/2015 // (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

255. Определение Верховного Суда РФ от 15.12.2020 № 376-ПЭК20 по делу № А65-11516/2019 // Консультант Плюс. Версия Проф.

256. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.02.2018 № 306-ЭС14-6837 по делу № А65-19446/2011// Консультант Плюс. Версия Проф.

257. Определение ВАС РФ от 26.01.2011 г. № ВАС-18549/10 по делу № А06-5715/2009 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

258. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 05.06.2014 по делу № 33-7424/2014 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

259. Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 14.05.2014 по делу № 33-1814/2014 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

260. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.03.2014 г. по делу № 33-6982 А (документ опубликован не был) // КонсультантПлюс

261. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 22.05.2014 по делу № 33-7028/2014 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

262. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.11.2016 по делу № 33-46567/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

263. Апелляционное определение Брянского областного суда от 25 июня 2013 г. по делу № 33-1861/13 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

264. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.05.2018 по делу № 33-19338/2018 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

265. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.04.2016 № Ф04-441/2016 по делу N А27-3506/2015 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

266. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.10.2015 № Ф07-7592/2015 по делу № А56-27514/2014(документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

267. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29.11.2017 № Ф03-3900/2017 по делу № А73-17152/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

268. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.05.2017 № Ф05-2933/2017 по делу № А40-104411/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

269. Решение Басманного районного суда г. Москвы от 30 августа 2011 г. по делу № 2-2756/11. <https://rospravosudie.com/court-basmannyj-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-100507816/>

270. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 28.11.2016 по делу № 33-20842/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс.

271. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.07.2015 № 33-11436/2015 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

272. Апелляционное определение Кировского областного суда от 18.03.2014 по делу № 33-890/2014.

273. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.12.2017 по делу № 33-53157/2017 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

274. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.12.2015 г. № Ф01-5027/2015 по делу № А43-29716/20142009 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

275. Путеводитель по судебной практике. Комиссия. Подготовлен специалистами АО «Консультант Плюс» (12.12.2016)

276. О прекращении права пользования жилым помещением, выселении и снятии с регистрационного учета из жилого помещения : апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 16 июня 2015 г. по делу № 33-10050/2015 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант-Плюс».

277. Архив Октябрьского районного суда г. Иркутска. Дело № 2-775/2011.

278. Решение Некрасовского районного суда Ярославской области по делу № 2-265/12 от 27 июля 2012 года об обязанности надлежащим образом содержать жилое помещение путем постоянного отопления своей квартиры в осенне-зимней период времени года // Росправосудие

279. Определение ВАС РФ от 15 мая 2012 г. № ВАС-5922/12 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия. Проф.

280. Решение по делу № А51-11493/2006-14-227(документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

281. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 16.06.2015 по делу № 33-10050/2015 «О прекращении права пользования жилым помещением, выселении и снятии с регистрационного учета из жилого помещения» (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

282. Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Хабаровского краевого суда по делу № 33-8930. От 12 марта 2012 года. URL: <http://rospravosudie.com/court-xabarovskij-kraevoj-sud-xabarovskij-kraj-s/act-103855069/>

283. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 30.08.2011 г. по делу № А66-8547/2010 (документ опубликован не был) // КонсультантПлюс. Версия Проф.

284. Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 12 августа 2013 г. по делу № 33-2464/2013 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

285. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций", а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» // СЗ РФ. 2001. № 12. Ст. 1138.

286. Постановление ФАС Московского округа от 23.07.2014 № Ф05-5605/14 по делу № А40-54997/13-30-488 (документ опубликован не был) // СПС Консультант Плюс

287. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.08.2017 № Ф06-6806/2012 по делу № А65-19446/2011(документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

288. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.10.2016 № Ф05-15558/2016 по делу № А40-250242/15 (Документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия проф.

289. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 17.06.2010 г. по делу № А56-17111/2009 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

290. Постановление ФАС УО от 24.10.2011 № Ф09-6624/11 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс»

291. Перечень позиций высших судов к ст. 621 ГК РФ «Преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок» // Консультант Плюс. Версия Проф.

292. Определение Нижегородского областного суда от 11.09.2012 года по делу № 33-6714 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

293. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 26.02.2013 г. № Ф03-437/2013 по делу № А51-6750/2012 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

294. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24.07.2013 г. по делу № А81-2017/201(документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

295. Кассационное определение Смоленского областного суда от 24.05.2011 по делу № 33-1596 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

296. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 05.06.2014 по делу № 33-7750/2014(документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

297. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 27.04.2016 г. по делу № 33-5263/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

298. Апелляционное определение Курганского областного суда от 12.07.2016 г. по делу № 33-2514/2016(документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

299. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2016 г. по делу № 33-5463/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

300. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 22.12.2016 по делу № 33-22359/2016 (документ опубликован не был) // СПС Консультант Плюс

301. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.11.2015 г. по делу № 33-44567/2015(документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

302. Апелляционное определение Московского городского суда от 06.04.2016 г. по делу № 33-12101/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

303. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.10.2015 г. по делу № 33-38482/2015 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

304. Апелляционное определение Курганского областного суда от 12.07.2016 г. по делу № 33-2514/2016 (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

305. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2015 г. по делу № 33-39693/2015. // Консультант Плюс. Версия Проф.

306. Постановление Президиума ВАС РФ от 7 сентября 2010 г. № 2715/10. // Вестник ВАС РФ. 2010. № 11.

307. Апелляционное определение Московского городского суда от 16 мая 2016 года по делу № 33-10870/2016 // (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

308. Определение Московского городского суда от 07 сентября 2012 по делу № 4г/8-6992 2016 // (документ опубликован не был) // Консультант Плюс. Версия Проф.

309. Решение МКАС при ТПП РФ от 01.08.2017 г. по делу № 244/2016 // Консультант Плюс. Версия Проф.

310. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 23.04.2019 г. по делу № 33-4698/2019 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

311. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2015 г. по делу № 33-39693/2015 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

312. Апелляционное определение Курганского областного суда от 12.07.2016 г. по делу № 33-2514/2016 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

313. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.12.2017 г. по делу № 33-53157/2017 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

314. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.10.2015 г. по делу № 33-38482/2015 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

315. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 11.11.2015 г. № 33-10661/2015 (документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс»

316. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 мая 2015 г. № 33-16101;

317. Апелляционное определение Самарского областного суда от 2 июня 2016 г. по делу № 33-6755/2016;

318. Определение Свердловского областного суда от 28 февраля 2012 г. по делу № 33-2427/2012 // СПС «Консультант Плюс»